

{Polaris}

Дмитрий Пахомов

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК

Повесть из времен каменного века

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХСІХ

Salamandra P.V.V.

**Дмитрий
ПАХОМОВ**

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК

**Повесть из времен
каменного века**

В дали времен

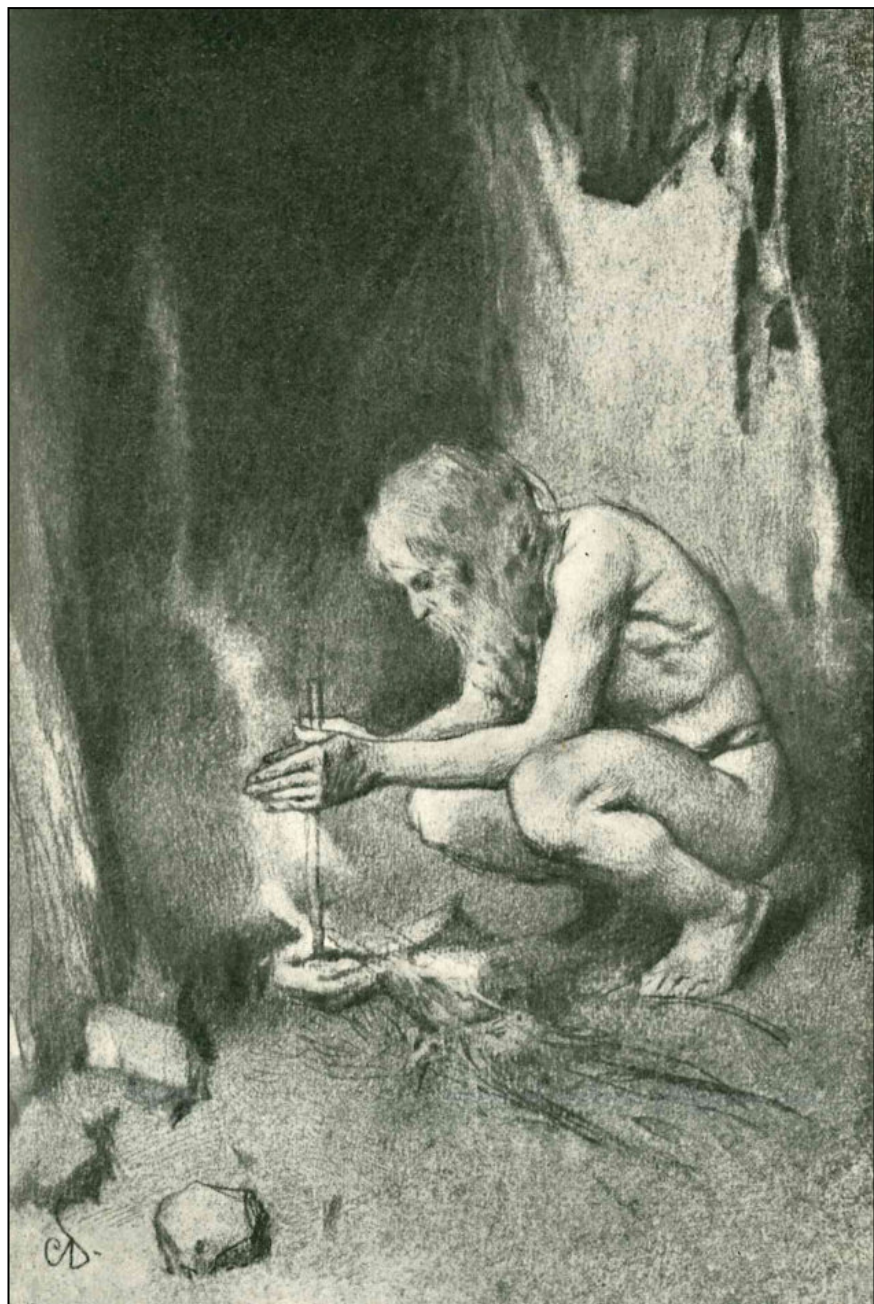
Том V

Salamandra P.V.V.

Пахомов Д. А.

Первый художник: Повесть из времен каменного века. Илл. С. М. Дудина (В дали времен. Том V). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 170 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХСІХ).

В очередном выпуске серии «Polaris» — первое переиздание забытой повести художника, писателя и искусствоведа Д. А. Пахомова (1872-1924) «Первый художник». Не претендуя на научную достоверность, автор на примере приключений смелого охотника, художника и жреца Кремня показывает в ней развитие художественного творчества людей каменного века. Именно искусство, как утверждается в книге, стало движущей силой прогресса, социальной организации и, наконец, религиозных представлений первобытного общества.

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК

Повесть из времен каменного века

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КАМЕННАГО ВѢКА.

Д. А. Пахомова.

Съ 59 рисунками художника С. М. Дудина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию юных читателей повесть «Первый художник» не претендует быть отнесенной к разряду так называемых популярно-научных книг. Хотя эпоха каменного периода в высшей степени интересна и могла бы дать богатый материал для основанного на более или менее серьезном изучении этой эпохи описания быта этого периода, но меня, как художника, заинтересовала здесь совершенно другая идея — развитие художественного творчества первобытного человека. На эту идею меня натолкнуло изображение мамонта, выцарапанное на костяной пластинке, найденной при раскопках в Нанси, в восточной Франции. Этот рисунок так хорош, характерные черты мамонта так смело, уверенно и сильно переданы, что над этим наброском, я думаю, не отказался бы подписаться любой из наших художников. Какие огромные художественные задатки были вложены в душу этого первобытного художника, если он, без всяких пособий, собственным чувством, дошел до такого совершенства передачи формы! Но ведь не сразу же он изобразил мамонта; очевидно, его творчество развивалось постепенно; он начал с простейших орнаментов и только впоследствии дошел до изображений живых существ, и мы можем предположить, что он не остановился на этом и дошел даже до изображения человека. Возможность этого подтверждается открытиями последнего времени в нынешнем году во Франции.

Вот эта-то сторона вопроса меня и заинтересовала; я попытался рассказать, что и как переживал первобытный человек в своем инстинктивном стремлении передавать окружающие его явления и формы, как развивалось его художественное творчество и как его современники должны были отнестись к таким произведениям искусства. Без сомнения, прогресс материальной и духовной жизни человечества не был столь быстрым, чтобы многие культурные завоевания уложились в период двух, трех поколений; также и описанные формы религиозного сознания, быть мо-

жет, слишком сложны и не могут быть отнесены к столь отдаленной эпохе человеческого бытия.

Но не ищите в этом рассказе каких-нибудь научно обоснованных фактов, которые дополнили бы наши знания в вопросе об изучении каменного периода, а попробуйте пережить с героем рассказа, Кремнем, его попытки и стремления — создать красивые орнаменты и изобразить, наконец, волновавший его образ Великого Духа. Дополните воображением то многое, чего мне не удалось рассказать, и перед вами откроется светлая картина работы души, одаренной искрой Божьей.

Не могу не принести благодарность художнику С. М. Дудину, иллюстрировавшему книгу, за ту внимательность, с которой он отнесся к взятой на себя задаче. Рисунки исполнены по коллекциям Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого и другим источникам не только с мастерством, но и с проникновением в самый дух описываемой эпохи. Им же составлен объяснительный список этих рисунков: орудий, утвари, орнаментов и пр.

Д. Пахомов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы с товарищем, в большой лодке, снабженной хорошим полотняным навесом, уже несколько дней спускались вниз по течению Днестра, окаймляющего Бессарабию с северо-востока. Много дней прошло со дня выезда нашего из Хотина, а мы все плыли среди громадных, величественных скал, сдерживающих порывы этой быстрой и широкой реки. Дня три нас трепала буря, затем мы выдержали страшный ураган с градом и вздохнули немного свободнее, наконец, когда добрались, до средней части Днестра.

В один прекрасный, в полном смысле этого слова, день мы причалили к берегу около небольшого местечка Ляцово, находившегося верстах в двадцати от уездного города Могилева. Место это было очень интересно: с левой стороны невысокие скалы берега мало-помалу поднимались и образовывали скалистую стену с глубокими впадинами и небольшой пещерой; далее скалистая стена разрывалась и представляла неширокое ущелье, по дну которого бежала небольшая речка Лядова, впадавшая в Днестр. Несколько домиков образовывали селение, а затем скалы снова поднимались на высоту 80-100 сажен над рекой. Немного не доходя до вершины, расположилась узкая площадка, а в скале над ней находились большие пещеры или, вернее, одна пещера с разветвлениями.

Здесь издавна была церковь, неизвестно когда основанная и возобновленная немного более ста лет тому назад, а в настоящее время так отстроенная, что, смотря снаружи, трудно себе представить, что там есть пещеры, и только войдя внутрь, можно видеть остатки сводов и ходов, которые служили, очевидно, жилищем еще первобытным людям. На другой стороне Днестра, верстах в двух или трех, раскинулась деревня Наславче с немецкой колонией, а немного ниже ее по течению Днестра расположилась еще группа пещер.

Все пещеры в Лядове и окрестностях относятся к глубокой старине. За много десятков тысячелетий до наших

времен в этих пещерах, природных и искусственных, обитали представители первобытного человечества, ведя тяжёлую борьбу за существование с силами природы и с вымершими ныне допотопными животными, окаменелые кости которых иногда попадают в земле.

Наша лодка стояла, немного вытянутая на песчаную отмель. Товарищ ушел в Наславче, я остался один. Летний день закончился ярким, багровым закатом, и затем быстро наступили сумерки, окутывая окрестности туманной дымкой. Дома и другие строения потонули во мгле, и только могучие скалы вздымались темными массами, резко вырисовываясь на быстро темневшем небе, где уже загорелось несколько звездочек.

Днестр катил свои быстрые волны, шелестевшие под кормой лодки и глухо рокотавшие среди громадных, гладко отполированных валунов, казавшихся в сумерках какими-то допотопными чудищами, вылезшими подышать вечерним воздухом.

Высоко-высоко над водой мелькал едва заметный огонек лампы в пещерной церкви и казался снизу отсветом потухавшего в пещере костра. Таинственные ночные звуки, отдаленный лай, писк каких-то ночных птиц сливались с рокотом Днестра и звоном родника, сбегавшего со скал, и навевали мечты.

Невольно я перенесся в далекое прошедшее. Передо мной, одна за другой, проходили картины из тьмы времен. Здесь, среди этих скал жили, трудились, чувствовали и думали люди, стоявшие, правда, на очень низкой ступени развития, но бесконечно высшие в сравнении даже с самыми умными животными. У них было умение добывать огонь, они умели объясняться друг с другом несложной, но понятной речью, у них были зачатки гражданственности, общественного самосознания, у них были задатки творчества во всех областях его проявления и, как результат его, зачатки первобытного, несложного искусства. Их наивные попытки придавать звукам ритм, украшать себя раковинами, костяшками и камнями, выцарапывать на рукоятках топоров простые орнаменты, украшения и рисунки явились той осно-

вой, на которой в наше время так пышно расцвели музыка, скульптура, живопись и другие искусства.

Мне чудились эти толпы первобытных людей, и я точно въявь видел огонь потухавшего костра в пещере, где жила и страдала группа первобытных людей, и мечты унесли меня далеко-далеко от действительности в седую старину.

ГЛАВА I

На новые места. — Огонь потух. — Ураган. — Пещерный медведь. — Смерть вождя. — Добывание огня. — Кремень находит покровителя.

— Холодно! холодно! огня нет, нет огня! потух! — раздавались то яростные, то отчаянно жалобные крики среди группы людей, сбившихся в тесную кучу под навесом скалы, почти не защищавшей их от страшного ливня и бури, ревавшей вокруг.

Тучи, как безумные, проносились низко над головами промокших и продрогших путников, застигнутых ураганом в таком неприветливом и угрюмом месте. Кругом скалы и головокружительные обрывы, спускавшиеся почти отвесно в волны широкой, мутной и вздувшейся от дождей реки. Даль была закрыта туманной дождливой пеленой, и предводитель этой кучки людей тщетно старался проникнуть своими орлиными взорами через непроницаемую завесу дождя. В редкие минуты сравнительного затишья можно было рассмотреть часть реки, где она делала поворот; но и там скалы были такие же угрюмые и на них не видно было ни клочка растительности.

— Нет пещеры! — со злобой крикнул предводитель и яростно потряс в воздухе массивной палицей. Вся кучка несчастных дикарей отозвалась на этот вопль, и несколько мгновений воздух дрожал от криков, рева и воя, ничем не отличавшихся от звериных, но потом сразу все замолкли и, дрожа от холода и голода, впали в полное равнодушие и только изредка сверкали глазами и щелкали зубами, глядя на древнего, седого старика в оборванной шкуре какого-то

животного.

Старик, понурившись, молча сидел, прислонившись к большому камню. Судорожно сжатые руки удерживали на коленях небольшой глиняный горшок с потухшими углями, глаза его были закрыты, и если бы не судорожная дрожь, охватывавшая иногда старика, то можно было подумать, что он умер. Но он не умер, он только избегал встречаться с глазами своих соплеменников и не хотел отвечать на их злобные крики. Он чувствовал, что его спутники злы на него за то, что он не сумел поддержать огня в горшке. Но что же он мог сделать? Он поддерживал огонь, несмотря на дождь, до тех пор, пока не вышел запас сухих веток, завернутых в шкуру; он бережно закрывал горшок куском кожи, но ветер вырвал этот кусок из его усталых рук, и дождь в одно мгновение потушил драгоценную искорку, тлевающую на дне.

Казалось, с этой искрой отлетела вся энергия, поддерживавшая раньше измученных путешественников, уже давно бродивших по берегам реки в надежде найти удобную для поселения пещеру. Несчастливым дикарям казалось, что они никогда больше не увидят весело пылающего костра, что огонь оставил их навсегда. Правда, они знали, что старик умел, при помощи какой-то палки, добывать огонь, но они не понимали, как это делается, и невольные сомнения закрадывались в их сердца.

— Огонь, дай огонь, — иногда обращались они к старику; но он только отрицательно качал головой.

— Огонь ушел, огня нет! Будет пещера, огонь придет! — тихо бормотал старик, стуча от холода зубами; он знал, что искру можно добыть только в сухом месте и добывать ее из сырых веток на дожде нельзя.

Один из обезумевших людей не выдержал и в ярости бросился на старика с каменным топором; но вождь, чутко прислушивавшийся к озлобленным крикам своих соплеменников, быстрее молнии бросился на нападавшего и одним ударом палицы размозил ему голову.

Без стопа свалился несчастный на землю, а вождь сорвал с него плащ, вырвал из мертвой руки топор, а тело швыр-

нул вниз с обрыва, и оно глухо булькнуло, упав в грязные волны реки. Наступило молчание, и слышалось только чье-то рыдание, должно быть, жены убитого.

— Не трогать носящего огонь! — грозно обратился вождь к смущенной толпе. — Убью! Не будет старого, не будет огня, — будет смерть всем! — и он, отвернувшись, снова стал вглядываться в даль, в надежде открыть где-нибудь хоть немного лучший приют от непогоды, бушевавшей с прежней силой.

Наконец как будто настала передышка, дождь перестал, и сквозь тучи даже проглянуло солнце. Вымокшая и продрогшая толпа облегченно вздохнула, восторженно приветствуя солнце.

— Пещера! пещера! — радостно воскликнул вождь, указывая на освещенную солнцем скалу, в которой виднелись небольшие отверстия, и восторженные вопли огласили воздух. Все с надеждой смотрели на эти черные точки в скале и быстро вскочили с места.

Впереди всех, быстрыми и уверенными шагами, пошел вождь. Его смуглое, голое тело, едва прикрытое волчьей шкурой, блестело на солнце каплями воды, стекавшей с длинных мокрых волос. Положив свою тяжелую, дубовую, с большим кремнем на конце палицу на плечо, он зорко высматривал удобную дорогу по крутому и обрывистому берегу, по которому весело прыгали бесчисленные ручьи и каскады желтой воды, размывавшей глинистый обрыв. За вождем двигались самые сильные и лучше вооруженные мужчины; за ними шел старик, а далее, нестройной толпой, двигались женщины, неся маленьких детей за плечами и ведя за руку детей постарше. Шествие замыкалось подростками и мужчинами, все вооружение которых представляли толстые заостренные палки.

Размытый дождями косогор представлял тяжелую дорогу: ноги скользили, и в подошвы впились острые камни и ребра окаменелых раковин; но надежда найти скорый приют окрыляла толпу, и она бодро подвигалась вперед, преодолевая препятствия, перелезая через валуны и переходя через бурливые ручьи.

Пещеры казались уже довольно близкими, но солнце снова померкло. Из-за горы, откуда целый день ползли стада туч, вновь показалась темная масса, но она двигалась медленно, торжественно и грозно. Это было точно какое-то чудовище, зверь, вылезший из бездны и сверкавший тысячами молний. Захватывая небо во всю ширину, он ревел громовыми голосами и полз низко, так низко, что рваные клочья, как гигантские фантастические щупальцы, цеплялись и присасывались к вершинам скал; а главное туловище, иссиня-черное, горевшее только по краям под лучами скрывающегося за ним солнца зловещими желтыми переливами, надвигалось на оцепеневшую от страха толпу. Но вот потухли желтые переливы, солнце скрылось совершенно, и сразу все потемнело...

— Смерть, смерть пришла! — с тоской кричали несчастные путники, бросившись в разные стороны и прячась то за камни, то зарываясь в кустики жалкой травы, росшей в расщелинах скал.

Все замерло... Река будто остановилась, и ни одной волны не было видно на ее гладкой поверхности; ни одного земного звука не было слышно; и люди и птицы замолкли в ожидании беды. На противоположном берегу показалось стадо мускусных быков и зубров, но, встретив преграду в виде реки, животные издали рев, повернули и быстро исчезли из глаз.

Оглушительные раскаты грома следовали один за другим, молния сверкала не переставая, и какой-то страшный, таинственный гул приближался с каждым мгновением и заставлял дрожать воздух... Из-за поворота реки показалась сплошная стена... Еще одно мгновение, и страшный ураган налетел со всей своей силой. Все слилось в одну непроницаемую массу; потоки дождя, град, рев ветра, шум вспенившихся волн заглушили крики отчаяния и ужаса. По склонам берега неслись потоки, подмывая и унося валуны и спрятавшихся около них людей.

Несчастные скользили, падали, ползли снова вверх, без сознания, инстинктивно спасая свою жизнь, инстинктивно закрывая шкурами и руками головы от ударов града...

Как налетел, так же быстро и унесся опустошительный ураган. Рев его мало-помалу замолкал вдаль, тучи пронеслись, и ослепительное солнце вновь выглянуло на синем небе.

Ошалевшие, избитые и измученные люди с недоверием смотрели на солнце и дивную раду; но в сердца их уже начала забираться надежда на спасение.

—Го-го! — раздался вдруг призыв вождя. Знакомые звуки возбудили энергию отчаявшихся, и они поплелись по направлению крика.

Скоро вся толпа снова собралась вместе; но нескольких человек, снесенных в реку, не досчитались.

Быстро осмотрев оставшихся в живых, вождь молча вернулся и зашагал по направлению к пещерам, до которых было уже недалеко. От времени до времени он останавливался и внимательно осматривал под ногами землю, точно отыскивая следы, но после дождя никаких следов на земле не было видно.

— Вождь! — тронул его за руку старик в одну из таких минут. — Здесь враг, в пещере медведь.

— Следов нет! — отрывисто сказал вождь; но старик указал ему на небольшой колючий кустик.

Вождь вздрогнул, и рука его крепче сжала рукоятку палицы: на кусте болтался небольшой клочок длинной серой шерсти.

— Медведь там, в пещере! — уверенно произнес старик, подняв руку по направлению одного из отверстий в скале. Взглянув по этому направлению, вождь кивнул головой в знак согласия; его зоркие глаза тоже заметили у входа в пещеру царапины — следы мощных когтей пещерного медведя.

Вся толпа осторожно, без шума подошла ближе, с трепетом рассматривая следы серого врага. Вождь движением руки отослал свою жену с сыном и других женщин в безопасное место, налево от пещер; а все мужчины стали полукругом против отверстия, оставив только небольшой проход. По знаку, данному вождем, вся толпа стала кричать, свистеть, реветь и визжать, бросая в отверстие камнями. Они

знали, что медведь часто пугается неожиданных звуков и бежит, не думая нападать.

Вдруг случилось нечто неожиданное: серое чудовище с горящими глазами показалось не из отверстия, откуда его ждали, а из какой-то щели в том месте, где стояли женщины. Дикий вой ужаса и отчаяния раздался среди обезумевших женщин и детей, и они бросились в разные стороны. Только одна женщина с мальчиком лет двенадцати осталась на месте, оцепенев от страха и инстинктивно прижимая к себе мальчика; это были жена вождя и его сын. Не менее испугавшийся медведь по пути столкнулся с ней со скалы. В то же мгновение его настиг вождь и могучим ударом палицы размозжил ему череп, но сам не удержался на ногах, и тела двух врагов покатались вниз по обрыву, оставляя на острых камнях следы крови.

Все это произошло так быстро, что остальные воины не успели прийти на помощь. Старик, оставив горшок с потухшими углями, бросился к упавшим женщине и мальчику, которые лежали без чувств, задержанные от дальнейшего падения большим валуном. Мальчик был без чувств, но еще дышал, женщина же, казалось, уже умерла, и половина ее тела была покрыта ссадинами и подтеками, а из виска струилась тонкая струйка крови.

— Дочь, дочь моя! — жалобно застонал старик, склоняясь над ней. Он зачерпнул свернутой шкурой воды из бежавшего тут же потока и намочил головы дочери и внука. Женщина тяжело, со стоном вздохнула и с трудом открыла глаза.

— Где вождь, где сын? — прошептала она.

— Вот сын, вот твой Кремень, — сказал старик, поднимая мальчика, — а храбрый вождь убил врага.

— Где он?

— Там внизу, под горой... он умер...

Женщина вздрогнула и закрыла глаза.

Между тем, на площадке перед пещерами происходило избрание нового вождя, так как двое воинов, спустившись вниз с обрыва, принесли известие, что прежний вождь разбился насмерть. По приговору большинства, новым вождем

был выбран сильный воин громадного роста и непомерной силы, с глубоко сидевшими и сверкавшими умом глазами. Его звали Клык, потому что он всегда носил на шее в виде украшения ожерелье из клыков кабанов, убитых им собственноручно. Он выделялся из толпы своих соплеменников не только силой и отвагой, но и умом, и был ближайшим помощником умершего вождя..

— Я ваш вождь! — воскликнул Клык, увидев, что большинство готово признать его. — Повинуйтесь мне, а непослушные будут наказаны смертью!

Вся толпа в знак покорности склонила головы, и воины один за другим стали подходить к новому вождю, который ударял слегка каждого обухом топора по голове. Когда церемония эта кончилась, Клык немедленно приказал идти к телу мертвого вождя.

Все спустились вниз. Тело вождя, избитое и израненное во время падения, лежало на самом краю берега, а недалеко от него валялся убитый медведь. Вся толпа бросилась к последнему, и в одно мгновение десяток кремневых ножей и острых раковин были пущены в ход, и великолепная шкура была снята. Изголодавшиеся люди набросились на теплую еще тушу. Каждый отрезал себе кусок мяса и с жадностью пожирал его, облизывая выпачканные кровью пальцы. Когда и женщины также утолили голод и отнесли наверх остатки трапезы, Клык громким свистом дал знать воинам, что пора воздать последние почести павшему предводителю.

— Дух храброго вождя, — воскликнул Клык, — будет тревожить нас, — пусть он идет и ищет себе новое место! Иди сюда, старик!

Старик стал над головой умершего, простер над ним руки и стал бормотать какие-то заклинания. Воины, взявшись за руки, образовали большой круг около тела и закружились, раскачивая мерно головами и издавая не то крики, не то вопли. Сделав несколько кругов, воины остановились, двое из них подняли тело и, по знаку Клыка и старика, бросили его в волны реки. Быстрое течение подхватило его, и оно исчезло из глаз за скалистым поворотом реки.

В то время, когда это происходило внизу, наверху, около пещеры, хлопотали женщины. Одни из них очищали внутренность ее от куч мусора и камней, а другие собирали охапки сухой травы и ветви кустарников для будущего костра.

Пещера, которую племя отвоевало у медведя, представляла много удобств для жилья в ней: два небольших входа начинались узкими коридорами, а затем обращались в большую пещеру с несколькими разветвлениями, из которых одно выходило узким проходом в расщелину и представляло потайной выход на случай бегства. Из этого отверстия и выбежал бывший серый обитатель пещеры. Другое разветвление шло вдоль обрыва в виде коридора с пробытыми маленькими отверстиями, служившими окнами, из которых можно было видеть не только то, что делается на площадке перед входом, но и все, что расстилалось впереди. Как на ладони, развернулась громадная панорама с несколькими излучинами широкой реки, с обрывистыми скалами и широкой, холмистой равниной, с начинавшимся недалеко от берега девственным лесом могучих дубов и лип.

Одного взгляда новому вождю было достаточно, чтобы оценить все достоинства этого помещения. Его смуглое лицо озарилось радостной улыбкой, но тотчас же снова приняло озабоченное выражение. Пещера всем своим расположением показывала, что она являлась не произведением природы, а произведением людей, положивших, очевидно, много труда и забот для устройства такого обширного и удобного жилища.

— А вдруг это племя вернется сюда?! — сказал вслух Клык. — Наше племя маленькое, нас одолеют враги!

— Нет, вождь, не придут! — успокоил его старик. — Смотри: здесь жили, и все умерли, давно умерли. Пещера наша!

Клык взглянул на кучу мусора, которую успели вытащить усердно работавшие женщины, и успокоился. Старик был прав: груды костей и человеческих черепов, почти совершенно истлевших, ясно показывали, что здесь обитало большое племя; но оно погибло, вероятно, от какой-нибудь

болезни, а оставшиеся в живых разбежались в страхе, ища нового пристанища. Должно быть, давно уже эта пещера, со всеми ее разветвлениями, сделалась жильем медведей, лисиц и других зверей, а так как последний владелец был убит, то Клык перестал беспокоиться и решился навсегда основаться здесь.

Необходимо только поскорее развести огонь. Несколько воинов с вождем да неугомимый старик еще держались на ногах, большинство же, измученное тяжелым днем, перенеся страшный ураган, забравшись в пещеру, заснуло мертвым сном. Женщины, измученные еще больше мужчин, тоже не могли справиться со сном.

Между тем, было очень холодно. Племя шло давно, шло из страны, где было уже тепло, где леса и поля оделись в пышный летний убор, где люди почти совсем сбросили свои зимние шкуры; а здесь на деревьях только что распустились молодые листики и трава едва пробивалась сквозь сухие прошлогодние стебли.

После грозы и града, несмотря на выглянувшее солнце, воздух был очень холодный, и жалкие мокрые шкуры не предохраняли от резких порывов ветра, свистевшего, как через трубы, в отверстия пещеры.

— Огня, огня, холодно! — стонали женщины.

— Огня, старик, огня! — гневно кричали воины, отыскивая старика.

— Молчите! — раздался из глубины пещеры голос старика. — Скоро придет Великий Дух, который даст огонь. Он не любит криков и ссор, около него должен быть мир, а не вражда, друзья, а не враги!

Дребезжащий голос таинственно звучал из темноты, и смущенные дикари замолкли, робко переглядываясь между собой.

Между тем, старик не терял даром времени. Он заткнул травой отверстие в глубине пещеры и прекратил этим холодный сквозняк. Затем он долго шарил по углам, пока не нашел нескольких полусгнивших кусков дерева и совершенно сухой тонкой травы и не собрал горсти паутины.

Принеся все это и, положив недалеко от выхода из пещеры, старик простер над сложенной кучкой руки и громко воскликнул:

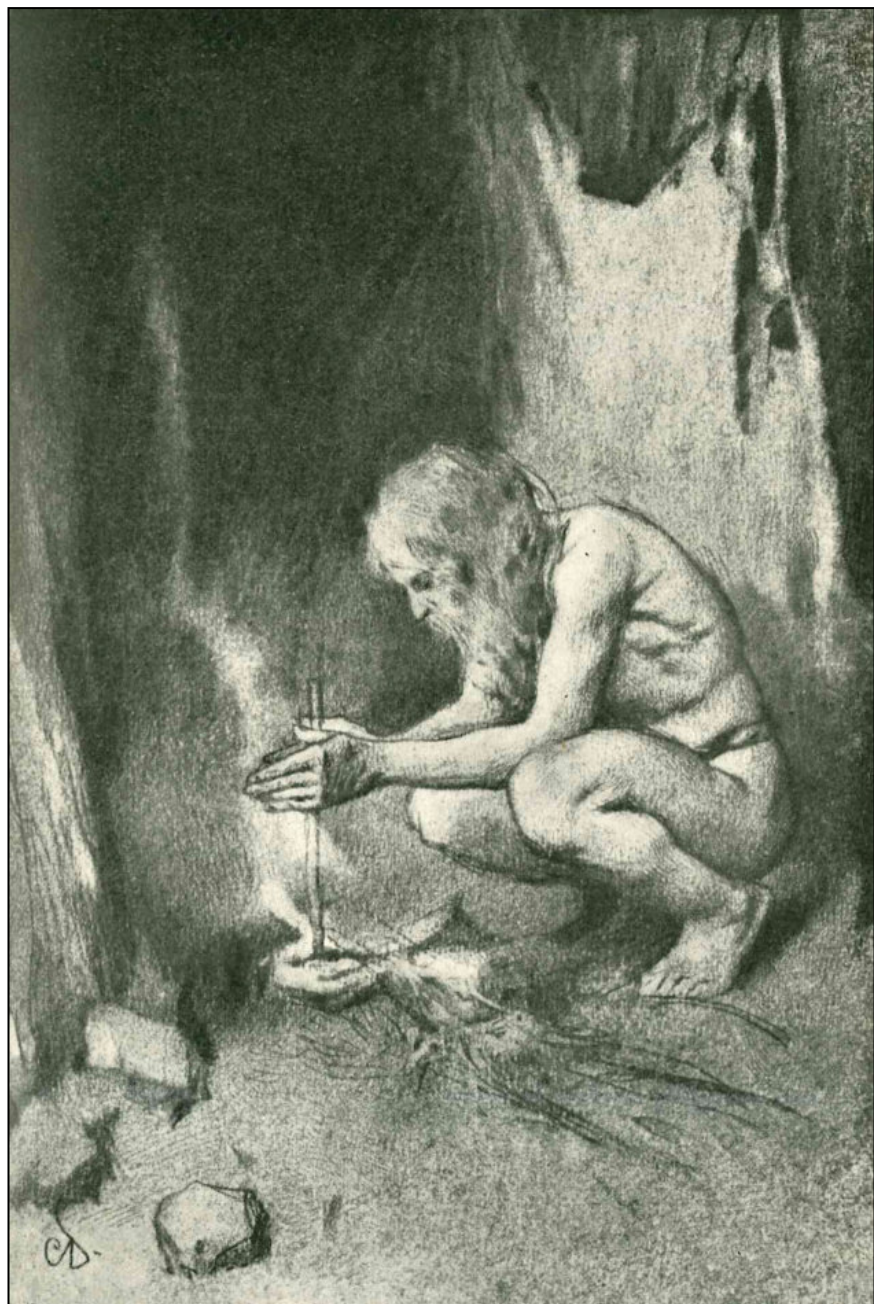
— Великий Дух, приди, приди, приди! — и сделал вид, что прислушивается.

Не сомневаясь, что материалы для добывания огня у него хорошие, и зная, что его сила только в этом умении и в умении произносить заклинания над умершими, без чего племя не стало бы кормить его и он по старости и слабости давно бы погиб, — старик долго тянул свои призывы и бормотал непонятные слова, нагоняя на своих соплеменников смущение и трепет. Когда он увидел, что все, не исключая и храброго вождя, стали дрожать, он приказал всем пасть ниц и призывать огонь.

— Огонь, огонь, огонь! — выли, ревели и кричали усталые дикари; их сердца замирали в предвкушении непонятной тайны появления искры в кучке сложенных поленьев.

Между тем, старик, накинув широкую шкуру, чтобы защитить будущую искру от ветра и скрыть от случайных взоров способ добывания огня, сел на землю, придавив ногами одно полено; в руки же он взял тонкую палочку с острым концом, вставил этот конец в щель полена, всунул туда же клочок сухой травы и паутины и, зажав палочку ладонями, стал быстро вращать ее взад и вперед.

Дребезжащие заклинания старика и страстные вопли воинов и женщин долго еще звучали под сводами пещеры. Старик устал; пот градом лил с его морщинистого лица, и он терял надежду на получение искры. В той стране, откуда шло племя, у старика живо разгорался огонь; но здесь ему казалось, что он никогда не вспыхнет. Сырой воздух сделал даже гнилые поленья сыроватыми... Отчаяние начинало закрадываться в душу старого дикаря. Если он не добудет искры, то, быть может, соплеменники убьют его на месте, но если и оставят живым, то все равно ему не выжить долго: он не мог бы охотиться с тем проворством и той неутомимостью, которыми обладал в молодых годах... Кто же станет кормить его, бесполезного члена племени? Кому он нужен? Дочь, разбившаяся о камни, умирает; муж ее кон-

чил свою боевую жизнь и не вступится за старика; внук еще мал, и кто знает, что из него еще выйдет... Да и много, много еще надо ждать, когда Кремень подрастет настолько, чтобы самостоятельно добывать пищу.

Такие мысли теснились в измученной седой голове старого дикаря, и он в порыве отчаяния и последней надежды собрал угасавшие силы и завертел палочку со страшной быстротой, подбадривая себя дикими заклинаниями, хрипло вылетавшими из его пересохшего горла.

Надежда не обманула его: из-под острого конца палочки показался тонкой струйкой дымок. Великий Дух смиловился и явился к продрогшим, окоченевшим людям. Струйка дыма увеличивалась, и наконец несколько маленьких искр вспыхнуло в щели полена. Через мгновение эти искры перешли на паутину и сухую траву, и веселый язык желтого огня лизнул палочку и коснулся рук старика. Не теряя времени, он отбросил палочку, подложил большой пучок травы, затем мелкие веточки и наконец поленья. Огонь как бы недоверчиво обогнул эти препятствия, но затем быстро охватил горючий материал, и костер запылал.

Радостный вой и визг огласили пещеру. Каждый отыскивал куски дерева и подбрасывал их в пылающий огонь, который поднимался все выше и выше и стал даже изредка касаться своими языками низкого свода.

Все ожило. Старик сиял и хохотал; воины, женщины, дети отогревались и шумно выражали радость. Даже раненая, умиравшая женщина, почувствовав теплоту, с трудом повернулась к огню, и на ее измученном лице появилось подобие улыбки.

Между тем, наступил уже вечер. Солнце скользнуло последними лучами по вершинам скал и скрылось за горой. Даль задернулась туманом, поднимавшимся от воды белыми, легкими клубами. В пещере стало тепло и уютно. Раскинувши шкуры вокруг костра и положив рядом с собой свое незатейливое оружие, дикари заснули наконец мирным сном, после многих тяжелых дней пути и испытаний.

Не спал один Клык. Выбранный вождем, он чувствовал ответственность за спокойствие всего племени и, опершись

на свой топор, пристально смотрел на голубые огни, плясавшие по раскаленным углям. От времени до времени он подбрасывал полено и снова замирал в своей неподвижной позе. Настороженный слух его уже привык к нестройному храпу спящих и к тихим стонам умирающей и сквозь этот шум улавливал долетавшие снаружи тихие звуки: то журчал вблизи пещеры родник, сбегавший каскадами к реке, шелестела сухая трава под порывами ветра и глухо, мерно и торжественно рокотали неутомонные струи реки, среди больших валунов. Изредка стонала где-то выпь или глухо гутукал филин да слышался отдаленный топот или вой каких-то ночных хищников.

Несколько раз Клык выходил из пещеры, но темнота была такая, что даже его опытные глаза не могли ничего различить, кроме сверкающих звезд и полосы реки, обозначающейся туманными светлыми зигзагами. Продрогнув на холодном воздухе, Клык входил в пещеру, и его охватывала радость и чувство удовлетворения: тяжелый путь кончен, у него и у его племени есть жилище, просторное, су-

хое и светлое, какого у них никогда не было раньше; в нем можно было остаться навсегда, не боясь тесноты и вражды, заставившей их племя искать приюта вдали от родины. Душу дикаря охватило теплое, домовитое чувство.

— Клык! — услышал он вдруг тихий голос. То звала его умиравшая. Он подошел, и сожаление прокралось в него: ведь это умирает верная подруга и спутница его друга и товарища детских лет.

— Клык, — тихо сказала женщина, — я умираю... Ты был другом мужа... сохрани сына, не дай в обиду, — он один останется... Отец мой стар и не защитит его. Будь отцом мальчику.

И она с мольбой смотрела в глаза вождю и пыталась схватить его колени руками.

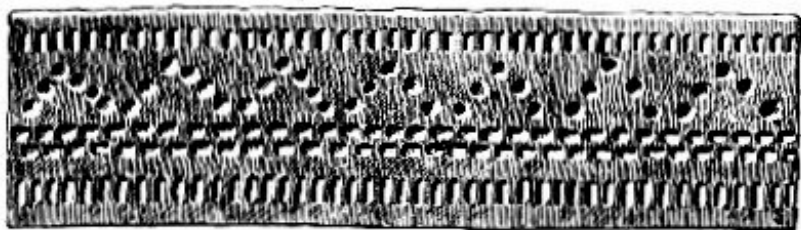
Что-то теплое и хорошее разлилось в душе Клыка; он положил свою громадную руку на курчавую голову прикорнувшего к матери мальчика.

— Я научу его убивать быков и ловить в ямы мамонтов! — сказал он просто.

Умиравшая с бесконечной благодарностью взглянула на него и затихла.

Клык вернулся к костру, поправил его и скоро забылся покойным сном.

ГЛАВА II

Устройство жилья. — Кремень успокаивается. — Первые наблюдения. — Игры. — Кремень занимает в племени определенное место. — Первые рисунки на коре.

Рано утром, до восхода солнца, все были разбужены криками и рыданиями Кремня, теребившего мать, которая не отзывалась на отчаянные призывы сына и лежала вытянувшись, бледная и холодная.

Старик грустно смотрел на умершую дочь и не знал, чем утешить внука, не хотевшего принимать от него даже лакомого куска поджаренной на углях медвежатины.

В скором времени труп снесли вниз к реке и спустили в воду. Осиротелый мальчик забился в глубину пещеры и затих.

Вождю и другим обитателям было не до него. Начался первый день их жизни на новом месте, и впереди предстояло немало забот по исследованию окрестностей и устройству жилья.

Утро было ясное, солнечное. Очищенный вчерашней грозой воздух был чист и так прозрачен, что на далеком расстоянии можно было рассмотреть каждое дерево, каждый камень. Пещера, где приютилось племя, находилась высоко над рекой, к которой шел крутой спуск. Выше, над стеной, где были отверстия, скала нависла, а затем поднималась еще сажен на 20. Вся эта гора выступала в реку, образуя скалистый мыс с одной стороны, с другой же прерывалась небольшим ущельем с речкой, переходя далее в

холмистую равнину. Позади горы начиналось свободное место, а затем густой лес.

— Го-го! — звучно раздался звонкий призыв Клыка, отдавшийся громким эхо в скалах противоположного берега.

На энергичный призыв вождя отозвались радостные голоса, и скоро вокруг него собралось почти все племя. Это были все рослые, хорошо сложенные люди. Бронзовые тела их блестели на солнце, натертые медвежьим салом; черные и длинные волосы и бороды были встрепаны и давали обладателям их дикий и страшный вид; но в глазах большинства видно было добродушие, — чувствовалось, что эти люди не сделают зла для зла, а если поступают иногда жестоко, то по незнанию и оттого, что им жилось нелегко: каждый день жизни им приходилось добывать с неутомимостью и страшной настойчивостью.

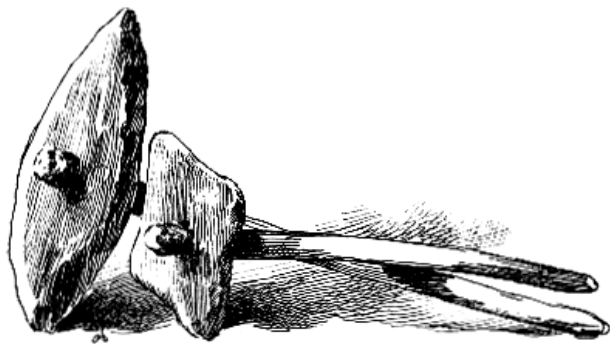
Стариков, кроме знакомого уже нам, среди них не было: во-первых, застигнутые старостью редко долго выживали, а во-вторых, в путь двинулись только молодые, полные сил люди, старики же, несмотря на самые неблагоприятные условия, остались доживать свои последние дни на родине, не рискуя идти на верную смерть от усталости и истощения во время длинного пути в поисках нового жилья.

Только один старик, не желавший расставаться с дочерью и внуком, решился, надеясь на свои силы, двинуться со всем племенем, которое ценило его, как посредника между ним и разными злыми и добрыми духами, а также как редкого человека, обладавшего знанием и умевшего добывать огонь.

Осмотрев окрестности, Клык распорядился работами: он приказал женщинам окончательно очистить пещеру от мусора и старых костей и, главное, очистить громадную кучу щебня, образовавшего подъем к отверстиям. По этому щебню могли забраться внутрь нежелательные хищники, от которых следовало оградиться основательно. Когда же куча щебня будет снесена, то вход в пещеру окажется на два-три человеческих роста над площадкой, и никакой зверь не в состоянии будет забраться туда.

Отрядив несколько человек на берег за длинным сучковатым бревном, которое должно было служить лестницей, Клык взял человек десять лучше вооруженных и отправился исследовать окрестности и посмотреть, нет ли где нежелательных соседей и весьма желательной дичи.

В то время, когда все, не исключая подростков, деятельно принялись за работу, старик отыскал в углу пещеры забившегося туда внука и повел его на воздух. Солнечный день, широкий вид на окрестности и оживленная работа скоро развлекли Кремня, а когда он, по примеру женщин, принялся и сам за разгребание кучи щебня рядом со своими сверстниками, то боль и тоска в нем понемногу стали стихать, и мальчик радовался, как и другие, когда ему под руки попадались красивые кремни или совершенно правильной формы черные камни.

Солнце стояло уже высоко и сильно пекло, когда главная работа была кончена и отверстие пещеры сделалось недоступным без помощи сучковатого бревна, которое легко было на ночь втаскивать внутрь.

Утомившийся, как и другие, Кремь растянулся на самом солнцепеке, на траве, греясь под горячими лучами, как ящерица. Горе его утихло; слишком много нового явилось около него в это время и развлекало его внимание, да и к смерти он привык: она была обычным явлением, и все равнодушно относились к ней. Об отце он даже и не думал: занятый делами, тот всегда был очень далек от него. Мать,

конечно, была ближе и дороже ему, но и она, заваленная тяжелой работой, обращала мало внимания на сына, предоставляя ему пропадать по целым дням с товарищами и приучаться к самостоятельной жизни. Она иногда ласкала его, особенно когда он приносил в свертке из коры яйца, найденные им в гнездах в лесу и в расщелинах скал, но нередко и бивала и очень чувствительно за сломанные или испорченные вещи несложного домашнего обихода. Но все-таки Кремень любил ее, хоть и не мог бы выразить это словами. Он знал, что мать сама ляжет спать голодной, а для него всегда припрятает хорошую кость с мясом, оставшуюся от трапезы мужчин, или горсть зерен и съедобных корней; он знал, что в холодные ночи она, лишая себя жалкого покрова, закутывала его и отогревала своим дыханием его озябшие руки.

«Нет больше матери! — грустно подумал он. — Где она?» И мальчик пристально вглядывался в поверхность блестящей реки, надеясь увидеть там ее тело.

Но река блеснула стальным, холодным блеском и бесстрастно несла свои волны куда-то вдаль, в неизвестную далекую страну.

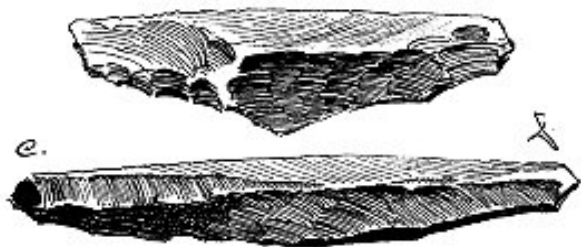
«Она там, далеко, — думал Кремень, — далеко, за той горой и еще дальше... может быть, она теперь на этом огне, который ярко светит с неба... Дед говорил, что Великий Дух берет себе слуг...»

Кремень взглянул на солнце, но тотчас зажмурил глаза, и перед ним запрыгали зеленые круги. Ему это понравилось. Засмеявшись, он снова пристально посмотрел на ослепительное солнце и снова зажмурил глаза: зеленые круги опять заплясали перед ним, вздрагивая и как бы плывя на темно-красном фоне. Кремень уже больше не пытался смотреть на солнце и крепко заснул.

Громкий говор разбудил его. На площадке перед пещерой с криком и радостным воем толпа приветствовала вернувшихся охотников, притащивших пойманного и убитого оленя.

Женщины немедленно принялись за свежевание туши, а воины оживленно обменивались впечатлениями. Вождь

остался очень доволен удачным днем; но больше всего его радовало то, что животные почти не боялись людей. Это, во-первых, давало возможность заготовить большие запасы сушеного и копченого мяса на зиму, а во-вторых, показывало, что в окрестностях пещеры давно не было людей, и следовательно можно было совершенно успокоиться относительно будущего. Широкая улыбка осветила лицо счастливого дикаря, и он пустился в пляску, подпрыгивая и потрясая в воздухе своим топором.

— Ги-го-го! Ги-го-го! — в такт скачкам вождя орала толпа, и с десятков воинов последовали примеру вождя. Вслед за взрослыми пустились в пляс подростки, а женщины, хлопотавшие около оленя, поощряли громкими возгласами особенно отличавшихся танцоров.

Кремень, чувствовавший еще сильную боль во всем теле и особенно в голове от вчерашнего падения, не принимал участия в общем веселье. Разнежившись на теплом солнышке, он щурил глаза на веселую сцену, и какой-то тихий восторг охватывал его детскую душу: его занимали быстро мелькавшие фигуры, развевавшиеся шкуры и блестящее на солнце кремневое оружие. Яркие солнечные лучи обливали своим живительным светом всю картину, фоном которой служили скалы противоположного берега с глубокими расщелинами, подернутыми голубоватой пеленой, и холмы, тонувшие в фиолетовой дымке дрожащего воздуха.

Наслаждаясь этим зрелищем, Кремень не отдавал себе ясного отчета, что ему и почему нравится. Его просто занимали переливы красок и световых пятен; в голове его рож-

дались и так же быстро исчезали какие-то неясные и отрывочные мысли.

«Клык высокий, большой, сильный! — думалось ему. — Филин низкий, тоже сильный... Какая пестрая шкура у Безглазого... Клык тоже пестрый: светлый и темный, — отчего это? А вон Старый сидит под камнем и весь темный... И Клык стал темный, а теперь пестрый...» И Кремень захотал, следя, как играли лучи солнца на бронзовом теле вождя, когда он был на солнце, и как вдруг делался он темным, попадая в тень от скалы.

«Какие большие щели! — продолжал наблюдать мальчик, глядя на скалы противоположного берега. — Вот туда бы забраться... верно, много гнезд! Да трудно: камни скользкие, оборвешься и прямо упадешь в воду, куда бросили отца и мать».

— Старый, дед! — обратился он к подсевшему к нему старику. — Ты все знаешь, — скажи, где отец и мать теперь?

— Они далеко-далеко! — отвечал старик, махнув рукой в сторону реки. — Они пошли к Великому Духу.

— А где Великий Дух? Можно приехать туда в челноке? Можно увидеть мать и отца?

— Нет, Кремень, к Великому Духу нельзя приехать, — он высоко, вон его глаз на небе... днем один глаз, ночью другой глаз, а другие огоньки, — это глаза его слуг.

— Значит, и отец и мать мои смотрят оттуда на нас?

— Нет, отец и мать не смотрят: они сначала долго будут плыть по реке, потом остановятся на берегу и будут долго лежать, так долго, что рассыплются и смешаются с землей, а потом ветер поднимет пыль, оставшуюся от них, и они полетят к Великому Духу.

— И будут одеваться в эти белые, пушистые шкуры? живо спросил Кремень, указывая на облака.

Старику не приходила в голову подобная мысль, но он ничего не нашел против того, чтобы умершие вождь и его жена были одеты в такие прекрасные одежды, а потому ут-

вердительно кивнул головой.

— Да, — сказал он, — они оденутся в эти белые шкуры.

— Хорошо! — мечтательно произнес мальчик, задумчиво следя за плывшими лоскутками облаков.

Весь отдавшись впечатлениям, Кремень задумался. Он вообще был тихий мальчик, сильно отличавшийся от других своих сверстников. Правда, и он принимал участие в их шумных играх, в которых они подражали старшим, ходил на охоту за птицами и мелкими животными и ловко владел детским оружием, к которому относился очень внимательно и которое держал в исправности, но чаще он любил забраться в какую-нибудь щель или лесную чащу и по целым часам следить оттуда за окружающим. Его интересовали деятельные насекомые, хлопотавшие над устройством гнездышек или над собиранием с цветов меда; его привлекали пестро расписанные бабочки, красивые листья деревьев, кустарников и трав, а вид правильно построенных сот приводил прямо в восторг.

Его занимали тихие игры. Собрав несколько горстей пестрых, обточенных водой голышей, он забирался с ними в укромный уголок и начинал их раскладывать на земле или на плоском камне — то выложит в ряд, то подберет по величине: большой, потом меньше и меньше, пока ряд не станет похож на длинную толстую змею. Отойдет Кремень на несколько шагов и, прищурившись, посмотрит на свою выдумку, и ему вдруг покажется, что на камне действительно лежит толстая, пестрая и страшная змея. Екнет сердце, и жутко станет мальчугану: «А вдруг она бросится и укусит», но вместе с тем сознание подсказывает, что это не настоящая змея, что сам он, Кремень, сделал ее из камней, и тогда странное волнение охватывало его, и он все больше щурил глаза, чтобы побольше насладиться этим странным обманом зрения. Но наконец веки уставали, и Кремень открывал глаза, и

змея обращалась в ряд камешков. Тогда он принимался выкладывать новые фигуры: то сделает изогнутую гирлянду вроде ожерелья, то уложит камни в круг, то несколько рядов соединит отдельными крупными камнями, то разложит снова в ряд и к каждому камню приложит по дубовому листу или по одинаковой палочке; и, когда ему удавалось сложить затейливую фигуру, то опять тихая и непонятная радость охватывала его и он долго любовался тем или другим узором.

Иногда он изменял игру и вместо того, чтобы выкладывать узоры из голышей, брал палочку и старался те же фигуры нацарапать на мокром песке.

Ни взрослые, ни его сверстники не обращали внимания на забавы Кремня, так сильно отличавшиеся от игр его товарищей, но за то, что он надолго иногда пропадал из дому и возвращался с пустыми руками, не принося ни яиц, ни птиц, ни съедобных кореньев, ему порядком доставалось и от родителей и от других соплеменников. Подростки же, мальчики и девочки, поднимали на смех юного мечтателя и своими насмешками доводили нередко до озлобления и слез. Тогда Кремень решался бросить свои одинокие забавы и присоединялся к товарищам во время охоты и как-то незаметно в этих случаях делался вождем юной партии охотников, и сверстники, смеявшиеся над его ленью, беспрекословно подчинялись этому смуглому мальчугану с большими задумчивыми глазами.

Никто лучше него не мог найти следов лисицы, сурка или иного зверька; его глаза, пытливо высматривавшие вокруг, были очень остры, а постоянные мечты и раздумывание над тем, что он видел, сделали его более развитым и наблюдательным. Постоянно внимательно следя за работой птиц и насекомых и их нравами и обычаями, Кремень понял многое, недоступное другим, и это позволяло ему во время охоты сознательно идти в то или другое место и вести туда товарищей, а не бродить наугад, в надежде случайно наткнуться на ту или другую дичь. Товарищи его, никогда не задумывавшиеся ни на чем, вполне подчинялись Крем-

ню и никогда не раскаивались, так как с ним охота была гораздо интереснее и добыча обильнее.

Бывали случаи, когда Кремень с товарищами устраивал настоящие облавы и ловил в вырытые ямы животных крупнее лисиц, хотя чаще случалось, что те выскакивали из западни раньше, чем юные охотники успевали добежать до ямы и преградить дорогу попавшей туда козе или дикому поросенку.

Но проходило несколько дней, и охотничий жар у Кремня понемногу улетучивался, насмешки над ленью забывались, и его снова начинало тянуть к его цветным камешкам, палочкам и гладкому, мокрому береговому песку, на котором он так легко мог выцарапывать забавные узоры.

После смерти отца и матери Кремню все реже и реже удавалось заниматься своими любимыми забавами. Ему было уже двенадцать лет, но он выглядел гораздо старше. Клык и другие воины отлично знали его ловкость и сообразительность, и потому брали на охоту в окрестностях пещеры и не позволяли тратить время над пустыми играми с камнями.

Клык, обещавший умирающей заменить Кремню отца, честно, со своей точки зрения, выполнял это обязательство: Кремень должен был быть постоянно около вождя, прислуживая ему и слушая его приказаний, дурное исполнение которых влекло за собой быструю расправу. Последнее случалось, впрочем, довольно редко: смысленный мальчуган скоро изучил привычки Клыка, стал понимать его с полуслова.

Иногда Клык посылал его на разведки, как лучшего следоискателя.

В таких случаях Кремень, захватив с собой небольшой запас сушеного мяса, легкую шкуру, как одежду, и небольшой каменный топор, сделанный ему дедом, с утра исчезал в дебрях ближайшего леса. Благодаря своей опытности, он быстро находил следы оленей, зубров, быков и других животных, ходивших стадами, отмечал места, куда животные ходят на водопой, иногда осторожно подкрадывался к мирно пасшимся стадам и, не пугая их, отмечал на палочке

зазубринами число животных. Довольный выполненным, он остальное время считал своей собственностью и не то-ропился домой.

Забравшись на какой-нибудь холм, откуда открывался широкий вид на окрестности, Кремьень сначала отдыхал, а затем с увлечением отдавался любимому занятию — выкладыванию узоров из камней и палочек.

Однажды случилось так, что он сильно устал, и ему лень было собирать камни, а гладкого мокрого песка кругом не было. Тогда ему пришла в голову мысль попробовать выцарапать любимые узоры на коре дерева.

Задумано, — сделано, и через несколько мгновений Кремьень уже сидел с большим удобством на толстой ветви векового бука. Перед ним находилась большая выпуклая плоскость главного ствола, гладкая, серо-зеленого цвета, и на ней каждая царапина или удар топора оставляли ясные зеленые рубцы. Восторгу Кремня не было пределов: ни на песке, ни на плоских камнях нельзя было получить таких отчетливых и ясных узоров, какие получались на свежей буковой коре. Он сам себе удивлялся, как это раньше ему не приходила в голову мысль попробовать делать узоры на коре. Тут же ему пришла еще другая мысль, а именно, что не только на коре, но те же рисунки, только в более, конечно, долгий срок, можно делать и на рукоятках топоров, палиц, на костях и других предметах.

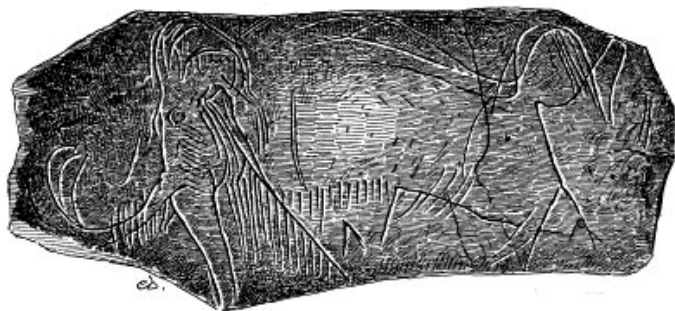
Однако долгое время Кремню приходилось, да и то урывками, пользоваться только корой. Время было горячее: вождь, опасаясь, что зима будет холодная, спешил запастись всем необходимым и принуждал работать всех без исключения. Только самые маленькие дети не принимали участия в хлопотах; все же дети постарше и подростки обязаны были вносить посильный труд в общее дело. Охотники с утра отправлялись в окрестности пещеры и к вечеру притащивали массу дичи. На следующее утро они опять уходили, а женщины и юное поколение занимались разрезыванием туш на длинные тонкие полосы, сушившиеся частью прямо на солнце, частью на раскаленных камнях: некоторые же части животных вешались над громадными

кострами и коптились в дыму.

К концу лета было заготовлено большое количество мяса, но Клык хотел сделать громадную облаву и пополнить окончательно зимние запасы. Край был незнакомый, и осторожный вождь решил лучше собрать излишек, нежели рисковать в будущем голодать. Он знал, что многие животные на зиму погружаются в спячку, а другие, как и многие птицы, уходят и улетают, отыскивая более теплый край.

Несколько воинов, плохо заглядывавших в будущее, начали быстро протестовать, но внушительный жест и поднявшийся в воздухе топор предводителя моментально умилили непокорных.

Итак, облава была решена, и надо было определить, как и откуда вести ее. Поблизости пещеры животные были порядочно напуганы, и охоту предстояло перевести значительно дальше. В отыскивании нужного места должны были принять участие вождь и лучшие охотники, и кроме того, Клык решил взять с собой Кремня, который мог очень пригодиться при будущих поисках дичи.

ГЛАВА III

На охоту. — Мамонт. — Преследование мамонта. — Предложение Кременя. — Рассказы охотников. — Облава. — Бегство мамонта. — Возвращение домой.

Через несколько дней сборы были кончены. Клык обратился к собравшемуся племени, отдавая приказы на время своего отсутствия.

— Братья, — сказал он, — мы уходим! Вы все продолжайте работать: пусть воины носят толстые деревья, а женщины собирают ветки и сухие щепки для костров, а также травы и корни для еды. Мяса у нас много, а последняя охота даст еще больше. Подчиняйтесь Медвежьему Зубу, который остается вместо меня, и слушайтесь его мудрых советов.

Клык двинулся крупным шагом по берегу, вверх по течению. Рядом с ним бойко зашагал Кремень, радуясь интересной прогулке. Далее следовали остальные шесть охотников, все стройные, хорошо сложенные и неутомимые в ходьбе юноши. У каждого за спиною болтался кожаный объемистый мешок, наполненный провизией на несколько дней, а в руках было обычное оружие.

Весь день, почти не останавливаясь, шли охотники по берегу реки и сделали привал, когда солнце уже заходило. Клык для привала выбрал удобное место под скалой, на площадке, возвышавшейся над водой меньше, чем на рост человека. Справа и слева отвесные скалы защищали охот-

ников от всяких неожиданных гостей. Чтобы добраться до этой площадки, надо было, правда, пройти по дну реки по пояс в воде, а в одном месте даже немного проплыть, но никто на это не жаловался, — все были отличные пловцы, а безопасность выкупала все неприятности.

Закусив основательно сушеным мясом, компания охотников сбилась в кучу, покрылась всеми бывшими в их распоряжении шкурами, и скоро усталые люди спали мертвым сном.

Рано утром Кремень был разбужен молчаливым толчком Клыка. Утро стояло свежее. Туман белыми клубами поднимался над рекой, и на востоке через белесоватую пелену проглядывала уже розовая полоска, предвестница восходившего солнца.

Клык молча протянул руку, и Кремень, взглянув по направлению ее, вздрогнул от неожиданного зрелища. Остальные шесть охотников так же, не отрываясь, широко раскрытыми глазами, смотрели в ту же точку.

На гребне высокого берега, то скрываясь в тумане, то выясняясь среди разорванных утренним ветром клубов, видны были очертания какого-то громадного туловища: массивное темное тело поддерживалось толстыми, как бревна, ногами, неуклюжая голова украшалась ушами, болтавшимися, как шкуры, развеваемые ветром; морда закончивалась длинным носом, спускавшимся до земли, а иногда поднимавшимся в воздухе, как громадный мягкий обрубок змеи; изо рта выдвигались два клыка, загнутые вверх. До охотников ясно доносился глухой гул тяжелых шагов исполинского зверя.

— Мамонт! — прошептал Клык.

— Какой страшный, большой! — с дрожью в голосе проговорил Кремень, следя испуганными глазами за животным.

— Надо выследить и убить его, — сказал один из охотников.

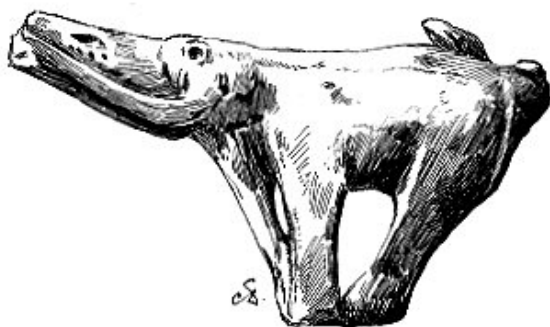
— Трудно.

— Если он не знает людей, то не трудно, — только надо выкопать большую яму.

— Молчать! — грозно прошептал Клык, внимательно следя за движениями мамонта, не подозревавшего, что так близко от него несколько маленьких человечков сговариваются изловить его, его, царя лесов и степей, перед силой которого не может устоять ни один зверь.

Чудовище, побродив по гребню скалы, отошло от края и скоро скрылось за кустами.

— Вперед! будем следить за ним! — сказал Клык, когда тяжелые шаги замолкли в отдалении.

Кремень был страшно поражен всем виденным. Чудовищное животное произвело на него необыкновенное впечатление, но раздумывать было некогда, и надо было спешить за вождем, бросившимся в воду и уже вылезавшим на берег ниже площадки. Отряхнувшись от воды и закинув за спину мешок с провизией, который был привязан к голове, чтобы не подмочить его в воде, Клык быстро и уверенно стал карабкаться на отвесный обрыв. Спутники едва поспевали за ним.

Вот наконец все добрались до верха и, тяжело переводя дыхание, оглянулись. Мамонта не было. Перед ними лежало большое холмистое пространство, покрытое то рощами вековых деревьев, то обширными полянами с высокой травой и кустарниками. Кое-где овраги, размытые потоками, обращались в узкие ущелья с отвесными стенами, пестревшими полосами желтой, красной и серой глины.

Охотники осторожно дошли до того места, где видели мамонта, и скоро нашли в траве его огромные следы: измятая трава показывала, что животное повернуло прямо к ближайшей группе деревьев.

Скользя по высокой траве и придерживаясь по возможности кустарников, охотники, как змеи, добрались до леса и, прикрытые деревьями, смелее двинулись по широкому пути, проложенному животным. Через несколько времени они настигли его. Животное мирно паслось на полянке, срывая с деревьев листья и с аппетитом пожирая их. Все притаились на опушке.

Началось утомительное выслеживание. Шаг за шагом восемь охотников двигались за зверем, ни на минуту не упуская его из вида, но сами скрываясь в траве и за толстыми стволами деревьев. Об отдыхе никто и не думал; у всех жадно горели глаза при виде такой ценной добычи. Необходимо было выследить, где мамонт привык проводить ночь и куда ходит на водопой. Уже день склонялся к вечеру, а животное и не думало идти к реке; так же спокойно оно то пощипывало траву и листья, то останавливалось, дремало и лениво отмахивалось коротким хвостом и хоботом от назойливых насекомых, тысячами забивавшихся в его длинную темно-бурую шерсть.

Незадолго до заката мамонт, вдруг чего-то точно испугавшись, вздрогнул ушами, завертел хвостом и, подняв верху хобот, с ревом бросился в лесную чащу. Проклятия и крики злобы вырвались у охотников; они бросились в погоню, но вскоре остановились: треск ломаемых ветвей и тяжелый топот совершенно замолкли вдали, а потухавший день не давал возможности отличить новых следов от старых, перекрещивавшихся во всевозможных направлениях.

Последнее, с одной стороны, огорчило утомившихся и обозлившихся охотников, но зато утешило тем, что доказывало не случайное, а постоянное пребывание мамонта в этих местах. Отказавшись от дальнейшей погони, наши охотники решили начать преследование на следующий день, а пока устроиться более или менее сносно на ночлег. Утомившись погоней, охотники едва волочили ноги. В горле у

них пересохло, а кругом не было видно даже признаков воды. В какой стороне находилась река, тоже никто не мог сообразить. Проплутав еще долгое время, уставшие донельзя дикари добрались наконец до глубокого оврага, по дну которого бежал небольшой ручей. Когда жажда и голод были утомлены, охотники повалились на траву и моментально заснули, не приняв никаких мер предосторожности. Впрочем, бояться особенно было нечего: волки и медведи летней порой ходят сытыми, а шакалы и во время голодовки не решаются нападать на людей; опасаться же нападения какой-нибудь шайки дикарей не было основания, так как много встречающихся днем стад оленей и зубров близко подпускали к себе охотников и бежали, только когда они подходили к доверчивым животным почти вплотную.

Несмотря на утомление, Кремень долго не мог заснуть. Необыкновенное, невиданное им животное не выходило у мальчика из головы. Фантазия его рисовала чудовище в тот момент, когда он его увидел в первый раз, разбуженный вождем. Перед ним ясно, точно наяву, вырисовывался высокий скалистый берег, опушенный кустами, и массивное очертание чудного, невиданного зверя. Привыкнув внимательно наблюдать, Кремень совершенно отчетливо представлял себе формы животного, так резко отличавшегося от всех других, знакомых ему животных. Пережитые впечатления и картины вереницей проносились в воображении юного мечтателя, затем стали делаться более смутными и наконец расплылись, смешавшись с туманными сновидениями.

Ранним утром начались поиски. Охотники, проблуждав немного, напали, благодаря зоркости Кремня, на свежий след и наконец настигли зверя. Этот день оказался более удачным, и охотники проследили мамонта до самого берега реки, куда он перед закатом солнца отправился пить. Судя по многочисленным следам, тут был его постоянный водопой. Широкий овраг здесь сильно суживался и в виде извилистого ущелья выходил к реке. Это была естественная западня: стоило только завалить бревнами узкий выход к реке и приготовить бревна, чтобы замкнуть ущелье сзади, и громадная ловушка была готова.

Исследовав окрестности и сообразив, с какой стороны начать облаву, Клык слез с высокого дерева, откуда осматривал место будущей охоты, и подал сигнал к возвращению.

— О, если бы удалось поймать его! — сказал один из охотников.

— Великий дух поможет нам, — произнес Клык, — а если мы и не поймаем мамонта, то все-таки наловим много других животных. Здесь их много, и они не пугливые, а западня хорошая. Трудно только будет отсюда перенести всю добычу к пещере.

— Сделаем, вождь, большой, большой челнок, — вдруг предложил Кремень, — и все перевезем.

Клык с удивлением посмотрел на смышленного мальчишку и, хлопнув его по плечу, одобрительно произнес:

— Хорошая голова, хорошо думаешь.

Кремень был очень польщен похвалой, а охотники стали обсуждать вопрос о постройке большого плота. О челноке, конечно, не могло быть речи, так как на это должно было пойти слишком много времени. Плот же, при общих усилиях, можно было смастерить в несколько дней, тем более, что поваленных и выброшенных волнами реки деревьев имелось много.

Однако пора было возвращаться домой, и охотники быстро собрались: сняв с себя шкуры и связав их с мешками для провизии, засунув в эти свертки оружие, каждый прикрепил свой узел к небольшому бревну. Затем бревна были спущены в воду, охотники оттолкнулись от берега, и вскоре быстрое течение подхватило оригинальную флотилию. Лежа животами на бревнах и управляя ногами и руками, дикари весело хохотали, радуясь быстрому течению, которое должно их принести к пещерам в середине дня.

Скоро показались знакомые места и дымок, вившийся из родной пещеры,

— Охотники вернулись! — закричали, увидев их, бывшие на берегу дети, и на эти крики сбежались все, бывшие поблизости.

Радостно и оживленно жестикулируя, охотники рассказывали о своих поисках, о отслеживании мамонта и о больших стадах, виденных ими. Кремень, захлебываясь от восторга, рассказывал своим товарищам о мамонте, о его величине и виде, о громадных клыках, хоботе, толстых ногах. Он даже попытался изобразить на земле подобие виденного животного, но у него ничего не вышло. Во всяком случае, товарищи были страшно заинтересованы и горели желанием скорее увидеть чудовище; девочки же, тоже слушавшие рассказ Кремня, широко раскрывали испуганные глаза, представляя себе мамонта, на описание которого Кремень не жалел красок.

— Ноги, — говорил он, — как самые толстые деревья, а сам, как гора, большой и лохматый, такой большой, что, если мы все возьмемся за руки, то кругом не охватим, вот какой большой! А клыки больше, чем два человека, и загнуты как рога. Уши — как самые большие шкуры зубров.

— А глаза?

— Глаза? Глаза очень маленькие, и хвост как у быка. Но зато нос до самой земли, и он им двигает как рукой, рвет им траву и кладет в рот.

Но этому слушатели не поверили: как это можно носом рвать траву!

— Да нет, правда, — горячился Кремень, — я сам видел, и все видели, спросите охотников.

Прислушавшись к рассказам взрослых, дети должны были поверить словам Кремня, и их взяла зависть, что Кремень видел такую диковинку, а им, может быть, и не удастся увидеть, если животное почему-либо уйдет дальше.

На следующий день все племя собралось на облаву. В пещере осталось несколько женщин и старик, под наблюдение которых были отданы дети, слишком большие, чтобы их нести, и слишком маленькие и слабые, чтобы поспевать за взрослыми. Грудные же дети были взяты матерями, которые несли их за плечами в кожаных мешках, а подростки, мальчики и девочки весело бежали, часто опережая все шествие. Вниманию нескольких женщин был поручен горшок с пылающими углями, причем огонь поддерживался

постоянно подкладываемыми щепочками. Кроме того, было захвачено достаточно провизии и оружия.

Только в конце второго дня толпа добралась до места будущей охоты и без шума расположилась вдали от ущелья, назначенного быть западней. В этот день не предпринималось никаких работ и все отдыхали; только вождь, взяв своих прежних спутников, уже знакомых с местностью, еще раз обошел окрестности и назначил места, откуда каждый, во главе своего отряда, должен был начать облаву.

Рано утром началась лихорадочная работа. Воины, женщины и подростки стали дружно таскать бревна и упавшие деревья к тому месту, где ущелье выходило к реке, и складывать их, чтобы совершенно замкнуть выход. Пустые пространства между бревнами закладывались ветвями, камнями, засыпались песком и глиной, и вскоре громадный вал в несколько человеческих ростов вышиной был готов. Оставалось заготовить побольше материалов, чтобы ими замкнуть западню с другой стороны после того, как животные попадут в ущелье. Наконец, все было окончено. Все основательно подкрепились, не разводя, впрочем, огня. Матери, покормив детей, выбрали два дерева с густыми ветвями, к которым и привязали мешки с младенцами, оставив сторожить их двух-трех девочек, и затем присоединились к остальным.

Всех было, считая и подростков, более пятидесяти душ, разделенных на партии по семь-восемь человек. Каждая партия по очереди покидала бивак и отправлялась на назначенное место, делая громадный обход.

Кремень был на верху блаженства, получив под свою команду человек пять подростков. Скоро он, со своей партией, прибыл на назначенное место и расставил товарищей цепью, приказав притаиться и не двигаться ни в каком случае до его приказа.

Сердце у Кременя билось усиленно, глаза лихорадочно блестели, а руки судорожно сжимали две большие высохшие кости. Такими же костями были вооружены все охотники, участвовавшие в облаве.

День был жаркий, и солнце, несмотря на конец лета, сильно пекло. По голубому небу плыли редкие облака. Олени, быки, зубры и другие животные забрались в глубину леса и мирно отдыхали, не подозревая о готовившейся для них напасти. Изредка над головой Кремня с ветки на ветку перепрыгивала птица или мелькала проворная и хлопотливая белка с орехом или желудем в острых зубах. Неизвестно откуда вдруг выскочил заяц и слепо чуть не наткнулся на увлеченного юного охотника, но в ужасе, присев на задние лапы и отмахиваясь передними точно от привидения, вдруг метнулся в сторону и быстро исчез в кустах, смешно скидывая длинными задними ногами.

Ожидание становилось все томительнее; каждую минуту Кремень посматривал на солнце, двигавшееся, по его мнению, слишком медленно, и напрягал слух, стараясь уловить звуки сигналов. Но кругом было тихо. Солнце все еще поднималось и не дошло до зенита, а вождь приказал начать охоту, только когда огненный шар поднимется до высшей точки...

— А-а-а! — пронесся, наконец, отдаленный звук, и через мгновение по всей цепи разнесся охотничий призыв.

Началась облава: крики, свист, стук сухих костей одной о другую, рев потревоженных зверей, треск ломаемых ветвей, тревожный писк птиц, — все слилось в один отчаянный шум. Потревоженные животные метались, не зная, куда броситься, но, теснимые с одной стороны охотниками, бросались в противоположную сторону и понемногу направлялись к роковой западне.

Круг все суживался. Звери, успевшие вырваться из этого круга, спасались бегством за дальние холмы; остальные же беспорядочной толпой бежали по дну и скату громадного оврага, уже охваченного по сторонам толпами преследователей, махавших шкурами, кричавших иступленными голосами и колотивших костями в упоении предстоящей победы.

Среди массы животных выделялся обезумевший от ужаса мамонт. Подняв хобот и испуская страшный рев, он мчался по дну оврага, давя на своем пути мелких животных. Ре-

вущая толпа зубров, оленей, мускусных быков, коз, волков, шакалов, медведей и мелких зверьков — зайцев, кроликов, сурков, лисиц и проч. лавиной неслась к западне, давя друг друга, испуская крики, вой, рев, мычание и блеяние.

Как только эта толпа, с мамонтом во главе, ворвалась в ущелье, тотчас охотники стали сверху сбрасывать заготовленные бревна и камни, чтобы загородить совершенно ловушку. В несколько мгновений куча бревен закрыла отступление, и добыча оказалась в западне. Многие животные, впрочем, сумели выбраться из ямы: для медведей, лисиц и коз сооруженные преграды не составляли большого препятствия, и они перебрались через них и спаслись. Мамонт, ошалевший от испуга, метался по узкому ущелью, бросался на стены и на вал, но скользил, падал и давил прочих собратьев по несчастью, а десятки копий и камней, сыпавшихся на него сверху, еще больше увеличивали смятение. Наконец он повернул обратно и всей массой своего неуклюжего туловища бросился на сравнительно легкую преграду из бревен. Напрягши в порыве отчаяния все свои силы, пустив в дело клыки и хобот, которыми он свободно раскидывал, как щепки, толстые стволы, мамонт пробил брешь и вырвался на волю.

Крики ярости вырвались у охотников, но о преследовании нечего было и думать: несмотря на неуклюжесть и короткие ноги, несмотря на раны и десяток копий, вонзившихся в бока, мамонт помчался как вихрь и через несколько мгновений исчез из глаз охотников. Между тем, через брешь, сделанную чудовищем, бросились спасаться другие животные, но скоро туда была набросана масса новых бревен, камней и ветвей.

Несмотря на потерю главной добычи, Клык и его соплеменники остались, в конце концов, очень довольны, так как было поймано несколько десятков животных.

Первыми были подобраны и убиты раненые животные. Громадные костры запылали на окраинах оврага, и несколько дней подряд, с утра до вечера, все, от мала до велика, работали, снимая шкуры, разрезая мясо на полосы и высу-

шивая их на солнце, на угольях и на раскаленных камнях. Копчение же шло все дни и ночи напролет.

Через несколько дней работа была кончена, и одновременно с ней был кончен большой, неуклюжий, но прочный плот из бревен, связанных ремнями. Он скоро был нагружен заготовленными припасами, и Клык подал знак к отъезду.

Несколько человек, вооруженных длинными шестами, взошли на плот; там же поместились женщины с детьми. Остальные воины взялись за несколько длинных ремней, привязанных к плоту, и стали осторожно спускать его вниз по течению; стоявшие же на плоту шестами отталкивались от берега, и таким образом хоть медленно, но основательно и безопасно охотники направились к родной пещере.

Берег, где в течение нескольких дней кипела жизнь, где дымились десятки костров и где воздух был наполнен веселыми и оживленными звуками, опустел. Кучи пепла, обугленные поленья, окровавленные кости, над которыми вились мириады мух, были единственными свидетелями всего бывшего здесь. Кое-где из кустов начинали выглядывать острые, трусливые морды шакалов, но они еще не решались подойти ближе и приняться за остатки, брошенные людьми, а затем вдруг совершенно скрылись, увидя, что на место бывшего лагеря вер-

нулся один человек.

Это был Кремень. Он не торопился домой и знал, что успеет нагнать медленно плывущий плот. Он быстрыми шагами направлялся к западне, где было поймано так много животных. Его еще раньше привлекли пласты желтой и красной глины, и ему хотелось захватить с собой небольшой запас той и другой. Он не отдавал себе ясного отчета, для чего она ему нужна и что он с ней будет делать. Его

постоянно тянуло ко всему, ярко и пестро окрашенному; он собирал и прятал в укромном уголке, в пещере, цветные камни, красивые перья разных птиц, обточенные водой камни, кости и прочие предметы, привлекавшие его необычной формой или окраской. Теперь он решил пополнить свою немудреную коллекцию глиной, понравившейся ему яркими цветами.

Завернув в кожу несколько горстей, он сел на обрыве над ущельем, и перед его воображением снова возникла вся картина грандиозной облавы. Ему ясно представлялась страшная борьба мамонта-чудовища с препятствиями, поставленными людьми, ужас и отчаяние животного и, наконец, его освобождение и бегство.

Странное дело: Кремень не жалел о том, что такая добыча ушла из рук охотников, он радовался за животное, избежавшее печальной участи. За эти несколько дней выслеживания и охоты Кремень проникся симпатией к безвредному и, очевидно, доброму великану, между ног которого безбоязненно шныряли, как он несколько раз видел, мелкие зверьки, а на широкую спину садились птицы.

«Я еще приду сюда, — думал Кремень, — и посмотрю на него. Он, вероятно, убежал недалеко...»

Опять мечты далеко унесли мальчика.

Между тем, солнце склонялось к горизонту, и надо было догонять своих; оставаться же в этих местах было небезопасно, так как с наступлением сумерек боязливые хищники наберутся смелости и выйдут из своих убежищ, чтобы поживиться обильными остатками.

Свернув наскоро свои вещи и завернув их в плащ, Кремень, по старому примеру, привязал узел к небольшому бревну и минуту спустя плыл, уносимый быстрым течением, ловко справляясь с водоворотами и огибая выступавшие на поворотах скалы.

Надвигались сумерки. Уже Кремень подумывал о самостоятельном и одиноком ночлеге где-нибудь под скалой, как вдруг за одним из поворотов реки увидел веселые огни нескольких костров и вокруг них своих соплеменников. Еще несколько мгновений, и он был среди своих.

Получив хороший подзатыльник от Клыка за то, что отстал от других, он присел к одному из костров и с жадностью принялся за мягкий кусок свежего копченого мяса.

На следующий день охотники, без всяких приключений, добрались до своей пещеры, где были радостно встречены стариком и оставшимися дома женщинами. Привезенные припасы живо были перенесены в пещеру, и Клык с удовольствием осмотрел запасы, которых должно было хватить на всю зиму, даже если бы охота зимой оказалась невозможной.

Дикарь вздохнул полной грудью, широкая улыбка осветила его энергичное лицо, и громкая песня сама собой вырвалась от полноты душевного удовлетворения. Соплеменники подхватили песнь вождя, и долго радостные звуки не умолкали под сводами пещеры и, вырываясь наружу, расплывались в тихом вечернем воздухе.

ГЛАВА IV

Посуда. — Кремень делает горшок с украшениями. — Восторг Клыка. — Первый заказ. — Топор Клыка. — Мучительные думы. — Счастливая мысль. — Зимние работы.

Итак, наши переселенцы приготавились встретить навигавшую зиму. Припасов было заготовлено достаточно, топлива тоже, хотя последние не особенно заботили Клыка: лес был близко, а потому всегда можно будет добыть сколько понадобится. На первый план выступили заботы о теплой одежде и посуде. Летом, когда постоянно имелась свежая дичь, все довольствовались жареным на углях мясом, но зимой предстояло питаться сушеным мясом, которое дикари предпочитали варить для размягчения и этим обращать его в более съедобный вид.

Для этого необходимо было изготовить побольше глиняной посуды, за что и принялись женщины. В окрестностях оказалось много глины, и не представляло никакого затруднения перенести ее в пещеру. Самое трудное было вылепить из глины нужную форму и обжечь ее так, чтобы она не развалилась, когда посуду поставят для обжига в огонь. Кремень принимал деятельное участие в приготовлении горшков и часто приходил в отчаяние, когда видел, что из десяти-пятнадцати сделанных горшков годных получалось не более двух; остальные трескались и разваливались, как только их ставили в огонь.

Когда лепились большие горшки, то для прочности их обвязывали ремнем или свитой жгутом веткой, или прямо брали и делали из прутьев нужной формы корзину, обмазывали глиной и ставили в огонь. Обвязка или корзина быстро выгорали, и Кремень бывал поражен, находя на обожженных горшках точный отпечаток прутьев: очевидно, глина сохраняла все ямки и бороздки, которые получались от прутьев.

«Отчего бы не сделать это нарочно? — думалось Кременю. — Сделаю узоры, как на коре».

Не говоря никому ни слова, Кремень тайком вылепил небольшой горшок и, пока глина была сырая, стал выцарапывать на нем палочкой точки и черточки. От обвязки обыкновенно оставался ряд наклонных черточек, и Кремень изобразил на горлышке такие же; ниже он расположил два ряда точек, а затем ему пришла в голову мысль соединить эти точки наклонными черточками то вправо, то влево, и когда у него вышел ряд зубцов, то он пришел в полный восторг.

Однако ему постоянно приходилось отказываться от своего занятия и идти помогать то тому, то другому. Клык ценил его ловкость и умение и не давал ему сидеть без дела: то он должен был плести корзины, то острыми раковинами скоблить внутреннюю сторону шкур, то отыскивать по берегам большие куски кремня, из которого опытные мастера делали топоры, ножи, наконечники для копий и проч.

Несмотря на то, что Кремень часто отрывался от своего горшка, он в конце концов кончил его и любовался пест-

рыми узорами. Оставалось обжечь его. Глина совершенно высохла, и однажды, когда все заснуло, Кремень сунул свое произведение в костер и обложил раскаленными углями. Он боялся, что сухая глина совсем рассыплется в огне, и был очень удивлен и обрадован, когда вышло наоборот и горшок не только нигде не дал ни одной трещины, но сделался прочным как камень, и даже звенел, когда по нему ударили твердым предметом.

Вытащив рано утром из костра свой горшочек и увидев, как он удачно вышел, Кремень надел его на палку и выбежал из пещеры. Положив его на траву, он отдался восторгу: хохотал, прыгал, визжал и вообще выражал свое удовольствие всеми способами, какие у него были в распоряжении, затем присел к роднику и старательно смыл с горшка копоть и золу.

Между тем, чутко спавший Клык услышал веселые крики Кременя и, обозленный, выскочил из пещеры, чтобы наказать дерзкого нарушителя спокойствия. Быстрыми шагами он подошел к Кременю, и его сильная рука схватила курчавые волосы мальчугана.

— А, звереныш! что ты кричишь?

Кремень жалобно застонал и выпустил из рук горшок, звонко ударившийся о камень и покотившийся по траве. Глаза Клыка уставились на красивый горшок, и рука малопомалу разжалась. Широко открытыми от удивления глазами он смотрел на невиданные украшения и не мог понять, откуда они явились.

— Где ты взял этот горшок? — спросил он, схватив его и не сводя глаз с рядов зубчиков, черточек и точек.

— Это я сделал, сам! Никому не говорил, взял глину и сделал! — захлебываясь, говорил Кремень; он уже забыл встряску, заданную вождем, и был вполне удовлетворен произведенным на Клыка впечатлением.

— И это сам? — спросил последний, указывая на узоры.

— Да, это я, я много-много делал на коре, на камнях, на песке, даже на костях, только на костях долго, трудно!

Клык, пораженный, переводил взгляды с Кременя на узоры и обратно, не находя слов.

— А на ручке топора можешь?

— На всем могу, все могу! — не задумываясь, отвечал Кремень, вдруг выросший в своих собственных глазах.

— Хорошо, сделай мне ручку топора.

— Большого, вождь, боевого?

— Да, а если не сделаешь, если ты мне врал и нашел этот горшок, то я тебя убью.

— Нет, Клык, я не обманываю, это я сам сделал. Я взял палочку и делал на глине так, потом так, потом снова так, а потом такие черточки!

И Кремень наскоро нацарапал на песке тот же узор.

— Умная голова, хорошо думаешь! — воскликнул одобрительно Клык. — Ничего не работай, делай мне ручку для топора.

— О, как я рад! я хорошо сделаю, вождь будет доволен, очень доволен! — радовался юный художник, готовый немедленно приняться за работу.

В его голове уже вихрем закружились точки, черточки, зубцы, кружки, замысловато переплетаясь между собою; мысленно он видел уже ручку громадного топора, всю покрытую самыми причудливыми узорами. Ему вспомнились все те узоры, которые он постоянно выцарапывал на чем только мог, и в предстоящей работе он хотел повторить в улучшенном виде все, что делал раньше.

Между тем, население пещеры проснулось и с удивлением обступило вождя и Кремня. Восторженные и веселые крики огласили воздух. Наивные дикари искренно радовались и удивлялись, видя на горшке непонятно как явившийся рисунок. Несмотря на объяснения вождя и Кремня, многие не поверили, что это сделал мальчик, и считали это чудом. Даже когда Кремень взял один из свежих горшков и на глазах всех начал выцарапывать узоры, то и тогда многие не могли все-таки сообразить, как это так: он царапает по глине, а получается что-то очень красивое и привлекательное. Наивные и глупые головы многих не могли переварить непонятной вещи, и дикари только хохотали, как иступленные, и с удивлением, а отчасти и с суеверным страхом следили за ловкими пальцами Кремня.

Кремень был героем дня; сделанный им горшок переходил из рук в руки, возбуждая в дикарях все тот же восторг, до тех пор, пока он не попал в неуклюжие руки Медвежьего Зуба, который уронил его и разбил на мелкие куски.

Трудно было решить, что было сильнее: огорчение неловкого великана, разбившего драгоценную вещь, или гнев Клыка, чуть не убившего в припадке гнева своего приятеля. Только заявление Кремня, что он сделает еще много таких горшков, несколько успокоило расходившегося вождя.

Весь день вокруг Кремня толпились его соплеменники, внимательно следя за работой мальчика и радостно приветствуя каждую полосу узоров. Как только несколько горшков было покрыто рисунками, их поставили в огонь, но увы, они, как это и раньше бывало, почти совсем рассыпались.

Между тем, старик внимательно рассматривал осколки разбитого Медвежьим Зубом горшка и удивлялся их крепости сравнительно с осколками только что обожженных.

— Кремень, — спросил наконец он, — где ты брал глину? Эта глина крепкая, а наша совсем мягкая.

— Нет, дед, эта наша глина, только я положил горшок в огонь, когда он совсем высох и стал твердым; я думал, что он совсем рассыплется, а он стал очень крепким.

— Надо испробовать, — задумчиво произнес старик.

Проба превзошла все ожидания. Оказалось, что высушенная глиняная посуда обжигалась великолепно и приобретала несокрушимую крепость. Таким образом, благодаря случайности, племя сделало громадное приобретение: преимущество новой посуды состояло в том, что ее можно было ставить прямо на огонь и кипятить в ней воду; раньше же приходилось кипятить, бросая в воду раскаленные камни, что было и хлопотливо, да и мясо, сваренное в такой воде, выходило грязное, с копотью и пеплом. На последнее, положим, раньше никто не обращал внимания, но теперь, применив новый способ варки, все оценили его по достоинству.

Между тем Кремень усердно трудился над украшением ручки топора. Несмотря на всю свою самонадеянность, он приступил к своей работе со страхом. Да еще бы: в его полное распоряжение был отдан лучший топор лучшего воина: до этого топора, как до святыни, никто, кроме владельца, не смел притрагиваться.

А топор был действительно удивительный! Много лет Клык выращивал свое оружие, именно не сделал, а вырастил. Еще за много лет до переселения, когда Клык жил, со своим главным племенем, далеко от теперешней пещеры, он нашел отличный, большой кусок кремня темной окраски. Несколько сильных и уверен-

ных ударов другим кремнем откололи куски, и оставшаяся часть приняла грубую форму топора. Затем несколько месяцев Клык усердно трудился, отбивая кусочек за кусочком, пока не получил более правильной формы. Но больше всего времени пошло на выдалбливание бороздки, которую должна охватить рукоятка.

Когда наконец эта кропотливая работа была кончена, Клык выбрал в лесу, в укромном уголке небольшой, в руку толщиной дубок, расщепил его в одном месте и в расщеп вставил приготовленный топор так, что половинки деревца плотно сдавили бороздку. Остальное он предоставил природе: деревце продолжало расти, расщеп стал заплывать, охватывая камень все крепче и крепче, а лет через пять Клык, срубив дерево, получил великолепный топор с длинной рукояткой и лезвием, составлявшим с нею одно целое.

Это-то драгоценное оружие и попало в руки юного художника, с благоговением смотревшего на гладкую, отполированную от постоянного употребления рукоятку, которую ему надо было украсить всевозможными узорами.

Сильное волнение охватывало мальчика, — он боялся испортить дорогую вещь и, вместе с тем, смутно чувство-

вал, что сумеет выполнить свою работу. Его сильно смущала форма рукоятки. До сих пор он всегда выбирал для своих узоров большие плоскости: береговой песок, плоские камни, кору на толстых стволах и т. п., и там он свободно царапал все, что угодно, не задаваясь вопросом, выйдет ли хорошо или дурно. Если выходило плохо, он начинал на новом месте, стараясь как можно точнее, передать то, что задумал. Ему не приходилось считаться с формой предмета, на котором он изображал рисунки: было бы достаточно гладкое и большое пространство, и ему больше ничего не было нужно.

Но теперь не то: рукоятка топора, длинная, круглая и сравнительно тонкая, смущала его. С чего бы начать? С какой части? Что изобразить? Эти мысли мучили юного художника и заставляли сильно трепетать его сердце. Перед его внутренним взором стояли вереницы исполненных им рисунков, но они не удовлетворяли его, он чувствовал, что применить их для рукоятки нельзя, что будет нехорошо, так как в них не было ничего вполне определенного.

Не зная покоя от таких мыслей, Кремень уходил иногда из пещеры в свои любимые уголки и думал, думал и думал. Он по обыкновению наблюдал все, что происходило вокруг него, но не находил ничего подходящего. Он вглядывался в окраску крыльев бабочек, но эти пятнышки на плоских крыльях были бы неуместны на круглом предмете. Перебирая других насекомых и животных, Кремень все не мог ни на чем остановиться. Он уже готов был прийти в отчаяние, но, однажды, сидя под скалой, он услышал тихий шелест, раздавшийся в сухой траве. Машинально взглянув в ту сторону, он вдруг подпрыгнул, широко раскрыв глаза.

— Змее! — невольно воскликнул он. — Вот где узор! Рукоятка — как змея!

Через несколько мгновений небольшой уж был убит, и Кремень с увлечением рассматривал его пеструю спинку. Вооружившись хорошей палкой, он принялся рыться в кустах, сухой траве и на берегу. Поиски дали хорошие результаты, и скоро у Кремня оказалось штук пять ужей. Прихватил он еще на всякий случай несколько ящериц и потащил

все это в пещеру. Конечно, здесь его добычу встретили далеко не дружелюбно, но он упорно отстаивал свободу своих действий, и его наконец оставили в покое, особенно когда он забрался в отдаленную часть пещеры. Он расположился с большим удобством перед небольшим отверстием, служившим ему вместо окна. Здесь по стенам он вбил в щели небольшие колышки, на которые развесил своих змей и ящериц, а также устроил небольшой очаг для костра, так как становилось уже холодно.

Здесь, в стороне от всех своих соплеменников, голоса которых глухо доносились до него по узкому коридору, Кремень усердно принялся за работу. Он заготовил себе целую кучу острых раковин, кремней и костей, которые служили ему инструментами. Работа его шла, конечно, очень медленно: дубовая рукоятка топора была тверда как кость, и самые острые кремни прорезали углубления на ее поверхности лишь после долгого царапания и ударов по одному и тому же месту.

Впрочем, Кремень не торопился: в его распоряжении было несколько месяцев зимы, а к кропотливой работе он привык, как и остальные его племенники. Да оно и понятно: ведь для того, чтобы сделать из кремня или даже из более мягкого камня топор, нож или наконечник для копья, требовалось несколько месяцев упорной работы с утра до вечера.

И Кремень работал, пока в щель смотрел дневной свет. Он старательно выцарапывал черточку за черточкой, выбивал точку за точкой, стараясь передать как можно точнее узор, покрывавший спинку ужа. Легкими царапинами он наметил рисунок в несколько дней, а затем стал усердно углублять намеченные бороздки.

Иногда Клык, старик-дед или еще кто-нибудь заходили к нему и с удивлением смотрели, как неясные черточки и точки мало-помалу сливались в пестрый рисунок, охватывавший всю рукоятку топора.

— Ручка, — говорил Кремень вождю, — будет как змея.

— Да, да! — отвечал Клык, улыбаясь и кивая головой, но смутно соображая то, что ему говорил Кремень. Перед ним

пока были лишь какие-то непонятные знаки, и только в одном, почти законченном месте он замечал нечто похожее на те узоры, которыми была покрыта змея.

Но Кремень ясно и отчетливо видел, что выйдет из его работы. Отодвинув от себя топор и прищулив глаза, он ясно представлял себе рукоятку совершенно отделанной. Его воображение так точно разработало все задуманное, что те намеки на будущий рисунок, которые он слегка нанес на рукоятку, были для него совершенно достаточны.

В то время, когда Кремень с увлечением отдавался любимой работе, все племя приготавливалось к зимовке. Дни становились холоднее, а по ночам бывали даже заморозки и небольшие лужицы покрывались тонкими ледяными пленками. Птицы покидали свои летние убежища и длинными вереницами или большими стаями уносились в более приветливые и теплые места. Леса пожелтели и поредели, и между стволов, шурша сухими листьями, шныряли мелкие лесные хищники.

Мужчины изредка ходили на охоту, отчасти для собственного удовольствия, а отчасти для того, чтобы не тратить без нужды зимние запасы. Раз два охотники с испугом прибегали домой с тревожной вестью, что видели толпы каких-то людей. При первой же вести все в пещере всполошилось. В одно мгновение костер был растащен и засыпан, за исключением горсти углей; все вооружились и с тревогой стали ждать неприятеля. Но и в первый и во второй раз бродячие шайки прошли далеко, не заметив пещеры; они шли в том же направлении, в каком улетели птицы.

Во всяком случае, Клык встревожился и решил до наступления настоящей зимы, когда невозможны будут никакие передвижения кочевников, быть особенно бдительным. Днем

в окрестностях пещеры он ставил сторожей, а в пещере не позволял разводить большого огня, чтобы дымом не привлечь нежелательных гостей. Для той же цели ночью отверстия пещеры закрывались щитами, сплетенными из хвороста и обмазанными глиной.

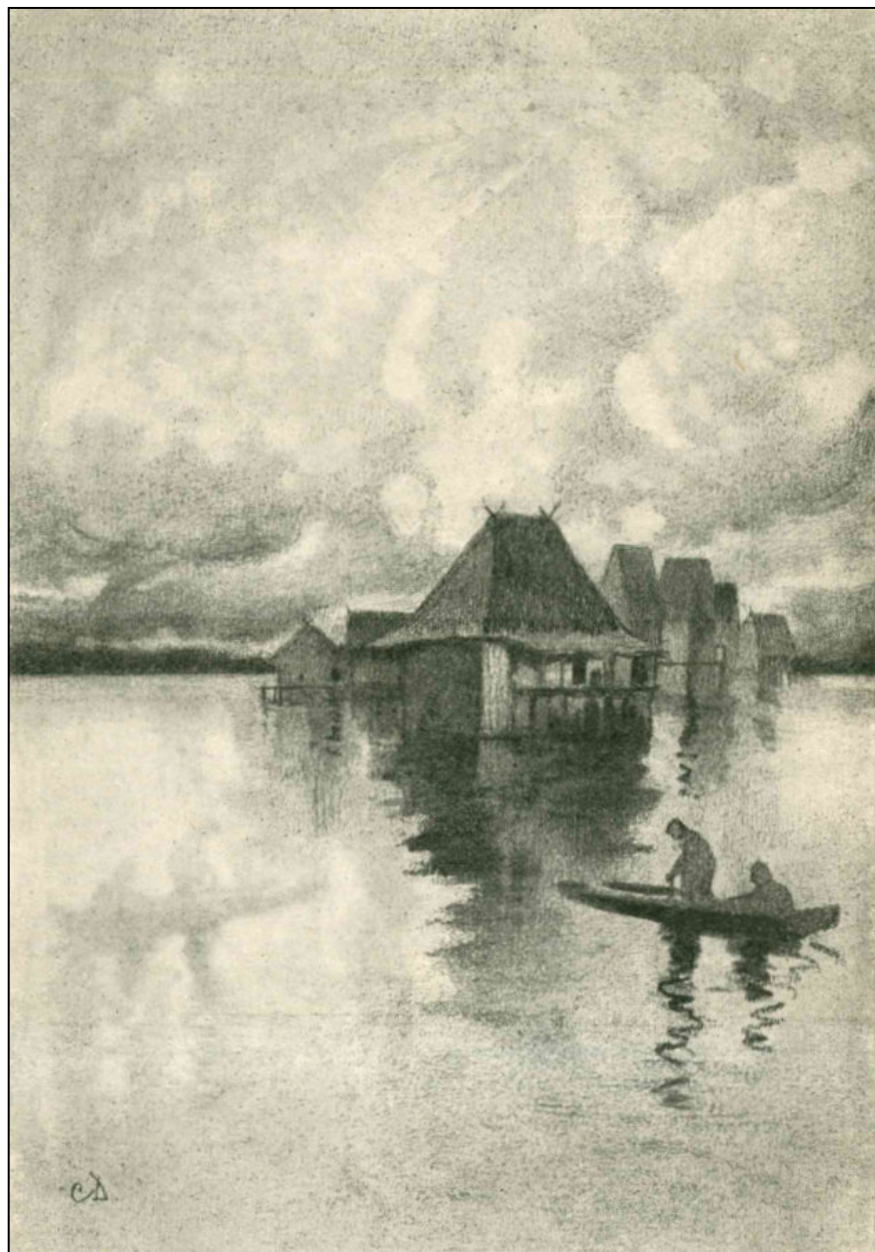

Через несколько времени одно из отверстий было закрыто наглухо, а в другом оставлена лишь небольшая лазейка, прикрывавшаяся шкурой; для выхода же дыма оставалась небольшая щель. Кремень тоже закрыл шкурой и сухой травой свое окошко, и пещера погрузилась на всю зиму в темноту. Работа шла только около нескольких костров.

Женщины усердно шивали при помощи костяных игло-лок и шила шкуры для зимней одежды и варили в горшках сушеное и копченое мясо; мужчины же приводили в порядок оружие или мастерили новое, большею же частью ничего не делали и спали на кучах травы, покрытых шкурами, чуть не круглые сутки.

Они точно хотели наверстать те бессонные ночи, которые не раз приходилось им переносить во время летних охот.

Кремень уютно устроился в своем уголку, и с ним вместе поместился и его дед. Они жили очень дружно и часто по вечерам вели длинные беседы о разных предметах. Кремень делился своими мечтами со стариком, рассказывал, что он будет делать, когда кончит работу для вождя. Старик же рассказывал внуку свои воспоминания из далекого прошлого, рассказывал о каких-то жилищах не в скалах, а на земле, сложенных из больших камней, или о жилищах, выстроенных на бревнах, вбитых в дно реки или озера. Его старческая память сохранила многое из прошлого, и он отрывочными фразами и словами старался нарисовать перед внуком образы людей, среди которых жил, когда был еще мальчиком.

— Люди, — рассказывал он, — носили ожерелья из камней и раковин.

— Как у Клыка?

— Да, как у Клыка, и еще лучше. Камни очень блестящие и разного цвета. На голове длинные перья. Были перья орлов, были перья других птиц. Когда говорили с Великим Духом, то вождь надевал на голову перья, на плечи — длинный плащ, а тело украшал полосами: красными, желтыми, черными...

Кремень не всему верил. Старик, повторяя свои рассказы, каждый раз изменял то те, то другие подробности, путал, очевидно, время и места, но, во всяком случае, образы той жизни, чуждой и странной, живо захватывали воображение мальчика, и в сновидениях ему являлись какие-то странные картины: ему чудились люди с перьями вместо волос, увешанные ожерельями и раскрашенные в разные краски, чудилось, будто они, размахивая оружием, бросались вдруг на него, и он в ужасе просыпался, но быстро успокаивался: догоравший костер переливался голубыми огнями, и закопченные стены и потолок с выступами были так знакомы.

— Это злые духи тревожат! — говорил старик. — Плунь во все стороны.

Мальчик исполнял приказание, а старик бормотал какое-то заклинание, и через минуту Кремень опять погружался в сон, но уже тихий и покойный, не прерываемый странными грезами и видениями, навеянными дедовскими рассказами.

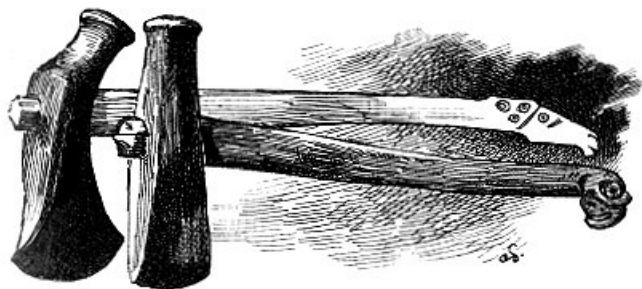
ГЛАВА V

Спустя десять лет. — Кремень приобретает большое влияние. —
Муки творчества. — В путь. — Мамонт. — Удача. — Враги. —
Олений Рог в опасности. — Отчаяние. — Лагерь людоедов.
— Два пленника съедены.

Прошло десять лет и многое изменилось в знакомой нам пещере, которая стала тесна для разросшегося племени. Несколько семей переселились в окрестные пещеры, а кому не хватало места, поселились в вырытых землянках, закрытых сверху толстыми бревнами. В каждой отдельной партии был свой вождь, но очень часто, во время больших облав или столкновений с бродячими племенами, вожди становились под начало Клыка, по-прежнему считавшегося главой всего племени и твердо державшего власть в своих руках.

Кремень возмужал. Это был уж не мальчик с наивными черными глазами, пытливно выглядывавшими из-под бровей и с любопытством наблюдавшими за окружающим, а мужчина в полном расцвете сил и красоты, с твердыми, уверенными движениями и поступью. Несколько рубцов на лбу и на плечах показывали, что он был добрым воином, не отстававшим от товарищей во время битв. Его умные глаза уверенно смотрели вокруг, по-прежнему внимательно наблюдая окружающее. По-прежнему любимым занятием

его было наблюдать жизнь природы и передавать свои впечатления в виде рисунков на разных предметах. После первого топора, который он украсил для Клыка, он сделал еще много рисунков на рукоятках топоров и палиц. Не только оружие, но и одежду и разную домашнюю утварь Кремень украшал разными узорами.

Дед Кремня умер года два тому назад, успев передать внуку много разных сведений, правда, сбивчивых и отрывочных, но все-таки ценных, потому что они наводили Кремня на размышления, и он до многого доходил своим умом.

И мало-помалу Кремень научился делать многое из того, о чем рассказывал ему дед.

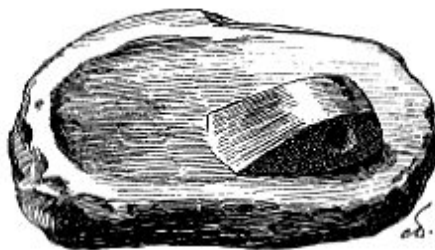
Таким образом он дошел до умения делать ожерелья из камней, просверливая их и надевая на ремешок, научился мастерить украшения из перьев, полировать камни и кости, почему ножи и топоры выходили из его рук гладкими и блестящими, такими, каких раньше ни у кого не было.

Кроме отрывочных рассказов о жизни какого-то способного племени, дед рассказывал внуку много о Великом Духе, о злых и добрых духах, живущих в воздухе, земле, воде, в лесах, полях и проч. Он выучил его произносить заклинания, чтобы призывать или удалять тех или других духов. Научил пользоваться разными травами и корнями от разных болезней и ран.

Благодаря всему этому, после смерти старика Кремень занял его место в племени и стал исполнять все церемонии в тех случаях, когда племя желало обратиться с мольбой к

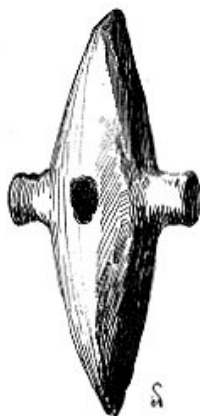
Великому Духу.

Таким образом Кремень сделался жрецом всего племени, и его влияние все возрастало. Любя все красивое, пестрое и блестящее, он устраивал целые торжества, и в то время, когда толпа дикарей кружилась в пляске вокруг священного костра, он сам, в роскошном плаще, в короне из перьев на голове, с ожерельем из цветных камней на груди, весь расписанный полосами ярких красок, произносил длинные заклинания, призывая на головы своих соплеменников благословение Великого Духа и проклятия на головы врагов.

По-прежнему он иногда исчезал на несколько времени из пещеры и отправлялся странствовать по окрестностям, принося из своих путешествий связки лечебных трав, блестящие камни и разноцветные глины. Однажды, далеко от пещеры, Кремень выследил мамонта. Но он не давал о нем знать своему племени. Ему вспомнилась старая охота, когда это животное так поразило его своим видом, и мечта изобразить его на чем-нибудь охватывала молодого художника. Однако все его попытки выходили неудачными. Бывало, по ночам, когда все племя мирно спало, Кремень лежал целыми часами с открытыми глазами, и мысль его напряженно и сильно работала. Он ясно представлял себе фигуру мамонта, и ему казалось, что она стоит перед ним, как живая. В такие минуты Кремень схватывал закопченный черепок и начинал на нем выцарапывать рисунок; но ясное представление общей формы исчезало, как только он начинал изображать ее на черепке: его сбивали подробности,

ему приходилось напрягать все свое воображение, чтобы вспомнить отдельные части животного. Иногда ему казалось, что он уловил что-то похожее и царапины начинали верно передавать голову животного, но как только дело доходило до туловища, тотчас иллюзия пропадала, и он с досадой бросал черепок в огонь. И тогда опять перед его умственными взорами, точно дразня, выяснялась фигура мамонта; Кремень опять схватывал новый черепок, и снова какая-нибудь подробность вроде того, где сгибается колено или как лежат уши, сбивали представление о целом, и рисунок снова не удавался и бросался в огонь.

После таких ночей Кремень просыпался утром сумрачный, усталый и неудовлетворенный.

— Что с тобой, Кремень? — спрашивал в такие минуты его друг и приятель Олений Рог.

— Не спал, — отрывисто отвечал Кремень, — опять хотел сделать мамонта... Не могу! — с тоской добавлял он.

— Да это и нельзя сделать.

— Нет, можно, и я сделаю! — энергично произносил Кремень. — Надо только еще посмотреть мамонта. Я знаю, какая у него голова, знаю туловище и ноги, но не могу изобразить все вместе.

— Не стоит! — равнодушно замечал Олений Рог. — Делай топоры, украшай их, как раньше, узорами, и я тебе буду по-прежнему помогать, а мамонта брось.

— Что узоры? Узоры и ты и другие теперь могут, узор простая вещь, а я хочу сделать то, чего никто не может, я хочу, чтобы зверь не бегал, не ходил, а был бы всегда со мной на костяной пластинке! Пойдем опять искать его.

— Пойдем! — охотно согласился товарищ Кременя, никогда не отказывавшийся сопутствовать своему приятелю. — По берегу? — спросил он.

— Нет, на челноке лучше, скорее, и больше можно захватить пищи.

Через несколько минут приятели были готовы и пошли проститься с Клыком.

— Куда? — спросил вождь молодых людей.

— Туда, вниз, на челноке.

— Будьте осторожнее: охотники вернулись и говорили, что видели чужих людей.

— Мы узнаем, кто это, и дадим знать! — сказал Кремень и, простившись с вождем, взял шест, чтобы управлять челноком.

Скоро родные места остались за спиной молодых воинов, и их челнок быстро плыл между высокими утесами, отвесно опускавшимися в воду. Кремень уверенными толчками в дно реки удерживал легкий челн в средней части реки, где течение было наиболее сильным.

Они плыли мимо знакомых мест, по которым шныряли, охотясь за птицами, еще мальчишками, но чем далее, тем берега становились все более и более незнакомыми; здесь им случалось бывать только раза два-три, во время своих последних странствований вслед за бродившим из рощи в рощу мамонтом.

Только к вечеру приятели добрались наконец до намеченного места, и, спрятав челнок в зарослях ивняка, устроились здесь на ночь под навесом большой скалы.

— Вставай, Олений Рог! — разбудил Кремень товарища рано утром. — Пора на поиски.

— Рано, куда торопиться! — отозвался тот, потягиваясь и зевая.

— Ну, оставайся, я уйду один.

— Слушай, мне мамонт не нужен, — я лучше поброжу в другой стороне и выслежу какую-нибудь добычу.

Товарищи расстались. Олений Рог снова лег на кучу сухой травы, чтобы подремать до восхода солнца, а Кремень, не теряя времени, быстро поднялся на гребень холма и уверенными шагами двинулся по тому направлению, где надеялся встретить интересовавшее его животное.

Надежда не обманула его. Сначала старые следы привели его к постоянному пастбищу мамонта, а затем недавние утренние следы на свежей траве показали ему, где па-

слось животное в настоящую минуту. Ловко, как змея, пополз Кремень, почти не шевеля травой, в которой скрывался. Скоро он притаился за стволом громадного бука и восторженно смотрел на зверя, спокойно жевавшего, траву и листья и хлопавшего ушами, не подозревая такой близости человека.

Для большего удобства Кремень осторожно влез на дерево, где с большим удобством уселся на толстый сук. Глаза его жадно следили за медленными движениями животного. Теперь Кремень ясно сознавал, что от него ускользало раньше, когда он пробовал изображать мамонта на память. Теперь, вглядываясь внимательно, он соображал отношения всего туловища в голове, длину ног по сравнению с их толщиной. Вынув из мешка острую кость, Кремень начал выцарапывать на коре ствола рисунок.

С первых же штрихов дело пошло на лад. Уже несколько черточек определили главные очертания. Мелочи, которые раньше ускользали из памяти, представлялись теперь художнику ясными и вполне доступными. Дрожа от внутреннего волнения, Кремень с увлечением проводил царапину за царапиной, и изображение мамонта стало вырисовываться ясно и отчетливо на светлой буковой коре. В рисунке было все, что нужно: массивное туловище, треугольная голова с длинным хоботом, клыки, загнутые вверх. Только ноги, частью скрытые в траве, не вполне удавались Кременю; но он, увлеченный достигнутым успехом, не заботился об этом, надеясь наверстать недосмотренное в будущем.

Между тем животному, видимо, надоело стоять на одном месте, и оно двинулось дальше. Кремень слез с своего дерева и стал по-прежнему осторожно ползти вслед за мамонтом. Он внимательно изучал походку зверя, наблюдал, как сгибались ноги, как подымались уши, хобот и хвост, как вытягивалось неуклюжее тело, когда мамонт старался дотянуться до какой-нибудь особенно лакомой для него ветки. При остановках животного Кремень немедленно начинал зарисовывать его, на чем попало: на коре, на песке, на коже своего плаща. Если животное было видно только ча-

стью, он рисовал эту видимую часть.

Было далеко за полдень, когда Кремень наконец немного утомился и решил отдохнуть. Он лег на свежую траву и с наслаждением вытянулся, щуря глаза на мелкие просветы солнца, едва пробивавшегося сквозь густую листву. До него глухо доносились тяжелые шаги животного, бродившего в сотне шагов от него. Вдруг его поразил сильный шум; земля точно вздрогнула, затрещали сучья, как от урагана и, через мгновение, гигантская фигура мамонта промелькнула мимо Кремня, чуть не сбив его с ног. Животное было испугано: хобот поднят вверх, широкие уши отчаянно трепались по сторонам головы, и густая шерсть стояла дыбом.

«Беда! — мелькнуло в голове Кремня. — Его испугали люди... Где они? Быть может, это Олений Рог? А вдруг это враги, чужое племя, о котором говорил Клык?»

Кремень притаился в кустах, напряженно всматриваясь в отверстия между ветвями и напрягая слух, чтобы уловить подозрительные звуки. Через несколько мгновений он услышал быстрые шаги, по-видимому, двух человек, которые действительно выскочили из лесной чащи.

Они быстро и громко кричали, размахивая грубыми топорами; но Кремень не мог понять странных горловых звуков, которыми оживленно обменивались незнакомцы. Это были приземистые люди с темной кожей, почти голые и с темными волосами, падавшими длинными прядями на их широкие плечи. Лица были широки, некрасивы, а глаза горели злобой.

Оба дикаря остановились, очевидно, раздумывая, стоит ли гнаться за мамонтом, и вдруг оцепенели от ужаса: они увидели на коре ближайшего дерева отчетливый рисунок головы мамонта, сделанный только что перед их приходом Кремнем.

На лицах дикарей отразились одновременно ужас и любопытство. Что это? откуда? правда ли это?.. Осторожно, вздрагивая, но не имея сил отвести глаза в сторону, точно очарованные сверхъестественным явлением, дикари, затаив дыхание, все приближались к дереву с рисунком, и чем ближе, тем яснее перед ними вырисовывалась характерная голова с клыками, а пятна солнца, скользившие по стволу, точно оживляли эту страшную голову, и она точно шевелила своим хоботом...

Вдруг один из дикарей не выдержал: нечеловеческий вопль вырвался из его груди, и он шарахнулся в сторону. Вслед за ним бросился другой, и через несколько мгновений вопли панического ужаса и топот ног замолкли вдали.

Настала опять тишина.

«Спасен!» — радостно подумал Кремень и, подняв на мгновение руки к солнцу, благодаря Великому Духа за спасение, бросился в противоположную сторону, прихватив с собой один из брошенных дикарями топоров. Топор, или, вернее, палица, был самой грубой работы и представлял из себя грубую рукоятку, расщепленную с одного конца. В эту щель был вставлен даже не кремень, а простой плоский речной булыжник, привязанный кое-как ремнем. Это было жалкое оружие, показывавшее, что владельцы его совершенные дикари, не умевшие делать такого прочного и красивого оружия, какое делали Кремень и его племя.

Не теряя времени, Кремень быстро бежал к реке, к месту, где он с Оленьим Рогом оставили челнок. По дороге он остановился только на минуту, чтобы снять с бука часть коры, где была изображена вся фигура мамонта. На остальные же рисунки Кремень махнул рукой — опасно было долго задерживаться, — первый же рисунок ему жаль было бросать, и он захватил его с собой.

Он спешил.

Вот, наконец, сквозь деревья блеснула река. Кругом было все тихо и спокойно. Кремень тихо свистнул, подражая суслику, но Олений Рог не откликнулся.

Осторожно, ползя между кустами, Кремень подполз к скале, где они с товарищем ночевали, и одного взгляда бы-

ло достаточно, чтобы понять, что здесь разыгралась кровавая драма.

На земле виднелось множество следов, а на камнях пятна крови. В одном месте валялся клоч черных волос, и Кремень с тоской должен был признать, что это волосы Оленьего Рога. У него сжалось сердце, и крик мести вырвался из груди. Не боясь, он вышел на открытое место и стал осматривать подробности: вот тут враги набросились на товарища, здесь, видимо, он отбивался своим топором, отбивался, вероятно, отчаянно, потому что кругом много кровавых пятен, и здесь же, по-видимому, его осилили, так как его расколотый топор валялся около обрыва. На него напало, судя по следам, человек пять-шесть. Где же справиться с ними одному, хотя бы и сильному, ловкому человеку?

Несмотря на тщательные поиски, Кремень не мог найти трупа, а так как на самом берегу следов не было и, следовательно, тело не было брошено в воду, то оставалось одно предположение, что враги увели товарища в плен.

С тоской в сердце и страшной злобой в душе Кремень сел на камень и опустил голову. «Надо узнать, — думал он, — куда увели пленника и выручить его скорее. Но что же я сделаю один против целого племени? Дать знать своим? Пройдет слишком много времени, и его убьют или уведут куда-нибудь дальше...»

Страхнув наконец тоску, Кремень энергично поднялся и двинулся по следам. След нескольких человек был ясный и широкий. В одном месте Кремень подобрал острую кость, которою Олений Рог обыкновенно вырезал узоры на горшках под его руководством, и это окончательно убедило его, что товарищ уведен в плен.

Долго шел Кремень, не думая в раздражении даже скрываться, но скоро ему стали попадаться другие многочисленные следы: очевидно, он приближался к становищу врагов. Умерив шаги, он, наконец, вышел на открытое место, где многочисленные следы шли почти в одном направлении, к тому месту, где за небольшой рощей сверкала река.

Кремень притаился, но до него не доносилось ни одного звука. Осторожно перебравшись через открытое место, он добрался до рощи, пробежал ее и остановился на опушке.

Внизу, под его ногами, развернулся лагерь врагов. На самом берегу, там, где овраг выбегал, расширяясь, к реке, копошились люди. Судя по виду, это были одноплеменники тех двух, которые испугались так рисунка головы мамонта, и, хорошенько приглядевшись, он увидел и этих двух, оживленно объяснявших что-то своим. Вероятно, они рассказывали о своем приключении, и слушавшие дикари сильно волновались и кричали. Партия дикарей была невелика, человек в двадцать, не считая женщин и детей. Все были едва одеты, и оружие у всех было жалкое. Нигде не было видно дыма, и вообще не было и признаков костра. Очевидно, они не знали даже, что такое огонь.

Пленника нигде не было. «Неужели его убили и... съели? — мысленно закончил Кремень, заметивший в лагере несколько человеческих черепов и костей. — О, если это так, то я приведу сюда все наше племя, и мы перебьем до последнего этих зверей!»

Между тем, солнце спускалось к горизонту и окрасило окрестности своими желтыми лучами. Волны реки тихо катились, и в них отражались утесы, опушенные деревьями и кустами. К лагерю подошло еще несколько охотников с двумя убитыми козами на плечах и несколько женщин с пучками съедобных кореньев и трав. Все обратились к новоприбывшим и с алчностью набросились на дичь, разрывая ее на части, вырывая друг у друга кровавые куски, роняя их на землю и снова пожирая, несмотря на приставший к кускам мяса песок...

Кремень с отвращением смотрел на эту сцену.

Между тем дикари, опьяненные кровью, но голодные, так как двух коз было недостаточно, стали о чем-то совещаться, чаще и чаще указывая жестами на скалу.

Только тогда Кремень заметил, что в скале была пещера, заваленная большой глыбой, подпертой еще бревнами. Крики дикарей, их жесты и алчные взгляды, которые они

бросали то на пещеру, то на приземистого, мрачного вождя, видимо, не соглашавшегося на требования племени, показали Кремню, что в пещере находился пленник и что он-то являлся в настоящую минуту желанной целью этих людей.

Наконец вождь, очевидно, сам не выдержал искушения и махнул рукой по направлению пещеры. Дикий, радостный вой огласил воздух, и толпа бросилась к камню, запиравшему вход. В несколько мгновений подпорки были откинута, камень сдвинут, и двое дикарей влезли в пещеру.

Судорожно сжав свой топор, Кремень замер в ожидании. Сердце его билось сильно и тревожно, глаза его горели отчаянием и ужасом. Не отдавая себе ясного отчета, он решил броситься на толпу и вырвать из ее рук товарища или погибнуть самому. Сжавшись, как барс, он приготовился к безумному прыжку, чтобы сразу очутиться в центре врагов и, пользуясь первым замешательством, схватить товарища на плечи и броситься с ним в реку.

Дрожа от злобы и желания мести, впившись глазами в одну точку, следил он за происходившей перед ним сценой.

Из пещеры вылезли два воина, таща пленника. Кремень дрогнул было; еще мгновение, и он был бы среди врагов, но вовремя удержался: то был не Олений Рог, а какой-то неизвестный Кремню дикарь. Воины с диким смехом сбросили связанного пленника с уступа к своим соплеменникам и влезли снова в пещеру. Вслед за первым второй несчастный, тоже со связанными руками и ногами, был сброшен вниз. Вой озверевших людей встретил скатившуюся добычу.

В то время, когда несколько человек тщательно запирали вход в пещеру, остальные набросились на пленных и моментально разорвали их в клочки, действуя острыми раковинами с изумительной быстротой. Глаза и сердца несчастных достались по праву вождю, который с жадностью пожирал их, будучи уверен, что при этом ум и мужество убитых переходили в него.

Кремень дрожал, как в лихорадке. Ему впервые пришлось видеть людоедов. Он знал о существовании их, даже было подозрение, что некоторые охотники попали в руки этих дикарей, но впервые он видел, с каким диким наслаждением эти людоеды пожирали себе подобных.

Итак, Олений Рог пока в безопасности. Очевидно, он заключен в пещеру, и насытившиеся дикари пока не тронут его. В распоряжении Кремня, таким образом, была целая ночь, которою он и решил воспользоваться для спасения товарища.

А ночь уже наступала. Звезды одна за другой зажигались на синем темном небе, и молодой месяц мирно проглядывал среди разорванных облаков. Лагерь засыпал. Прикрывшись шкурами, то там, то сям лежали люди, и только два сторожа бодрствовали и от скуки грызли сырые кости, с причмокиванием высасывая из них мозг.

Кремень лежал неподвижно, ожидая, когда задремлют и часовые. Ждать пришлось очень долго, но зато было время обдумать весь план. Когда он уверился, что сторожившие воины задремали, он стал осторожно скользить по траве, приближаясь к пещере с той стороны, где к ней примыкали кусты. После долгих стараний ему удалось добраться почти к самому отверстию. Он завернулся в свой плащ и лег так, что его можно было принять за спящего; но он не лежал неподвижно, а едва заметно полз к кусту, росшему у самого входа в пещеру. Наконец он достиг своей цели.

ГЛАВА VI

Попытка Кремня. — Неудача. — Ужас перед смертью. —
Надежда. — Товарищи по несчастью. — Искусство Кремня.
— Спасены.

Весь лагерь спал и ничего не слышал. Часовые дремали или, задумавшись, отвернулись к реке. Слышны были только храп и изредка сонные вскрикивания. Глухо шумели струи реки, да из леса иногда доносился жалобный, отрывистый вой шакалов. Эти ночные звуки способствовали Кремню, и он чуть слышно засвистал сурком.

В ответ из пещеры раздался ответный свист.

— Олений Рог, ты здесь? — шепотом спросил Кремень.

— Это ты, Кремень?

— Я. Ты один в пещере?

— Нет, со мной еще два пленника.

— Ты связан или свободен?

— Связан очень крепко и развязаться не могу. Я весь избит, и у меня сломана рука. Ты не спасешь меня, Кремень. Беги, дай знать Клыку, пусть он поспешит сюда.

— Нет, Олений Рог, я этого не успею сделать, потому что ты попал к людоедам, и они не станут долго держать тебя в плену, а завтра же съедят.

Сдержанный стон раздался в пещере.

— Надо бежать теперь же, иначе ты погиб. Слушай внимательно: я сейчас уберу подпорки, а затем ты навалишься всей тяжестью на камень, а я его буду тянуть отсюда, пока

не освободится проход. Потом я возьму тебя на плечи, и мы бросимся в реку. Понял?

— Понял, Кремень, только я едва ли в состоянии помочь сдвинуть камень.

— Заставь других пленников помочь тебе.

— Они не понимают меня, они говорят не по-нашему и давно уже лежат неподвижно, точно мертвые, и связаны, как и я.

— Ну, хорошо, я постараюсь сделать все это сам.

Кремень осторожно снял подпорки и одну из них просунул в щель между камнем и стеной пещеры, действуя ею как рычагом. Камень стал подаваться под напором и понемногу отодвигаться в сторону. От времени до времени Кремень оглядывался, но в лагере было спокойно, никто ничего не слышал.

Щель увеличилась настолько, что в нее можно было пролезть.

— Я здесь, — прошептал Олений Рог, подползший со страшными усилиями к открывшемуся входу.

Кремень вполз и быстро перерезал ремни, связывавшие товарища. Олений Рог потянулся, но от волнения и сильного движения потерял сознание. Между тем, нельзя было терять ни минуты, и Кремень стал вытаскивать его в щель. Свежий воздух привел в себя пленника, и он глубоко вздохнул.

— Опомился? — торопливо спросил Кремень. — Теперь садись ко мне на спину, хватайся ногами за бока, а здоровой рукой за плечо... Руки мои оставь свободными... Готов?.. Ну, в путь!

И Кремень, уж не заботясь о просыпавшемся лагере и сторожах, бросился со своей ношей напрямик к реке, перескакивая через спавших еще и поражая топором уже поднявшихся дикарей, пытавшихся загородить ему дорогу.

— Го-о-о! — радостно закричал Кремень, в несколько прыжков достигнув берега, но вдруг споткнулся и упал у самой воды. Подниматься было некогда, и он просто скользнул дальше прямо в воду. Но, увы, несколько человек успели настигнуть его, и через минуту он, избитый так же,

как Олений Рог, и связанный по рукам и по ногам, лежал на песке, чувствуя, что скоро настанет конец.

Лагерь взволновался. Дикари пинками и ударами выражали свою злость. Женщины и дети щипали и били прутьями несчастных пленников. Они были бы убиты, если бы не защита вождя. Впрочем, вождь их защищал не из жалости, а ради сохранения запаса живого мяса; он и без того был недоволен, что из сделанного запаса вечером были съедены двое пленных.

Через несколько минут наши злополучные приятели были брошены в пещеру, вход которой снова был закрыт камнем и подпорками, и кроме того, были поставлены два сторожа с палицами.

Для наших пленников все было кончено, и наутро их ждала смерть. Долго лежал Кремень, почти потеряв сознание; в его голове не было ни одной связной мысли, и в сердце тяжелым комом сидело сознание, что все кончено, что утром или, самое позднее, вечером следующего дня он будет съеден.

Съеден! От одной этой мысли он вздрогнул и рванулся, но со стоном снова вытянулся на мокрой от сочившегося в пещере родника земле. Безумный ужас охватил Кремня, кровь застыла в жилах, и на голове зашевелились волосы. Умереть ничего: он воин, он не раз смотрел смерти в глаза, и не ему бояться ее. Смерть не беда. Его бы предали сожжению, как это заведено уже лет пять в их племени, с тех пор, как небесный огонь сжег пять человек, приютившихся во время грозы под большим деревом. Его тело, обратившись в дым, полетело бы к Великому Духу, где он встретил бы отца, мать, деда и многих из своего племени... Но быть съеденным — это ужасно! Кремню казалось, что уже острые зубы людоедов впиваются в его мускулы и его кости хрустят в сильных челюстях, что его вырванные глаза проглатываются страшным вождем и горячее сердце трепещет в руках ужасного дикаря.

— Нет, нет! — с ужасом и отчаянием воскликнул Кремень, — надо освободиться или покончить с собой здесь, чтобы врагам достался холодный труп, чтобы не быть ра-

зорванным на куски заживо!..

Энергия понемногу стала возвращаться к Кремню, и мысль деятельно заработала. Первое, что надо было сделать, это освободиться от ремней.

— Олений Рог, — обратился Кремень к товарищу, — ты пришел в себя?

— Мы погибли, Кремень! — простонал тот.

— Полно, надейся, может быть, мы еще успеем освободиться. Если в состоянии, то помоги мне развязать ремни.

— Ты что-нибудь придумал, Кремень? — со вспыхнувшей надеждой проговорил Олений Рог. — Да? Мы спасемся?

— Нет, я еще ничего не придумал, но...

Олений Рог в ответ только простонал и неподвижно вытянулся. Стиснув от боли зубы, он хотел только одного — смерти.

Долго Кремень уговаривал товарища не предаваться отчаянию и убеждал его, что лучше все-таки быть развязанным и хоть немного уменьшить страдания.

— Если мы будем развязаны, то мы можем убежать, когда откроют пещеру! — говорил он.

— Куда мы убежим, избитые и израненные? Я двух шагов не сделаю. Оставь меня в покое, Кремень. Чем больше страданий, тем скорее наступит смерть... Ох, скорее бы, скорее!..

Однако, в конце концов Кремню удалось возбудить энергию в товарище, и они принялись за трудное дело освобождения от резавших их тело ремней. Так как Кремень попал в плен в темноте, то враги не заметили и не сняли с него небольшого мешка.

Большой нож и топор он потерял в борьбе, но в мешке у него было еще несколько небольших ножей и острых раковин. Необходимо было их достать. Но сам он этого сделать не мог, так как мешок оказался прикрепленным к спине, и нужна была помощь товарища. Кремень лег вверх спиной, а Олений Рог начал зубами растягивать ремни и понемногу освобождать мешок. После долгих усилий ему удалось его немного освободить и открыть.

Кремень лег на бок и стал встряхиваться, не обращая внимания на то, что от этого ремни еще глубже впивались в его тело. Встряхивания подействовали, и из мешка на землю высыпались некоторые вещи. Отыскав ощупью кремневый нож, Кремень взял его в зубы, и через минуту руки Оленьего Рога были развязаны, а через несколько мгновений оба приятеля могли расправить затекшие члены.

Освободившись, Кремень первым долгом ощупал руку Оленьего Рога и нашел, что она не сломана, а только вывихнута.

— Я сейчас тебе вправлю ее, потерпи немного.

И он ловкими, привычными руками схватил больную руку и потянул изо всей силы. Связки хрустнули, и кость вскочила на свое место.

Олений Рог, и без того страшно измученный, опять впал в беспамятство; но Кремень был уверен, что он скоро ободрится, и обложил вспухшее плечо товарища мокрой землей, а затем занялся собой и тоже наложил себе комья сырой земли на те места, где чувствовалась боль от ударов ремней.

Под влиянием сырой земли боль стала утихать, кровь двигаться ровнее, и мысли Кремня стали приходить в порядок. По всему, что Кремень видел в этот день, можно было наверное заключить, что им не грозит немедленная опасность: утром едва ли вождь позволит убить их и пошлет, вероятно, своих воинов, по обыкновению, на охоту.

Следовательно, опасность быть убитыми отходила до вечера, когда уставшие охотники будут голодны и злы, особенно, если им попадется мало добычи.

— Времени у нас впереди много, — сказал Кремень Оленьему Рогу, — и мы придумаем что-нибудь, а теперь надо отдохнуть.

Кремень спокойно закрыл глаза и скоро заснул. Олений Рог не замедлил последовать его примеру. Их непосредственные натуры не умели долго волноваться, да и слишком

сильно было утомление. Если бы они даже навверное знали, что утром им предстоит смерть, то и в таком случае все-таки заснули бы.

Надежда не обманула Кремня. Наступившее утро не принесло им никаких перемен. Вождь не позволил их трогать, чем многие, правда, были недовольны, но возражать не смели. Вскоре почти все племя разбрелось в разные стороны, и в лагере осталось человек десять мужчин и несколько женщин, трудившихся над выскабливанием шкур вчерашних коз. Предводитель тоже остался в лагере и, лежа на траве, лениво поглядывал на пещеру

Солнечные лучи, проникнув через щели, позволили Кремню осмотреться. Пещера была довольно большая и высокая. В середине сочился небольшой родник, образовавший лужицу, из которой злополучные пленники с жадностью напились.

Затем Кремень обратил внимание на других пленников, которые неподвижно лежали в одном углу. Глаза их, жадно следившие за свободными движениями Кремня, выражали муку и просьбу.

Их было двое: старый, сильный воин с густой бородой и длинными волосами и стройная молодая девушка.

Несмотря на жалкое положение старика, чувствовалось, что он умел повелевать. В его глазах светился ум, и тонкие ноздри орлиного носа нервно вздрагивали, когда он следил за Кремнем. Иногда по его энергичному лицу пробегала судорога: видимо, ему страстно хотелось быть свободным, но гордость брала верх, и лицо его застывало в неподвижности.

Молодая девушка смотрела совсем измученной. Ремни глубоко впились в ее ноги и руки, и все тело было покрыто багровыми пятнами, как и ее товарища по несчастью. Очевидно, она не легко далась в руки врагов и отчаянно защищалась. Ее русые волосы разметались в беспорядке, глаза с длинными ресницами были закрыты, а из полуоткрытых губ, обнажавших ряд белых зубов, вырывалось судорожное дыхание.

Иногда девушка открывала глаза, взглядывала на старого воина, лежавшего рядом, и снова с тоской смыкала веки, из-под которых катились крупные слезы. Она даже не стонала, но весь ее вид был так несчастен, что у Кремня сжалось сердце. Оно у него было мягкое, не озлобленное; его живо трогали чужие несчастья, и он не мог не сочувствовать пленникам, с которыми его свела судьба. Да и простой расчет должен был заставить его прийти к ним на помощь: вместе легче выйти из затруднительных обстоятельств.

Кремень взял нож, подошел к пленникам и быстро перерезал ремни на девушке, а затем на старике и стал прикладывать мокрую землю к ссадинам и подтекам. Старый воин с недоумением смотрел на него, но на его ласковые слова ничего не отвечал. Он, видимо, его не понимал. Девушку Кремень напоил, а старик подполз сам к воде и потом, по примеру Кремня, стал прикладывать землю к ранам.

Кремень был вознагражден за свои старания восторженным и благодарным взглядом девушки и приветливо ей улыбнулся. Когда оба они совершенно пришли в себя, то стали объясняться жестами, но все-таки понимали друг друга с трудом. Старый воин все показывал на выход из пещеры, видимо, советуя пробиться сквозь толпу врагов; но Кремень отрицательно покачивал головой, указывая на раны, синяки и едва двигавшуюся девушку.

Кремень жестом приказал всем лежать смирно, а сам сел, обхватив руками колени, и глубоко задумался. Долго он перебирал разные планы. Открытое нападение на многочисленного врага было невозможно. Лучшим являлся способ бежать сначала одному и не к реке, а в сторону, и, отвлекая таким образом врагов, дать возможность остальным бежать прямо к реке. Но это был все-таки очень рискованный план.

Наконец лицо Кремня просветлело, и его озарила радостная улыбка.

— Спасены, спасены! — радостно воскликнул он. — Я нашел выход.

— Какой? — оживленно спросил Олений Рог. Остальные тоже обратились к Кремню и хоть не понимали, но с надеждой смотрели на него.

— Великий Дух, — торжественно сказал Кремень, — дал нам знание и дал нам огонь. Он нам поможет, и мы свободно выйдем из этой пещеры и вернемся домой. Слушайтесь меня и делайте все, что я вам велю!

Его повелительный жест был понятен, и все склонили головы. По приказу Кремня, пленники стали делать, что он велел, хотя никто не понимал, какое это отношение имело к их спасению. Кремень велел всем вымыть водой как можно чище лицо и грудь, и все повиновались не рассуждая.

Когда все вымылись, Кремень вынул из своего мешка свертки с цветной глиной и приготовил несколько растворов — красный, желтый и белый и затем достал кусок коры с изображением мамонта. Олений Рог с любопытством смотрел на рисунок, а незнакомые пленники, увидев его, в ужасе шархнулись в сторону.

— Видишь, — смеясь, сказал Кремень, — это нас спасет, как спасло меня вчера.

— Это ты? ты? — с недоверием произнес Олений Рог.

— Да, это я! Я добился наконец, чего давно желал, и это нас спасет, увидишь! Подставь свою грудь.

Положив перед собой кору с рисунком, Кремень взял небольшую щепку и, обмакивая ее в красную краску, стал уверенно изображать на груди своего приятеля голову мамонта. Работа шла быстро и успешно. Олений Рог радовался, как ребенок, но другие пленники были поражены и испуганы совершившимся перед ними чудом и, когда дошла очередь до них, бросились на колени, умоляя их не трогать.

Однако, веселая улыбка Кремня и Оленьего Рога их ободрила, и они подчинились. На Кремня napало вдохновение, и он с восторгом мазал своей щепкой, особенно на широкой груди старого воина. Скоро все разукрасились изображениями, но Кремню этого было недостаточно: он раскрасил всем лица полосами разного цвета, обвел глаза крас-

ными кругами. Затем, велев им выбелить руки и ноги и привести в порядок шкуры, он занялся собственным туалетом. Вместо того, чтобы рисовать на груди, что было самому неудобно, он прикрепил к ней ремнями кусок коры с изображением мамонта, предварительно раскрасив его, чтобы было заметнее издали. Лицо свое Кремень расписал особенно тщательно. Руки и ноги он не только покрыл мелом, но даже раскрасил узорами. В свои густые волосы, смазанные глиной и собранные на затылке, он воткнул длинную щепку, а на плечи набросил плащ, изнанку которого вымазал желтой глиной.

Пленники совершенно преобразились и с удивлением рассматривали друг друга. Старый воин, взяв девушку за руку, подошел вдруг к Кременю, опустился перед ним на землю и, в знак покорности и преклонения перед ним, обнял его колени.

Однако Кременю было не до церемоний, и он занялся главным: для его плана необходимо было, чтобы в лагере было поменьше народа, и, кроме, того, следовало добыть огонь, чтобы окончательно поразить людоедов.

В приготовлениях прошло довольно много времени, а было, между тем, уже за полдень. Лагерь был спокоен, но народу прибавилось — вернулось довольно много охотников.

— Сейчас зажжем огонь и выйдем отсюда! — сказал Кремень.

Подходящие материалы нашлись в пещере, и Кремень стал вертеть палочку в щели сухого полена.

Наконец вспыхнул огонек, вспыхнули щепки и поленья, и синий дымок потянулся в щели пещеры.

Лагерь пришел в смятение: дым, показавшийся из пещеры, был непонятен дикарям, и они с ужасом смотрели на его клубы, расплывавшиеся в воздухе.

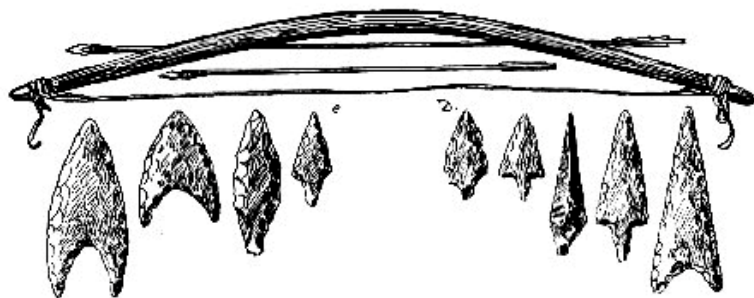
Вдруг раздался треск, подпорки рухнули, и камень, закрывавший пещеру, под напором четырех человек повернулся и с гулом покатился вниз. Среди клубов дыма появился Кремень и его спутники, страшные, пестрые, в развевающихся шкурах, с горящими головнями в руках. Изображе-

ния мамонтов, точно живые, обрисовывались на их мускулистых телах при полном солнечном свете.

— Го-о! — как труба, грянул боевую песнь своего племени Кремень, и его звучный голос отдался в скалах на другом берегу.

Результат получился самый решительный: ошалевшие от неожиданности дикари, объятые ужасом перед непонятным явлением, бросились врассыпную кто куда, побросав оружие, утварь и шкуры. Через несколько мгновений на месте оживленного лагеря не было ни души, и пленники были свободны.

Кремень быстро двинулся по направлению к родной пещере, так что путники едва поспевали за ним. Конечно, было бы благоразумнее переправиться на другой берег, но Кремень хотел сохранить насколько возможно долее настоящий вид, чтобы в случае встречи с новой партией врагов не иметь новых неприятностей. При переправе же краски от воды могут слезть и все труды пропасть даром. Он оказался прав: несколько человек, встретившихся на их пути, бежали в таком же страхе, в каком бежало все племя.

ГЛАВА VII

Перемены в племени. — Стремления к красоте.
— Тоска старого вождя. — Кремень и Заря. — Благословение
старого вождя.

Кремень был очень доволен. С каждым днем он все сильнее убеждался в том, какая сила и значение заключались в его умении изображать разные предметы. По его примеру и под его руководством многие из его соплеменников тоже начали украшать оружие и свою утварь рисунками. Многие приходили к Кремню с просьбой показать, как делать тот или другой узор, многие сами старались изобразить что-нибудь по своему, и, хотя не всегда из этого выходило что-нибудь толковое, однако и неудачные попытки радовали наивных дикарей.

Раньше шкуры сшивались кое-как, лишь бы было крепко, а теперь дикари перестали этим довольствоваться и стремились сшивать шкуры аккуратно и главное — красиво, делая правильные стежки на равных расстояниях друг от друга; иногда стежки перекрещивались, и таким образом получался красивый узор.

Сердце Кремня радовалось, когда он видел, что его племя увлекается работой, которая для молодого художника была главным делом в жизни; он видел, что эта работа не только увлекала всех, но действовала на людей умиротворяюще.

И в самом деле: раньше, ведя совершенно дикую жизнь, его соплеменники, при обилии дичи, имели много свободного времени, которое не знали, куда девать, и от скуки заводили ссоры и брань, доходившие часто до драк, нередко кончавшихся убийством. Насколько было возможно, Клык поддерживал порядок, но ему это не всегда удавалось, особенно зимой, когда все племя, скучившись в тесных пещерах, скучало и не знало, к чему приложить свои силы. При таких условиях достаточно было малейшего повода, чтобы началась ссора из-за каких-нибудь пустяков.

Вот в этом-то искусство Кремня и оказало громадную помощь, и Клык очень ценил влияние своего юного приятеля, внесшего мир в беспокойную толпу пещерных жителей. Искусство Кремня объединило всех, дало им общие интересы, которых не было раньше, и соединило всех в общей работе. Какой-нибудь удачный рисунок, красивый камень и тому подобное заставляли дикарей говорить о них по целым дням. Воины, не обращавшие раньше никакого внимания на окружавшее их, стали под влиянием Кремня многим интересоваться. Раньше была одна только забота: побольше набить дичи, наестся и завалиться спать; теперь же у каждого явилось желание выделиться чем-нибудь, покрасоваться и похвастаться перед соплеменниками украшенным топором, ожерельем, красиво сшитым плащом, необыкновенной прической с воткнутыми в нее пестрыми перьями и т. п., и ради этого каждый напрягал все усилия и пускал в дело все свои знания. Вместо прежних ссор воины по целым дням сидели над тем или другим предметом домашнего обихода, старательно выпарапывая узоры и заглядывая на работы товарищей, чтобы заимствовать более или менее удачную выдумку.

Воины, знавшие раньше только волнения охоты, битвы, испытывавшие лишь телесные потребности, прониклись чем-то новым, каким-то глубоким, непонятным чувством, волновавшим дикие и наивные сердца. Глаза начали замечать красоту природы, и равнодушие или страх перед разными явлениями сменились тихим волнением, таким захватывающим, что иной воин, всецело отдавшись мечтам,

забывал об охоте, войне и других, бывших раньше важными для него вещах.

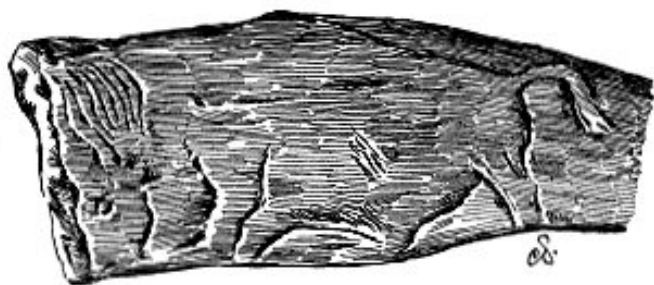
Племя за несколько последних лет сильно изменилось: новые чувства, загоревшиеся в сердцах дикарей, сплотили их в более тесную семью, подняли их над прежним низким уровнем и пробудили чувства любви, милосердия и добра, раньше смутно бродившие в их темных душах. Умы развивались, души начинали стремиться к чему-то более возвышенному и чаще и чаще обращались к неведомому, всемогущему Великому Духу, воля которого видимо проникала все окружающее.

— Все это, все, что кругом нас, — говорил часто Кремнь, — создано Великим Духом. Он дал нам жизнь, он же и берет ее от нас, когда ему нужны слуги; он вырастил леса, заставил течь реки и нагнал стада быков, оленей, мамонтов и стаи птиц; он сделал человека умнее всех, и, если мы умеем охотиться, умеем устраивать себе дома, делать одежду, горшки, оружие, украшать свои вещи узорами, то за все это должны благодарить Великого Духа, зажигать в его честь костры и, главное, жить дружно, без ссор и брани, должны помогать друг другу, потому что иначе мы все погибнем. Великий Дух дал нам ум и сердце, дал нам возможность изображать предметы, которые находятся около нас, дал нам слова, которыми мы объясняемся друг с другом.

Простые и правдивые слова Кремня западали в души суровых воинов, и они начали смотреть на мир более широко; во всем они стали видеть высшую волю и чувствовать, что эта воля связывает их теснее и крепче.

Прежде воины не обращали никакого внимания на то, где им приходилось жить, и часто по целым неделям пропадали на охоте, ночуя то в лесах, то в пещерах, довольствуясь всяким помещением и возвращаясь в главную пещеру только ради безопасности; теперь же они сильно изменились: ночевали в других пещерах только в крайности и стремились поскорее домой, где их ждали большие удобства. Воину уже недостаточно стало иметь только кров от дождя, — сердце его стремилось к родному уголку, украшенному заботливыми руками его жены и его самого; у него уже

явилась потребность видеть вокруг себя исправное хозяйство, украшенную посуду, приласкать своих чумазых и быстрогоглазых ребятишек и мирно побеседовать о том, о сем с приятелями и соседями и заняться какой-нибудь мирной работой у семейного огонька. Под влиянием всего этого дикий воин и охотник понемногу обращался в домовитого, покойного и мирного семьянина, которому чаще хотелось смеяться, петь, плясать, смотреть на работы соседей, чем браниться и ссориться.

— Великий Дух доволен нами! — говорил часто Клык.

Племя жило хорошо, без тревог. Связанное общими чувствами, оно не теряло связи с теми группами, которые отделялись от главного племени вследствие тесноты и поселились отдельно. Отделившиеся часто навешали оставшихся соплеменников и сами их принимали, угощая и усаживая на лучшие места около костров. Многие обменивались оружием и украшениями, многие приходили и просили Кремня и других искусных мастеров сделать им те или дру-

гие украшения и за это доставляли дичь, олени рога, хорошие кремни и другие ценные вещи.

Таким образом завязались между отдельными группами торговые сношения, сначала небольшие, но расширявшиеся все больше и больше, так как вожди чужих племен также понемногу стали входить в сношения с племенами Клыка и Кремня.

Старик, освобожденный Кремнем из плена, с большим интересом приглядывался к окружающему, но молчал, в первых, потому, что по природе был, очевидно, необщителен, а во-вторых, он слишком мало еще пробыл в пещере, чтобы выучиться новому незнакомому языку; но и он внес свою долю в общее дело, научив Кремня делать луки и стрелы, что тому было раньше неизвестно.

Когда старый воин в первый раз показал лук и его действие, то все пришли в неописуемый восторг и прониклись уважением к старику. На несколько недель все племя забросило свои обычные работы и только и делало, что мастерило луки, стрелы и упражнялось в стрельбе. Это было важное приобретение, значение которого особенно выяснилось, когда приходилось столкнуться с бродячими шайками кочующих дикарей, вооруженных только дубинами. Теперь нечего было бояться отправляться на охоту небольшими партиями, потому что даже большие шайки дикарей бежали врассыпную после нескольких метких выстрелов.

Несмотря на гостеприимство, радушно оказанное девушке и ее отцу, старик видимо томился тоской по родине. Он по целым часам просиживал на остром утесе, вперив взоры вдаль, туда, откуда каждое утро являлось дневное светило, и его могучая грудь порой вздрагивала от подавленных рыданий, и хриплый стон вырывался из груди. Если бы старик знал дорогу к родному племени, он взял бы дочь и немедленно ушел бы. Но, к сожалению, он был схвачен людоедами далеко от дома, и дикари много дней таскали его за собой, так что он никак не мог сообразить, где должен находиться лагерь его племени, и только какое-то чутье подсказывало ему, что это должно быть в стороне восходящего солнца.

Но, даже зная точно направление, он не мог бы решиться двинуться в путь и снова рисковать жизнью не только своей, но и жизнью дочери, которую он любил со всей силой дикого сердца. К тому же он видел, что Заря, — так звали его дочь, — не особенно тоскует по родине и уже сжилась с новым племенем, войдя в его интересы, огорчения и радости.

Молодая девушка, спасенная Кремнем, чувствовала к своему спасителю безграничную преданность, которую и старалась ежеминутно выразить теми или другими услугами. Кремень, в свою очередь, облегчал девушке жизнь в незнакомом племени, защищал ее от нападок ворчливых старух, видевших, что Кремень отдает предпочтение чужестранке перед девушками родного племени. Заря скоро совершенно освоилась с новым положением, выучилась новому языку и стала учить Кремня своему наречию. Много смеха и веселости возбуждали эти уроки в длинные зимние вечера, при свете пылавшего костра.

Обыкновенно Кремень занимался какой-нибудь мелкой работой, а Заря, сидя около, шила плащ или очищала звериные шкуры. Старый вождь сидел обыкновенно молча, изредка бросая взгляды на молодых людей, и думал все свою мучительную думу о своем племени, о сыне, оставшемся там, и других родичах.

Он видел, что близость молодых людей приведет их к браку, и тогда он должен будет оставаться навсегда в чужом племени или уйти на родину один.

Старик не ошибся. Прошла зима, и вновь наступила благоуханная весна; кругом все зазеленело, склоны холмов и лесные поляны покрылись душистым ковром цветов, вереницы уток, гусей, аистов и других перелетных птиц вернулись с далекого юга в насиженные гнезда. Жизнь закипела, и племя, насидевшееся в дымной пещере, вздохнуло свободно и легко под лучами весеннего солнца.

В один из таких теплых вечеров Кремень и Заря сидели над обрывом, под свежим, только что опушившимся темной листвой дубом. Река глухо рокотала далеко под их ногами, пытаясь подмыть отвесные, массивные серые утесы;

широкая даль сливалась с потемневшим небом, и тысячи звезд мерцали в вышине. Далеко, далеко на небе блеснуло небольшое холодное зарево, и через мгновение из-за холмов выглянул узкий серп луны, бросая робкие, слабые лучи и отражаясь в зеркальной поверхности реки. Из ближайшего леса доносились смутные ночные звуки: тяжелые шаги медведя, робкий вой шакалов и унылые возгласы филинов; в воздухе бесшумно реяли летучие мыши.

Глубокое, мирное настроение охватило Кремня; в его сердце ширилось и трепетало чувство благодарности к Великому Духу, создавшему все окружающее. Изредка он бросал взгляды на сидевшую рядом девушку, и чувства глубокой дружбы и симпатии волновали нежное, отзывчивое сердце Кремня.

Заря сидела неподвижно; охватив колени руками, наклонив голову и опустив глаза, она замерла, как статуя.

— Заря! — тихо произнес Кремень. Девушка вздрогнула от неожиданности и с улыбкой взглянула на своего товарища.

— Заря, — взволнованно повторил Кремень, — я один и свободен, у тебя старик-отец, который недолго проживет и, если ты сделаешься моей женой, то я буду защищать тебя от всяких напастей... Согласна?

Девушка вздрогнула, широко открыла глаза, в которых блеснул восторг и обожание, и бросилась к ногам Кремня, и ее губы шептали слова благодарности, любви и уважения:

— Ты спас мне жизнь, я твоя раба. Моя жизнь принадлежит тебе. Моя душа, мое сердце — все твое...

Глубокое волнение охватило Кремня. Казалось ему, что жизнь его наполнилась светом, и он шептал Заре о будущей жизни и совместной работе, о том, как он украсит ее плащи, какие сделает ожерелья...

А серп луны поднялся уже высоко над холмами и немного пересилил ночной мрак; кое-где из темноты стали вырисовываться утесы, озаренные слабыми лучами, а внизу далеко под ногами серебристые струи реки пели свою вечную монотонную песнь...

Утром Кремень и Заря сказали старому вождю о своем решении. Как ни был старик подготовлен к этому, однако новость сильно поразила его, и он, гневно сверкнув глазами, молча отошел и сел на своем любимом месте на обрыве. Кремень и Заря не тревожили его. Томительно шли часы за часами, а старик все сидел неподвижно. Какие мысли теснились в его седой голове? Он переживал свою жизнь и оплакивал бывшее величие. Перед его воображением проходили картины далекого прошлого, вспоминался храбрый и сильный сын, вспоминалось родное племя, жившее на берегу большого озера не в пещерах, а в хижинах, выстроенных из бревен, ему вспоминалось бывшее величие, когда все племя повиновалось ему как один человек, когда власть его была неограниченной и от него зависело, губить или миловать каждого из подчиненных.

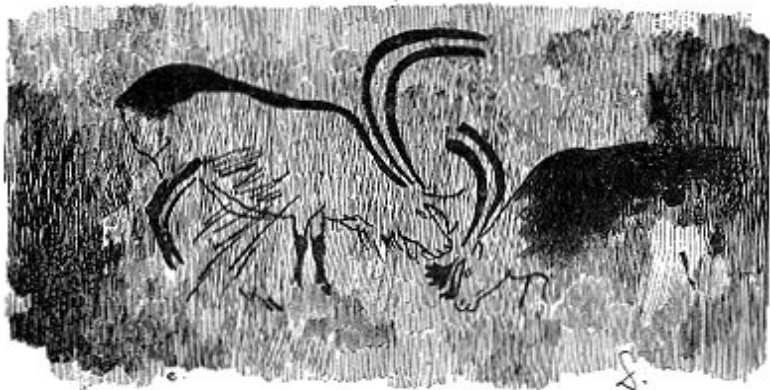
А теперь он не может ничего сказать: его любимую дочь берет чужестранец, и он навсегда должен будет остаться в чужом племени, и после смерти его не возложат, как вождя, на почетный костер и не оплачут всем племенем его смерть. У него мелькала мысль, что, может быть, его сын отыщет его, но эта мысль отлетала как невозможная: прошел почти год со времени плена, и сын, который, конечно, искал его, вероятно, давно уже потерял надежду найти отца и сестру и сделался вождем племени.

Против Кремня старик ничего не имел; напротив, в нем жило глубокое убеждение, что молодой человек сумеет защитить Зарю от всего, но все-таки ему тяжело было сознавать, что дочь будет женой человека из чужого племени.

Долго сидел старик, перебирая в памяти далекое и близкое прошлое, и наконец с глубоким вздохом поднялся и направился к Кремню, который издали следил за старым вождем.

Старик подошел к Кремню и тихо промолвил:

— Возьми, я отдаю Зарю тебе! — И, положив руку на голову Кремня, он долго шептал что-то на своем непонятном наречии: произносил ли он заклинания, призывал ли благословение неба на молодую пару, молился ли, — Кремень не мог понять и стоял все время не шелохнувшись, пока старик шептал над его наклоненной головой.

ГЛАВА VIII

Переселение. — Счастье Кремня. — Странные мечты. — Неудачи.
— Заря мечтает о родине. — Тревога. — Рассказ Оленьего Рога.

Для Кремня и Зари началась новая жизнь, полная новых интересов. Оба они, веселые, как птицы, деятельно принялись за устройство своего собственного гнезда.

— Поселимся отдельно, Заря, — предложил Кремень, — здесь очень много народу, шумно, бывают ссоры. Перейдем жить в ту небольшую пещеру, которую я тебе показывал; там было прежде орлиное гнездо, а теперь ничего нет, и мы хорошо устроимся.

— Я на все согласна, Кремень! Приказывай, и я буду работать и делать все, что ты велишь.

— Мы будем работать вместе, и мы сделаем себе хороший дом.

Молодые люди весело отправились осматривать свое будущее жилище. Это была небольшая пещера, затерявшаяся среди громадных утесов; едва заметное отверстие находилось довольно высоко, но Кремень и Заря, приставив сучковатое бревно, легко и быстро долезли до него. Отверстие было так узко, что они едва пролезли; зато внутренность вполне отвечала их требованиям: пещера была

выше человеческого роста и шагов десять в поперечнике.

Кремень немедленно начал расширять входное отверстие, а Заря принялась очищать внутренность от сора, пыли, щепок и веток, натасканных орлами для своего гнезда.

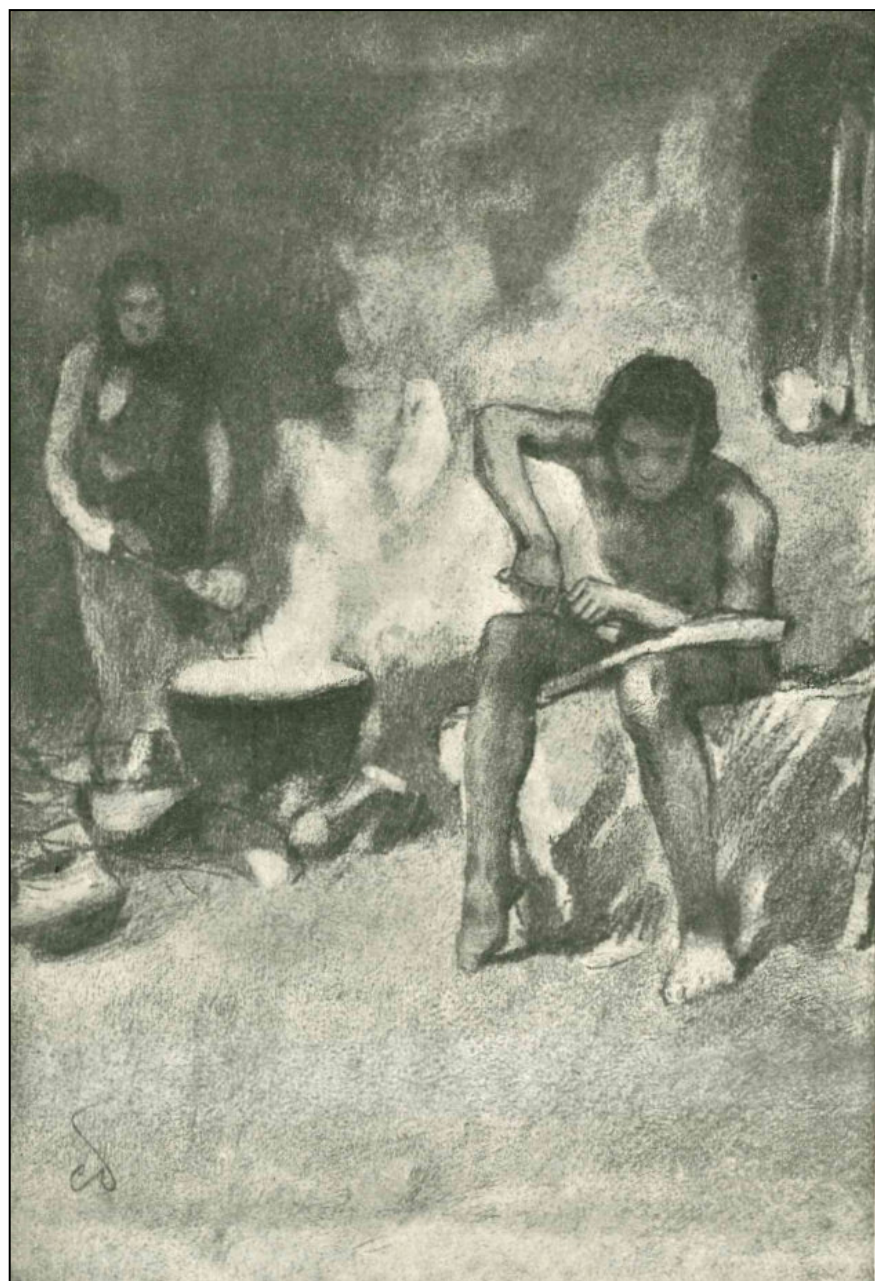
В несколько дней при помощи кремневого топора Кремень расширил вход, придав ему форму четырехугольника, и для красоты высек вокруг небольшой выступ, который, кроме того, служил предохранителем от дождя. В это же время Заря привела в порядок все внутри, перенесла из общей пещеры несложное свое и своего мужа имущество: шкуры, оружие, глиняную посуду, корзины, и натаскала целую груду хвороста для костра.

Когда в первый раз запылал костер, то восторгу молодых людей не было конца. Пещера смотрела домовито и уютно. Вокруг очага, обложенного камнями, были разостланы шкуры; стены кое-где также были завешены шкурами; в небольшой нише в порядке стояло красиво отделанное оружие Кременя, а в другой впадине хранилась посуда молодой хозяйки и порядочный запас сушеной провизии и корней.

Кремень по-прежнему усердно работал над различными украшениями и очень редко уходил из дома. Охотиться ему уже не было необходимости, так как всегда было много желающих получить то или другое оружие с украшениями, которые делал Кремень, и заказчики расплачивались звериными шкурами и дичью.

Усердно работая, Кремень иногда поднимал голову, окидывал взглядом свою уютную пещеру, и сердце его наполнялось радостью и тихим домовитым чувством. Тихо потрескивал костер под большим горшком, где бурлила вода; весело хлопотала Заря среди своего незатейливого хозяйства или усердно шила, прокалывая костяным острием шкуры и искусно скрепляя их тонкими жилами; занятая работой, она тихо мурлыкала себе под нос какую-то монотонную песенку, которую слышала еще в детстве от матери.

Кремень чувствовал, что достиг всего, чего может пожелать человек: у него свой дом, впереди не предвиделось ни нужды, ни беды, так как племя его было большое и си-

льное и нечего было бояться нападений со стороны. Однако, несмотря на все это, он не был вполне покоен: бывали минуты, когда в его душе возникали какие-то особенные стремления, сердце рвалось куда-то в даль, хотелось сделать что-то сильное, большое, важное, и обычные работы его не удовлетворяли; но он сам не понимал, что с ним такое и, чтобы рассеяться, уходил на охоту, а побродивши несколько часов, возвращался обратно уставшим, но успокоенным.

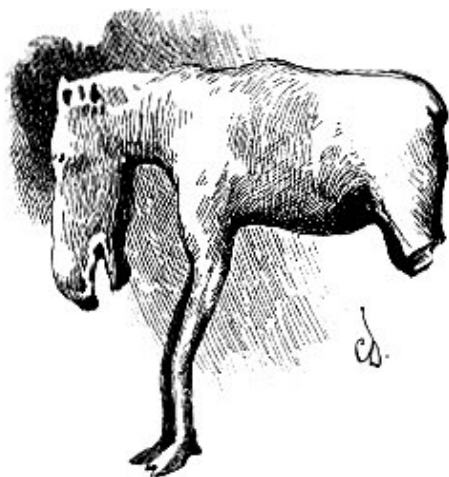
Иногда по ночам ему не спалось, и он, охватив колени руками, сидел неподвижно, глядя в огонь костра. Искры и синие огоньки мелькали перед его усталыми глазами, переплетаясь в пестрые узоры, и он забывался. Он уносился мечтами куда-то в неизвестный край, полный очарования и света. Стены маленькой пещеры раздвигались шире и шире, искры и огоньки разгорались в яркое пламя, и, наконец, все вокруг него точно пропитывалось нестерпимым светом; перед внутренним взором его вставала какая-то могучая, лучезарная фигура, лицо которой горело, как солнце, а голос гремел, как раскаты грома. Сердце Кремня трепетало в восторге и ужасе, и он повергался ниц перед волшебным видением и трепетно шептал слова мольбы и восторга. Он видел Великого Духа, слышал его призывы к чему-то большому и важному. Ему казалось, что он призван совершить что-то великое, и мечты уносили его. Но когда проходили минуты очарования и он, очнувшись от своего полусна, оглядывал свою пещеру, то какое-то неудовлетворенное чувство охватывало его душу, и действительность, как она ни была хороша, казалась бедною в сравнении с тем видением, которое только что было перед его глазами.

Кремень не раз рассказывал Заре о своих видениях, но из рассказов ничего не выходило: не хватало слов, чтобы передать все, что хотело бы передать сердце, и Заря не понимала мужа; да и где же простой дикарке понять странные волнения, которые испытывал молодой художник, когда даже сам он не мог отдать себе отчета в своих чувствах.

Заря слушала мужа с покорностью и проникалась глу-

боким благоговением перед этим удивительным для нее человеком.

Она, между прочим, замечала, что после таких минут Кремень деятельнее начинал работать, и из-под его резца выходили все более и более удивительные рисунки.

И действительно, после таких минут в душе Кремня оставалось желание сделать что-нибудь выдающееся; мозг напрягался, пытаясь возобновить пережитое, воображение начинало работать сильнее, создавая новые образы, которые Кремень спешил выцарапать на мокрой глине или на куске древесной коры. Но, кроме этих, сравнительно редких видений, перед Кремнем восставали картины из родной, знакомой обстановки.

Он невольно стал и думать образами: раньше, например, при слове «охота» у него, как и у других, возникали мысли о дичи, о трудах и опасностях охоты и т. д., теперь же это заменилось картиною самой охоты и точно он ее видел на самом деле: вон бегущий олень с ветвистыми рогами, толпа охотников, вооруженных луками, копьями, топорами и палицами, солнечный свет, заливающий всю эту

картину, холмы, покрытые густым лесом, — все так ясно, отчетливо, точно все это Кремень видел наяву.

Каждая сцена, о которой думал или слышал Кремень, ясно представлялась ему, и зачастую он, под таким ярким и сильным впечатлением, начинал рисовать воображаемую сцену, но удавалось это ему очень редко: пока картина была в голове, она казалась такой ясной и отчетливой, но когда он начинал рисовать ее, то являлись новые трудности, забывались многие мелочи, и, промучившись иногда несколько часов над куском коры, Кремень с досадой бросал его в огонь. Много раз Кремень хотел изобразить, как Клык гонится за оленем, но у него ничего из этого не выходило: оленя еще можно было узнать по рогам и четырем ногам, но охотник не удавался, несмотря на то, что Кремень напрягал все свое воображение. Иногда он пробовал рисовать Зарю, и иногда дело шло лучше: ему не приходилось напрягать память и он просто срисовывал то, что видел; положим, Заря не выходила особенно похожей, но, во всяком случае, всякий видел, что это человеческая фигура, а не что-нибудь иное.

В постоянной работе и в попытках сделать нечто большее, чем Кремень делал до сих пор, время проходило быстро и незаметно. Жизнь всего племени шла обычным порядком. Старый вождь, отец Зари, не захотел поселиться с дочерью и остался в большой пещере со всем племенем и только иногда заходил к дочери, но мало говорил и, посидев немного, снова уходил и не показывался по нескольку дней. Тоска по родине, очевидно, сильно охватила старика, и он сделался совершенно равнодушен ко всему окружающему.

— Отец скучает, — говорила Заря мужу, — он прежде был веселый и живой; у него было много дела, так как наше племя очень большое, и все слушались его. Он был из-

вестный, большой вождь, — другие вожди приходили к нему и подчинялись ему.

— Ты говорила, что вы жили около озера?

— Да, около очень большого озера. Только у нас нет пещер, нет гор и скал, и наше племя живет не в пещерах, а в хижинах, построенных из толстых бревен и покрытых крышами.

— Хотелось бы мне посмотреть ваши жилища, — сказал Кремень.

— Да, и мне хотелось бы еще хоть раз посмотреть. Там я родилась и выросла, там мой брат, подруги и родственники! — Заря грустно замолчала... — По вечерам, — вдруг оживившись, опять заговорила она, — в каждой хижине горит огонь, и дым поднимается над крышами... Озеро тихое-тихое, а кругом лес, темный и страшный... Хорошо там!

— Ну, погоди, — сказал Кремень, — мы еще с тобой молоды и успеем побывать там когда-нибудь. Ты говорила, что твое племя доброе и ссор у вас мало?

— О, да, — живо подтвердила Заря, — у нас ссор мало, все живут дружно и воюют только с врагами, которые иногда заходят к нам, пытаясь ограбить; но наше племя сильное и прогоняет их.

— Надо будет уговорить Клыка, — сказал Кремень после некоторого раздумья, — отправить отряд молодых воинов в вашу страну: пусть наши племена будут дружны. Мы будем помогать друг другу, и тогда никакие враги нам не будут страшны.

Глаза Зари радостно загорелись, и она в порыве благодарности бросилась целовать руку Кремня.

Однако, легко было это говорить, но трудно выполнить: ни Заря, ни Кремень не знали, где искать озеро, в какой оно стороне. Старик утверждал, что его племя живет в стороне восходящего солнца, но близко ли, далеко ли, — определить не мог. Да и кроме того, согласится ли Клык дать до-

статочный отряд, с которым можно было бы безопасно пройти по неизвестной стране, полной бродячих шаек диких людоедов?

Много раз Кремень и Заря мечтали об этом путешествии, но дальше мечтаний не шли. Клык наотрез отказался дать отряд, считая совершенно бесполезным отыскивать неизвестное племя да еще неизвестно в какой стороне.

Клык чувствовал себя сильным и могучим вождем, и ему совсем не хотелось делить власть с кем-либо другим, а это может случиться, если в чужом племени найдется энергичный вождь, который и переманит на свою сторону большинство воинов.

Конечно, Кремень, если бы захотел, мог бы подговорить молодых товарищей, которые не послушались бы Клыка и пошли бы за Кремнем; но Кремень был привязан к Клыку, и ему не хотелось огорчать вождя неповиновением.

Так дело и остановилось. Кремень не говорил старику о своих переговорах с Клыком, чтобы не возбуждать излишних надежд, и даже перестал говорить об этом и с Зарей, хотя она и не тосковала по родине, как ее отец. У нее было много работы по хозяйству: надо было засушить и накопить на зиму запас мяса, собирать съедобных кореньев и трав. Все лето ей некогда было скучать: с восхода до заката солнца она хлопотала среди своего несложного хозяйства, и Кремень радовался, видя, с каким удовольствием и веселым видом его молодая хозяйка заботится о нем.

Только по вечерам, когда солнце заходило и наступали сумерки, Заря позволяла себе отдохнуть и посидеть рядом с Кремнем у входа в пещеру.

Однажды они сидели так, лениво перебрасываясь словами. Оба они порядочно устали, так как целый день трудились над пойманным Кремнем громадным быком, переноса и приготавливая впрок мясо. Солнце зашло за зубчатую вершину леса, и сумерки быстро наступали; река сонно катила свои прозрачные струи, в которых ясно отражались скалы; в воздухе начали шнырять ночные птицы и летучие мыши; на западе догорала последняя багровая полоса, и даль все больше и больше задерживалась туманом, под-

нимавшимся от реки. Было тихо и спокойно. Тихий шелест листьев и звон родника, бежавшего недалеко из скалы, нисколько не нарушали спокойствия и придавали всему какое-то очарование.

Кремень и Заря сидели неподвижно, отдавшись неясным мечтам и грезам; перед воображением Кремня проносилась вся его жизнь, целый ряд картин с того времени, как он начал помнить себя.

Вдруг оба они подняли головы: до их слуха донеслись какие-то смутные звуки, и, насторожившись, они разобрали отдельные крики, выделявшиеся из смутного говора толпы. Очевидно, около большой пещеры что-то случилось.

— Туши огонь, — крикнул осторожный Кремень, — а я закрою вход.

Через минуту горевший в пещере огонь был почти потушен, и отверстие пещеры, закрытое шкурой, не пропускало ни одного луча. Человеку, не знакомому с местом, не могло и в голову прийти, что здесь находится жилище.

Осторожный Кремень всегда принимал такие меры при малейшей тревоге, и он был прав: его пещера находилась довольно далеко от главной, и в случае нечаянного нападения он и Заря были бы убиты раньше, чем подроспела бы помощь.

Приняв меры, Кремень отогнул угол шкуры и стал прислушиваться. Шум около пещеры значительно уменьшился и, во всяком случае, не представлял ничего тревожного, и Кремень совершенно успокоился.

— Вероятно, это вернулись наши охотники, — сказал он Заре, — и принесли что-нибудь новое.

— Мне показалось, что кто-то кричал: «Смерть ему! смерть!»

— Может быть, кто-нибудь и кричал! Вероятно, рассказывали об охоте, а, может быть, привели пленника. Теперь конец лета и бродячие племена опять переходят на новые места.

— Ты пойдешь узнать? — спросила Заря.

— Нет, не стоит, — отвечал Кремень. — Опасности нет, и завтра утром узнаем, что это был за шум.

Но узнать удалось скорее, чем думал Кремень: только что Заря развела снова огонь, подбросив сухих сучьев на тлевшие угли, и начала жарить большой кусок мяса на ужин, как снаружи послышались шаги и раздался знакомый голос, звавший Кременя.

— Это ты, Олений Рог? — спросил Кремень, высываясь из пещеры и стараясь разобрать что-нибудь в темноте.

— Я, я! — отвечал тот. — Спусти бревно! Сегодня охотники привели пленника, который чуть не убил Филина, — продолжал Олений Рог, ловко взбираясь по бревну в пещеру.

— Где? Когда? Опять людоед? — забросал вопросами Кремень.

— Недалеко от пещеры, но, кажется, это не людоед; у него белые волосы и хорошее оружие: топор, лук и нож, но по-нашему он не понимает или не хочет говорить, все молчит.

— Как же все это случилось? ведь и ты был на охоте, — при тебе его поймали?

— При мне! Мне тоже досталась небольшая царапина, а бедного Филина он так ударил топором, что я думал, убьет его на месте, но, ничего, у Филина голова оказалась крепкой, и он остался жив, хотя лежит неподвижно и не приходит в себя. Ну и сильный же человек этот пленник: нас было десять человек, и мы едва справились с ним и связали его!

— Садись с нами есть, — пригласил товарища Кремень, — и расскажи все по порядку.

Олений Рог не заставил приглашать себя два раза и, пристроившись поближе к костру, отрезал себе хороший кусок жарившегося мяса и запустил в него крепкие, здоровые зубы. Утолив голод, он рассказал все приключения этого дня.

Охотников было десять человек, и, отправясь вместе из пещеры, они целый день не разлучались, держась недалеко друг от друга. Предводительствовал опытный, старый Филин, и охота была удачная: в выкопанную яму был пойман олень, убит стрелами годовалый зубр и много птиц. Под

вечер, забрав всю добычу, охотники двинулись домой, как вдруг в одном узком овраге Филин увидел притаившегося за кустом незнакомого дикаря, очевидно, застигнутого врасплох и надеявшегося, что охотники пройдут мимо и не заметят его.

Но зоркие глаза Филина увидели его, и он в два прыжка очутился около незнакомого дикаря. Тот, увидев, что больше скрываться нечего, выскочил из-за куста, в свою очередь бросился на противника, нанес ему топором страшный удар по голове и бросился бежать, карабкаясь на почти отвесную скалу. Остальные охотники, побросав дичь и схватив в руки оружие, бросились в погоню. Доберись беглец до края обрыва, — он мог бы убежать, но судьба была против него, и он сорвался с обрыва вместе с кустом, за который было схватился, и свалился прямо на руки своих преследователей.

Девять сильных охотников бросились на него, но он стал страшно отбиваться и руками ногами, раздавая направо и налево удары, вцепляясь зубами в руки врагов. После нескольких минут отчаянной борьбы силач, избитый и израненный, был туго связан ремнями.

— Обозленные товарищи, — продолжал рассказывать Олений Рог, — хотели тут же убить его, но я их удержал, потому что вспомнил, что Клык приказывал приводить пленных, а не убивать их.

— И ты хорошо сделал, Олений Рог! — сказал Кремень. — Что ж из того, что вы убили бы его? Если он достоин смерти, то Клык всегда успеет расправиться с ним. Лучше раньше расспросить пленника, откуда он, большое ли его племя, далеко ли оно. Может быть, пленник случайно попал так близко к нам, а может быть, недалеко находится много врагов, и нам надо принять меры, чтобы они не победили нас.

— Да, ты совершенно прав, Кремень, и я удержал товарищей, хоть им очень хотелось поскорее расправиться с пленником. Мы повесили часть дичи на дерево, сделали носилки, чтобы перенести Филина, а пленнику развязали только ноги и, чтобы он не убежал, мы привязали его рем-

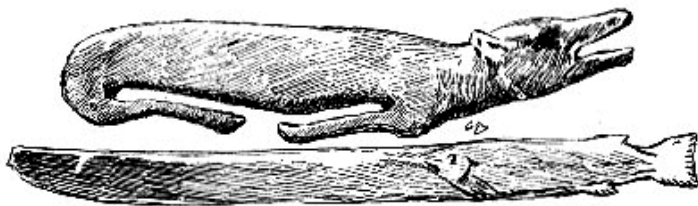
нями за шею, прикрепив другие концы к нашим поясам. Впрочем, он больше не делал попыток избавиться, так как обессилел от борьбы.

— Ну, я очень рад, что все так хорошо окончилось. А что, Клык уже допрашивал пленного?

— Пробовал расспрашивать, но тот упорно молчит, и Клык решил на ночь оставить его в покое и допросить утром. Ты придешь?

— Непременно, а пока возьми вот этот горшок с жиром, сваренным с травами, и намажь голову Филину: это ему поможет.

Олений Рог простился с друзьями, выбрался из пещеры, и скоро его шаги замерли в отдалении. Кремень втащил обратно бревно, завесил отверстие, и вскоре покойный сон охватил обитателей маленькой пещеры.

ГЛАВА IX

Пленник. — Приговор и казнь. — Неожиданное вмешательство.
— Ссора с Клыком. — Думы Кремня. — Уговоры Филина. —
Ярость Филина. — Решение.

Ранним утром Кремень был уже на ногах. Наскоро поев, он надел свой плащ и быстрыми шагами направился к большой пещере, где уже виднелась толпа. Заря хотела прийти немного позже, чтобы тоже посмотреть на пленника.

Кремень нашел всех в сборе на площадке. Не было одного только старика, которого, очевидно, пленник совершенно не интересовал. Клык сидел на большом камне, опершись руками и подбородком на рукоятку своего боевого топора; кругом разместились самые знатные воины, а дальше нестройной толпой стали остальные, а также женщины с детьми и подростки.

— Привести пленного! — громко крикнул Клык, давая рядом с собой место Кремню.

Двое воинов вывели пленника из пещеры и поставили перед Клыком. Это был мужчина высокого роста и, очевидно, громадной силы; его руки, связанные ремнями, иногда вздрагивали, и под этими усилиями растягивались крепкие ремни, впившиеся в тело. Правильные черты лица иногда искажались злобой, и глаза дико сверкали из-под нависших бровей. Спутанные русые волосы окружали голову пленника, как шапкой, и придавали ему еще более угрюмый вид. Все с большим интересом рассматривали фигуру пленного, и, кроме любопытства, в зрителях, очевидно, прогля-

дывало уважение к этому силачу.

— Кто ты? — спросил пленника Клык.

Дикарь повел глазами, но ничего не ответил.

— Откуда ты? Где твоё племя? Зачем ты был так близко от нашего жилища? — задавал вопросы Клык, но пленник, вперив вдаль, по-видимому, равнодушный взгляд, точно не слышал его.

— Пленник! — грозно сказал Клык. — Ты умрешь, если не ответишь мне!

То же молчание и равнодушие.

— Смерть ему! Смерть врагу! — закричала толпа, протирая руки к связанному и потрясая оружием.

При этих криках, смысл которых был, конечно, понятен всякому, пленник окинул толпу злобным взглядом, рванулся изо всех сил, черты его лица исказились от ярости и боли, но сейчас же успокоился, так как увидел, что попытки порвать ремни совершенно бесполезны.

— Воины! — обратился Клык к окружающим, — пленник не хочет говорить или, вернее, не понимает нас, так как он чужого племени. Пленник ранил Филина и потому Филину и принадлежит. Если Филин умрет, то и пленник последует за ним; если же Филин будет жив, то может делать с пленником, что захочет: сделает ли он его своим рабом или убьет, — это его дело, — голова за голову, сердце за сердце, — так установили еще наши отцы и деды.

— Так, так, Клык! — слышались отовсюду голоса.

— Ну так отведите пленного обратно и стерегите его, пока Филин не поправится или не умрет.

Воины опять взяли пленника, чтобы тащить его в пещеру, но в эту минуту сверху раздался голос:

— Филин жив, Филину нужна месть, нужна смерть врага!

В отверстии пещеры стоял очнувшийся Филин, придерживаясь одной рукой за стену, а другой за раненую голову, облепленную запекшеюся кровью. Вид его был страшен, и злобные глаза пылали жадной кровавой мести; если бы он был в силах, он бросился бы на врага и убил бы его немедленно.

— Ты требуешь его смерти? — спросил Клык.
— Да! — отвечал Филин.
— Не хочешь сделать из него раба?
— Мне раб не нужен, мне нужна месть.
— Когда ты хочешь убить его?
— Сейчас.
— Как ты казнишь его?
— Голова за голову, сердце за сердце, — я хочу разбить ему череп и вырвать сердце.
— Да будет по твоему желанию! — сказал Клык и подал знак приготовить все к казни.

Пленника отвели на край площадки, чтобы после казни удобно было сбросить тело в реку; один из воинов принес тяжелую палицу и длинный нож, чтобы Филин мог буквально исполнить свое желание.

Кремень с неудовольствием смотрел на приготовления к казни. Он не любил крови и был мирного нрава, но, конечно, он и не подумал заступиться за пленника: идти против установившихся обычаев племени было нельзя, а Кремень, несмотря на свое влияние среди своих соплеменников, не решился бы идти против Клыка, который не выносил противоречий. Между тем, он давно уже стал замечать, что к старости Клык становился все непреклоннее и свирепее. Прежде бывали случаи, что Клык отпускал пленников и даже с подарками, чтобы завязать мирные сношения с тем или другим племенем, но в последнее время он чаще прибегать к казням, и за этот год раза три уже камень около обрыва обагрался человеческой кровью. Кремень пробовал иногда говорить Клыку о бесполезности этих убийств, но вождь резко обрывал его и не позволял возражать.

На этот раз, впрочем, за Клыка были все обычаи племени: пленник сильно ранил воина, и в силу этого власть над жизнью пленного переходила к оскорбленному.

Воины, сторожившие чужестранца, заставили его стать на колени, что тот беспрекословно исполнил, так как видел, что спасения ему не было; только из его груди вырвался хриплый звук; было ли то прощание с жизнью или

крик злобы, бессильного отчаяния или мольбы, — никто не знал, да и не интересовался знать: пленник должен умереть, и он умрет назначенной ему смертью от руки Филина.

Филин с трудом спустился на площадку, подошел к стоявшему на коленях, взял в руки тяжелую палицу и с проклятием поднял над головой пленного; на мгновение палица повисла в воздухе, затем дрогнула, и сухой звук удара дубины по черепу раздался на площадке.

Но Филин ослабел, и удар оказался слабым; крепкая голова выдержала удар и осталась цела, но пленник все-таки упал ничком и зарычал от бешенства и боли; два воина снова подняли несчастного и придерживали его за плечи, чтобы он вторично не упал.

Филин, раздосадованный неудачей, собрал все свои силы и снова взмахнул палицей, но не успел еще опустить ее, как резкий, отчаянный крик пронесся на площадке, и какая-то женская фигура пронеслась мимо ошеломленных зрителей, оттолкнула Филина так, что он отлетел на пять шагов и без чувств покатился на траву, и с криком: «Брат! брат!» охватила пленника руками.

— Заря! — в ужасе воскликнул Кремень, узнав свою жену.

— Прочь женщину! — загремел Клык, взбешенный тем, что женщина вмешалась не в свое дело, — сбросить ее в реку!

Но в ту же минуту Кремень одним прыжком очутился между Зарей и воинами, хотевшими исполнить приказ вождя.

— Стойте, или я вас перебью! — крикнул он, размахивая топором, — Олений Рог, друзья! На помощь!

Человек пятнадцать товарищей Кремня, давно недовольных деспотизмом Клыка, бросились на помощь и окружили кольцом своего любимого товарища, грозно размахивая оружием. Клык сделал было знак напасть на горсть храбрецов, но большинство его приверженцев остановилось в нерешительности, потому что не уяснили себе, что такое произошло.

Между тем, Кремень наскоро обратился к Заре, которая по-прежнему судорожно обнимала пленника.

— Заря, что ты сделала! Как ты осмелилась вмешаться?

— О, Кремень, — взволнованно ответила она, — ведь это мой брат, брат... Он, должно быть, искал меня и отца и потому попал в руки твоего племени... Кремень, спаси его, спаси, и я выдержу какое угодно наказание... я умру, если надо, только спаси его! — и она с рыданием обхватила колени Кремня.

— Хорошо, — сказал Кремень, — я сделаю все, что можно, и спасу твоего брата.

Между тем, Клык, взбешенный всем происшедшим, уговаривал ближайших воинов броситься на возмущившихся и перебить их до последнего.

— Клык! — раздался вдруг звучный голос Кремня. — Выслушай! За что ты хочешь напасть на нас? Что мы тебе сделали?

— Ты защищаешь женщину, — яростно произнес Клык, — которую я велел убить.

— Эта женщина — моя жена. И что она сделала? За такие проступки разве казнят? За это мы бьем женщин, но не убиваем, и Заря будет наказана. Разве ты казнил свою жену за то, что она во время казни, бывшей весной, освободила и дала бежать пленнику?..

— То был подросток...

— Подросток, но все же пленник, и он был приговорен тобой так же к смерти, и жена твоя вмешалась не в женское дело, — отчего же ты не велел сбросить ее с обрыва?

Клык почувствовал справедливость слов Кремня, но это только усилило в нем ярость.

— Твоя жена убила Филина! — попробовал увернуться Клык.

— Филин не убит и через несколько дней оправится.

Клык испустил дикое рычание.

— Воины! — обратился Кремень к толпе. — Что сделала моя жена? Она задержала казнь пленника, но задержала потому, что в этом пленнике она узнала своего брата, а разве

наши обычаи не говорят, что для спасения отца и брата мы должны даже отдать жизнь?

Ропот одобрения пробежал в толпе, а Клык только злобно повел глазами.

— Брат моей жены попался к нам потому, что он искал своего отца и сестру; он не отвечал потому, что не умеет говорить нашим языком; он не хотел нам зла, и его племя, я знаю, мирное и дружелюбное...

— Пленник все-таки принадлежит Филину, — сказал Клык, — и будет им убит.

— Это дело Филина! — ответил Кремень. — Филин ранен пленником, Филину моя жена нанесла оскорбление, и потому с Филином я сам буду иметь дело: я предложу ему выкуп за пленника и оскорбление, и не думаю, чтобы он отказался от моего боевого топора, который он давно уже хотел иметь. Клык, не настаивай на смерти пленника. Ты раньше был справедлив, — не делай несправедливости теперь, а я по-прежнему буду почитать тебя, как отца. Да и что тебе в смерти этого пленника? Ведь это не касается всего племени, а личное дело Филина.

Клык, озлобленный до последней степени, понимая, что правда на стороне Кремня, плюнул и ушел в пещеру.

Кремень хотел было развязать брата Зари, но не решился на это, чтобы не возбудить против себя всех соплеменников. Надо ждать, пока очнется Филин, и тогда переговорить с ним. Кремень был уверен, что ему нетрудно будет выкупить пленника, так как он знал жадность старого воина.

Между тем, толпа стала расходиться, и осталось только несколько любопытных и товарищей Кремня. Пленника и Филина внесли в пещеру, где Филина осторожно положили на шкуры, а пленника отвели в самый дальний угол пещеры.

Кремень отыскал старого вождя, сидевшего по обыкновению совершенно безучастно в одном из разветвлений пещеры и не обращавшего никакого внимания на шум, происходивший на площадке.

— Вождь, — тихо позвал его Кремень и тронул за плечо.

— А! Кремень, это ты? — очнулся старик.
— Очнись, вождь, ты мне нужен.
— Говори!
— Был у тебя сын, кроме дочери?
— О, да, был, был сильный, большой, хороший сын. Он, верно, до сих пор ищет меня и сестру...
— Он нашел их, вождь! — осторожно произнес Кремень.
— Как нашел? Где мой сын? Ты видел его, Кремень? Говори, говори скорее...

Кремень в коротких словах передал все случившееся, и старый вождь, дрожа от горя и нетерпения, бросился в ту часть пещеры, где лежал его сын, и наклонился над неподвижным телом: перенесенные волнения и мучения и под конец неожиданно блеснувшая надежда на освобождение сломили мужественное сердце и надорвали силы молодого воина.

Старик с отчаянием сидел около сына. Заря прильнула к отцу и шептала ему о том, что Кремень спасет брата, который знает дорогу к озеру, и тогда они уйдут домой, в родное селение. Старый воин понемногу оживал от этой надежды и боялся только, выживет ли от перенесенных волнений его мужественный, храбрый сын, которому он не смел даже ослабить ремней, врезавшихся до крови в тело.

Кремень, между тем, сидел около Филина, примачивая ему голову водой и с нетерпением ждал, когда тот очнется, чтобы переговорить с ним о выкупе.

Так прошло несколько томительных часов. Клык куда-то исчез, — вероятно, ушел на охоту. Кремень сидел и думал глубокую думу. После утреннего столкновения с Клыком дела едва ли поправятся. Кремень давно уже заметил, что, несмотря на внешнее дружелюбие, Клыка сжигала зависть: он со злобой и боязнью смотрел на возмужавшее уважение племени к молодому художнику и его влияние. Эта зависть заставляла Клыка поступать часто наперекор благоразумным советам Кремня, и не раз Клык из-за этого терпел неудачи в разных предприятиях. Это все больше и больше озлобляло его, и он стал нетерпелив, требователен, несправедлив и возбудил против себя многих из соплемен-

ников, особенно молодых: им надоел гнет вождя, и они не прочь были бы избавиться <от него>, если бы подвернулся удобный случай.

Благодаря таким причинам, Кремню и удалось в это утро склонить на свою сторону большинство и одержать победу над Клыком, но он чувствовал, что это была первая, но и последняя победа, которой Клык ему ни за что не простит и так или иначе когда-нибудь отомстит.

«Надо уйти и оставить свое племя! — думал Кремень. — Выкуплю пленника, возьму жену и старого вождя, позову с собой тех товарищей, которые согласятся следовать с нами на новые места, и мы уйдем на большое озеро. Брат Зари укажет дорогу, и если нас будет много, то нам нечего бояться по дороге опасностей. Только бы выкупить пленника!»

Мучительные думы теснились в голове Кремня. Он решился уйти, но все-таки ему было жаль родных мест, жаль покидать племя, на которое он не мог пожаловаться.

Ему жаль и большой пещеры, где умерли его отец и мать и дед, где он сам прожил столько счастливых лет под руководством серьезного и энергичного Клыка; ему, как это ни странно, было даже жаль Клыка, к которому он, несмотря на все свое недовольство, чувствовал какую-то родственную привязанность.

Но особенно было ему жаль расставаться с своей небольшой пещерой, где он так уютно устроился с Зарей, думая прожить там всю жизнь в тишине и спокойствии; жаль начатых работ, шкур, запасов, утвари, большую часть которых придется бросить, жаль тех мест, где впервые у него явилось желание изображать узоры из камней, потом на песке, на глине, коре и, наконец, на дереве, кости и камне. Сколько волнений он пережил в течение многих-многих лет, сколько он сделал и мог бы еще сделать! Кто знает, что ждет его впереди, среди чуждого племени, с иными обычаями, языком и нравами? Заря хвалит свое племя, старый вождь тоже, но кто же не хвалит своего? Положим, Кремень явится туда не совсем посторонним: через жену он вступил в родство с вождем; спасши жизнь сыну последнего, он при-

обретет благодарность не только новых родственников, но и всего племени, живущего на большом озере.

Много дум проносилось в голове Кременя, пока он сидел около Филина, ожидая, когда тот наконец придет в себя.

Солнце поднялось почти до полдня, когда Филин слегка пошевелился и простонал. Кремень дал ему пить, и Филин с благодарностью прильнул засохшими губами к краю горшка с холодной водой. Он не знал еще, какое близкое участие принимал Кремень в утренних событиях, и Кремень не спешил разъяснить ему это, надеясь, что так будет лучше вести переговоры.

— Как ты себя чувствуешь, Филин? — спросил Кремень.

— Плохо, Кремень, плохо, но это ничего: я отомщу за себя, и как только руки мои в состоянии будут поднять топор, я размозжу голову своему врагу! Где он?

— Не бойся, он не убежит...

— Связан?

— Крепко, ремнями.

Филин улыбнулся жестокой улыбкой, но вдруг подскочил, как ужаленный: он вспомнил сцену казни и вспомнил, что какая-то женщина толкнула его и этим не позволила ему кончить начатое. Злоба исказила и без того дикое лицо Филина, и он, задыхаясь, обратился к Кременю:

— Кто толкнул меня, Кремень?.. Кто осмелился? Какая женщина?.. О, я ей за это перережу горло и из живой выпущу всю кровь!.. Я истолку ее, как песок!.. я!.. я... — и, задыхаясь в бессильной ярости, Филин снова повалился на свои шкуры.

Кремень молчал. «Не отложить ли объяснение, — думалось ему, — на некоторое время? Но нет, время не терпит! Если, будучи еще таким слабым, Филин полон злобы, то, оправившись, он обратится окончательно в дикого зверя и убьет пленника тут же в пещере!»

— Филин, — решительно сказал Кремень, — ты непременно хочешь убить пленника?

— Убью! — сквозь зубы прорычал Филин.

— Зачем? Чем поможет тебе его смерть?

Филин только сверкнул глазами, но ничего не сказал.

— Ты знаешь мой боевой топор, у которого на рукоятке голова мамонта? — сказал Кремень, немного помолчав.

— Знаю, — хороший топор...

— Я отдам его тебе, хочешь?

— О, Кремень! — с восторгом произнес Филин, — хороший топор, очень хороший, и он будет мой? да?..

— Твой, твой, и я еще прибавлю к нему свой красный плащ...

— О!..

— Но ты за это должен для меня тоже сделать.

— Что сделать, говори, Кремень! Все, что хочешь! Всю зиму я буду носить тебе дичь и шкуры, и рога и кости; я сам не буду есть, но тебе все принесу!

— Нет, мне этого не надо, я у тебя потребую гораздо меньше и такое, что ты можешь сделать сейчас.

— Что же тебе надо?

— Филин, я отдал тебе топор и плащ, а ты, ты... отдай мне пленника...

— Пленника? — закричал не своим голосом Филин, — пленника, которого я должен убить, который ранил меня, из-за которого меня толкнула женщина?.. Никогда!. Нет, скорее я умру, но его не отдам! Я вырву из него сердце, и мое сердце успокоится!!.

— А ведь такого топора, какой я тебе даю, ни у кого нет и не будет. Это лучший топор из всех, какие есть! Великий Дух помогал мне, когда я делал его; каждый удар его попадает туда, куда метит. У Клыка хороший топор, но у тебя будет еще лучше! А плащ, — где ты видел такой плащ? Легкий, теплый, весь сшитый самыми тонкими жилами, весь внутри красный и с разными узорами, и он будет твой... Хочешь еще мой большой нож?

Глаза Филина заблестали жадностью, но снова через мгновение потухли.

— Я убью пленника! — глухо сказал он.

— Что тебе в его смерти? Одна минута удовольствия, а затем у тебя ничего не будет! Если же ты отдашь его мне, то у тебя будут такие вещи, каких ни у кого нет. Помнишь,

как вождь племени, которое проходило здесь весной, давал мне за один только топор десять рабов, и я не отдал. Теперь отдаю за одного, только за одного, и еще прибавляю тебе плащ и нож! Соглашайся, Филин! У тебя будет лучшее оружие во всем племени, и все воины и сам Клык будут тебе завидовать.

— Я убью его, убью! — упорно стоял на своем Филин.

— Если бы этот пленник принадлежал Клыку, то он, не задумываясь, сейчас же отдал бы его мне за один только топор, а у тебя будут еще нож и плащ, и когда кто спросит, у кого лучше оружие, то все скажут: «У храброго воина Филина, который выгодно обменял его на одного, только одного пленника!» И все потом скажут: «Филин не только храбрый воин, но и мудрый человек, который может быть даже вождем большого племени!» Вот что будут говорить все воины, окружающие тебя!

Филин начинал колебаться, а Кремень усилил доводы, описывая подробно предметы, которые пойдут в обмен на пленника. Вдруг какая-то новая мысль мелькнула в голове Филина, и он внезапно спросил:

— А зачем тебе пленник? Зачем ты просишь его у меня и хочешь отдать за него свои лучшие вещи?

— Слушай, Филин, я тебе скажу правду: я хочу получить пленника, потому что не люблю крови и казней. Когда идешь в бой, то убивай, но убивать связанного недостойно храброго воина, такого, как ты!

— Но ты не выкупал прежних пленных, которых убил Клык, — зачем же тебе нужен этот пленник?

— Хорошо, я тебе все скажу: он нужен мне потому, что это брат моей жены и сын старика-вождя, которого я спас от смерти...

— А, так это брат твоей жены? А, так это она бросилась на меня? Она?.. Я вас всех, всех убью, у всех вырву сердца! И ты смел ко мне прийти, ты осмелился предлагать свой топор за жизнь пленника, когда твоя жизнь и жизнь твоей жены принадлежат мне!..

Филин заревел, как раненый бык, схватил дубину, лежавшую около, и с пеной у рта бросился на Кременя, но тот

ловким прыжком избегнул страшного удара, который угодил в стену. Удар был так силен, что дубина треснула во всю длину, но это было последнее усилие Филина: его больная голова не выдержала напряжения, и он в судорогах и с пеной на губах упал на землю и опять впал в беспамятство.

Кремень бросился к Заре и старику и наскоро сообщил им о происшедшем.

— Что же нам делать? Что делать? — в отчаянии воскликнула она, ломая руки.

— Надо спасти твоего брата и бежать в эту же ночь, чтобы к утру быть далеко от пещер, — сказал энергично Кремень.

Вместе с решением к нему вернулись обычные хладнокровие и спокойствие.

— Вождь, — сказал Кремень, — ты оставайся здесь и защищи, если нужно, сына, хотя я не думаю, чтобы Филин очнулся и сделал что-нибудь, а остальным нет никакого дела до пленника и до Филина. Ночью, может быть, удастся спасти его и убежать. А ты, Заря, иди в нашу пещеру и собирай все в дорогу. Бери только необходимое, а остальное брось, пусть пропадает!

ГЛАВА X

Как спасти? — Счастливая мысль. — Попытка. — Тревога.
— Спасение. — В путь!

Все было сделано по приказанию Кремня, а сам он стал сговариваться с товарищами, недовольными Клыком, чтобы бежать вместе в эту же ночь; большинство немедленно и охотно согласилось, а те, которые и не согласились, обещали не выдавать их и не мешать побегу.

К счастью для Кремня, Клык еще не возвращался, а то бы от его наблюдательного взгляда не ускользнули эти таинственные переговоры Кремня и молодых воинов. Все согласилось сойтись, когда стемнеет, в пещере Кремня, и там окончательно решить, как освободить пленника и куда направить свой путь.

Когда Кремень вернулся в свою пещеру, то застал Зарю в лихорадочных сборах; она связала в несколько узлов самые дорогие и необходимые вещи и довольно большой запас провизии, так как при поспешном бегстве нельзя было рассчитывать на охоту.

Кремень сел около костра и глубоко задумался; надо было изобрести способ вытащить пленника из пещеры и унести его с собой: идти он едва ли будет способен. Но как унести его?

«Если воспользоваться тем, — думалось Кремню, — что Филин еще не пришел в себя, и сказать всем, что он согласился на обмен, то никто не помешает перенести пленника из большой пещеры сюда... Нет, это не годится, — прервал

сам себя Кремень, — если кто-нибудь догадается об обмане, — а ведь некоторые видели, как Филин бросился на меня с дубиной, — или Филин неожиданно очнется, то все пропало; меня теперь не смеют тронуть, а тогда, как вора, свяжут, и мне придет конец, — ни Филин, ни Клык не пропустят случая отомстить за мое вмешательство!»

Несколько часов прошло в мучительных думах, но совершенно бесплодно, и голова Кремня не способна была изобрести ни одного дельного плана.

Между тем, наступили сумерки, скоро сменившиеся темной ночью. Один за другим, тихо и незаметно, собирались в пещеру товарищи Кремня; каждый оставлял узел со своими вещами внизу, а сам бесшумно влезал по бревну в пещеру. Все были готовы двинуться хоть сейчас; все были уверены, что Кремень уже изобрел план спасения пленника, и были удивлены, когда Кремень сказал, что он до сих пор ничего еще не придумал. Он решил только, что бежать надо по реке, на плоту, который служил обыкновенно для переправы с одного берега на другой; надо уйти как можно дальше от пещеры, а оттуда уже направиться в ту сторону, куда укажет брат Зари.

— Но как спасти пленника, как вытащить его из пещеры? — спросил Кремень, обводя глазами сидевших кругом товарищей.

— Ты умнее всех нас, — сказал один из них, — и если ты ничего не придумал, то где же нам придумать?

— Нельзя ли взять его силой? — неожиданно предложил другой.

— Нет, нельзя, — сказал Кремень, — пока мы будем спускаться с обрыва, нас нагонят и убьют.

Все грустно замолчали, обдумывая различные планы, но тут же отказались от них, как от неисполнимых.

Олений Рог предложил завернуть пленника в шкуры и вынести его, но и этот план был отвергнут.

— Ты думаешь, Олений Рог, что никто не обратит внимания на то, что мы потащим такой громадный сверток? Ты думаешь, что Клык не догадается, что тут что-то неладно? Так наше дело совсем погибнет!

— Что же? — заметил Олений Рог, обиженный тем, что его план не был принят. — Не вырыть же нам ход с другой стороны пещеры: ведь на это...

Но не успел Олений Рог кончить, как Кремень вскочил и забегал по пещере, оглашая воздух неистовыми криками и подскакивая чуть не до потолка.

Все были испуганы и думали, что он лишился рассудка.

— Кремень, что с тобой? Опомнись! что такое случилось?

— Спасен, спасен! — повторял Кремень, продолжая неистово прыгать и кружиться.

— Кто спасен? Пленник? Ты что-нибудь придумал? — осыпали вопросами обезумевшего Кремня товарищи.

— Придумал, да, придумал, и мысль об этом мне дал Олений Рог! — радостно произнес Кремень, немного успокоившись после первых минут безумной радости.

— Как, я тебе подал мысль? Значит, ты согласен вынести пленника, завернув в шкуры?

— Нет, нет, не то...

— Но что же?

— Ты сказал: «прорыть ход»...

— Но я смеялся! Разве можно прорыть? Ведь для этого нужно много времени.

— Рыть не придется! — радостно сказал Кремень. — Или, вернее, придется, но немного. Ход уже есть, он прорыт, и его расчистить можно очень скоро...

— Какой ход? где? — с волнением стали расспрашивать все.

— Слушайте, товарищи! Может быть, многие из вас помнят еще то время, когда наше племя пришло в эти места.

— Помним, помним и даже хорошо! — отзывались те, которые были постарше. — Еще тогда погиб твой отец, Кремень, и твоя мать.

— Верно, а отчего они погибли?

— На нас напал пещерный медведь, и твой отец убил его, но и сам погиб.

— А не помните ли, откуда выскочил медведь? — продолжал свои вопросы Кремень, видя, что товарищи его еще не уловили его мысли. — Ведь медведь выскочил не из боль-

шой пещеры, а из небольшого отверстия сбоку...

— А! — радостно воскликнул Олений Рог. — Я теперь понял: это отверстие...

— Там, где лежит пленник!

— Оно заложено, чтобы не дул ветер, но мы...

— Мы его быстро очистим! Там немного земли и несколько камней, которые не трудно вынуть без шума, и тогда...

— О, тогда, Кремень, мы осторожно возьмем пленника, вынесем его, закроем снова отверстие и к утру будем далеко отсюда и пойдем искать новые места и нового вождя, с которым будет жить лучше, чем с Клыком!

Все были в восторге, что главный вопрос разрешился наконец так хорошо, и, поговорив немного, все, по совету Кременя, легли спать, потому что впереди предстояло немало трудов и забот.

Сам Кремень не ложился. Он был сильно возбужден и тихо, не мешая товарищам спать, сговаривался о подробностях с Оленьим Рогом.

Через несколько времени Кремень выглянул из пещеры и остался доволен. Ночь была черна, и нельзя было ничего разобрать даже в двух шагах. В воздухе было тихо, и небо было обложено неподвижными плотными облаками, не пропускавшими ни одного луча луны и звезд; в темноте только едва светилось отверстие большой пещеры, но и оно становилось все более и более тусклым, — очевидно, костер потухал, и все в пещере заснуло.

Кремень разбудил товарищей и приказал им идти к плоту, нагрузить вещи и ждать его.

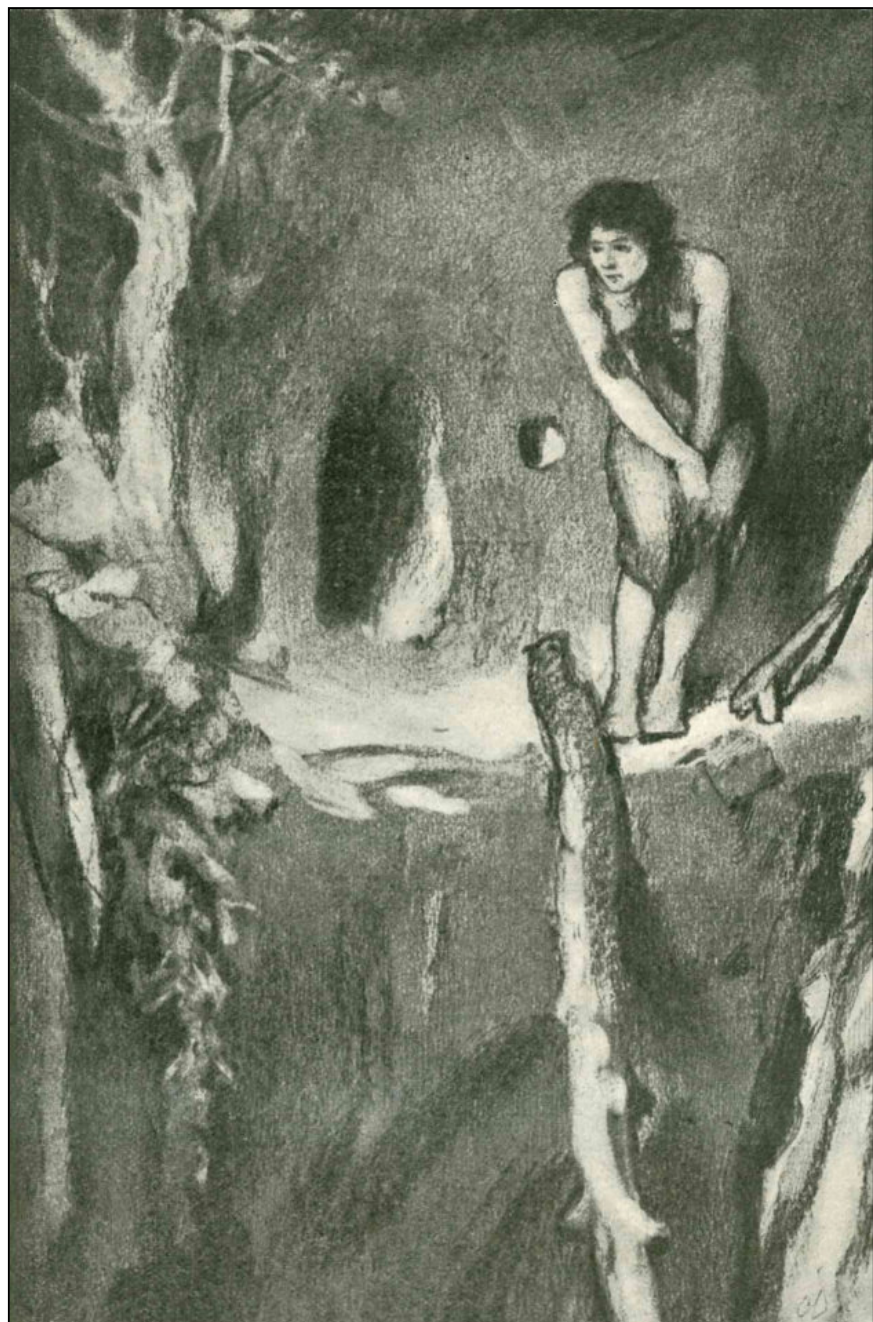
— Я пойду только с Оленьим Рогом и возьму еще с собой Ужа: он мне понадобится. Вы делайте так, как я сказал.

— Кремень, — робко сказала Заря, — и я с тобой?

— Нет, Заря, ты бери вещи и иди к плоту со всеми и жди меня.

— О, Кремень, а если ты погибнешь?

— Если я погибну, — сурово сказал Кремень, — то ты мне все равно не поможешь... Полно, Заря, — прибавил он лас-

ково и весело, — все будет хорошо, и скоро ты увидишься с братом и отцом.

— О, Кремень, — могла только произнести Заря, обнимая колени мужа, — я буду послушной, я сделаю, как ты мне приказал.

Кремень погладил Зарю по голове и сделал знак Оленьему Рогу и Ужу, что пора.

Через несколько мгновений три тени бесшумно скользили среди береговых утесов, направляясь к большой пещере незаметными, но хорошо им знакомыми тропинками. Чем ближе к пещере, тем с большими предосторожностями двигались трое смельчаков; могло случиться, что кто-нибудь из воинов находится снаружи и может всполошить все племя при первом подозрительном шуме, да и вообще лишняя осторожность не мешала делу, которое было и без того очень рискованно и могло погибнуть от малейшего недосмотра.

Подойдя близко к пещере, Кремень сделал знак Ужу, и тот исчез между кустами и скалами, скользя бесшумно, как змея; недаром ловкий мальчик получил такое имя: ни один камешек не пошевелинулся, ни одна ветка не хрустнула под его уверенными движениями. Подойдя близко к отверстию пещеры, Уж лег и стал приближаться ползком.

Кругом все было тихо и спокойно; снаружи никого не было, а изнутри неся храп спящих людей; осторожно добравшись до отверстия, Уж заглянул в пещеру, но тотчас отшатнулся: прямо против входа у догоравшего костра сидел Клык, сурово глядя на искры, перебегавшие под пеплом. Он был погружен в глубокую думу. Очевидно, его все еще волновали события этого дня, и он, видимо, предчувствовал, что Кремень что-нибудь предпримет; он знал, что Кремень не такой человек, чтобы сидеть при таких обстоятельствах сложа руки. Клык, очевидно, ждал попытки освободить пленника, тем более, что он не досчитывался некоторых молодых воинов, — товарищей Кремня. Положим, ему сказали, что эти воины ушли на охоту, но подозрительный Клык принял это известие с некоторым недоверием.

Уж скользнул обратно и сообщил товарищам о том, что Клык не спит и сторожит. Приходилось ждать, надеясь на то, что Клык несколько успокоится и, утомленный охотой, заснет.

От времени до времени Уж производил наблюдения и каждый раз приносил все более благоприятные известия: Клык, очевидно, был сильно утомлен, и понемногу его одолевал сон; он бодрился, потягивался, но дремота охватывала его все больше и больше, и наконец он, не будучи в состоянии бороться со сном, лег, но не на своем обычном месте, а тут же, около костра, надеясь, при своей чуткости, проснуться при малейшем шуме у входа.

Наконец Кремень и его товарищи вздохнули свободно после такого долгого и мучительного ожидания. Оставив по-прежнему у входа в пещеру Ужа, Кремень и Олений Рог осторожно поползли к заложенному отверстию и при помощи широких, остро обточенных костей начали разгребать землю, осторожно откладывая в сторону попадавшиеся камни. Оба работали лихорадочно, и дело быстро подвигалось, и они, наконец, добрались до крупных камней, загромождавших узкий вход. Между камнями виднелись щели, и Кремень боялся только одного, — как бы случайно сорвавшийся камень не свалился внутрь и не наделал шума.

— Вождь! — тихо позвал Кремень старика.

В ответ послышалось восклицание удивления. Очевидно, старик был поражен неожиданностью и не мог разоб-

рать в темноте, откуда слышался голос.

— Вождь, — повторил Кремень, — ощупай стены, я просуну палку, и в этом месте ты задерживай осыпающуюся землю и камни, подставь свой плащ.

— Хорошо, — ответил старик, понявший Кремня несмотря на то, что тот с трудом объяснялся на его языке.

— Что твой сын? Может он ходить, или надо его нести? Развяжи его скорей.

— Я уже развязан и почти оправился, — послышался голос молодого воина.

— Ну, так помогайте оба и слушайте, чтобы в пещере не проснулись.

Работа пошла быстро. Старик с сыном растянули плащ, и земля из отверстия сыпалась бесшумно.

— Осторожнее и скорее вылезайте, — командовал Кремень, когда отверстие стало достаточно широким.

В одно мгновение старый вождь и его сын были на воле и хотели бежать, но Кремень их остановил, так как надо было закрыть сделанное отверстие, — иначе сквозной ветер разбудит Клыка да и других. Кремень сбросил с себя плащ, закрыл им отверстие, а остальные наложили на края плаща камни и быстро засыпали землей.

Едва они успели это сделать, как Уж бесшумно проскользнул к ним и схватил за руку Кремня. Все замерли, притаив дыхание. Сердца у всех бились тревожно и быстро.

— Что случилось? — тихо спросил Кремень.

— Клык проснулся! — так же тихо ответил Уж. — Он сначала потянулся, а потом сел.

Очевидно, несмотря на принятые предосторожности, сквозной ветер и шум заставили проснуться чуть спавшего Клыка, но Кремень не терял надежды, что он снова заснет, что вскоре и подтвердил Уж, опять занявший свой наблюдательный пост.

— В путь! — скомандовал тогда Кремень, и пять темных фигур ползком стали удаляться от пещеры. Отойдя на значительное расстояние, Кремень поднялся, и все быстрыми шагами двинулись к тому месту, где находился приготовленный плот.

Вскочить на него и отвязать от камня было делом одного мгновения, а сильное течение сразу вынесло беглецов на середину реки. Олений Рог и Кремень длинными шестью ловко направляли плот и удерживали его на середине реки.

Беглецы вздохнули свободно, когда за поворотом реки скрылись родные места. Все повернулись в сторону покидаемой местности: старый вождь, его сын и Заря — с радостной мыслью о том, что скоро увидят свое родное большое озеро; молодые товарищи Кремня — с чувством свободы и жажды новых впечатлений, а Кремень — с тяжелым грустным чувством: другие, если захотят, могут вернуться, а он вернуться не может вследствие ссоры с Клыком и Филином: он покидает родину навсегда.

Заря, припавшая к его коленям, развлекла его мрачные мысли, и Кремень, стряхнув тоску, вздохнул полной грудью и уверенно стал управлять движением плота, вглядываясь в темные громады скал, едва видневшиеся в ночной темноте справа и слева.

— Ну что ж, — сказал он, — начнем, Заря, новую жизнь...

Заря вместо ответа прильнула к руке мужа благодарным поцелуем.

ГЛАВА XI

Похождения Орлиного Клюва. — Гонцы. — Встреча. — Собаки. — Переговоры. — Обратный путь. — Вниз по реке. — Через лес. — Достигнутая цель.

Ночь прошла быстро, и утро застало беглецов далеко от пещеры, когда они были уже вне опасности. Кремень был уверен, что Клык не станет их преследовать и, может быть, будет даже рад тому, что избавился от человека, которому он последнее время завидовал; исчезновение других молодых воинов тоже не должно было огорчить Клыка, так как все они были беспокойными людьми, неохотно подчинявшимися приказаниям деспотичного вождя.

Единственно, кто мог быть недовольным, это Филин, и Кремень улыбался, представляя себе ярость старого воина, когда он узнает о бегстве пленника. Не раз, может быть, Филин пожалеет, что не согласился на обмен, предложенный Кремнем. Он со злости, вероятно, захочет преследовать беглецов, но едва ли будет в состоянии сделать это, так как раньше, чем через несколько дней, он не поднимется.

Таким образом, Кремень чувствовал себя вне опасности, и его мысли обратились к будущему. Надо найти дорогу к большому озеру и отправляться туда как можно скорее.

Орлиный Клюв, — так звали спасенного пленника, — рассказал все свои похождения.

После исчезновения отца и сестры он сделался вождем племени и тотчас послал на розыски отца несколько партий воинов, но те не нашли даже следов, а наступившая зима

совершенно прекратила поиски. Орлиный Клов совсем было потерял надежду отыскать отца, но вдруг неожиданно отыскались следы: один охотник, зашедший далеко от озера, нашел большой нож, который и принес с собой; этот нож Орлиный Клов узнал с первого взгляда, — это был нож его отца.

По словам охотника, он нашел его на берегу реки, среди разбросанного грубого оружия в каком-то брошенном лагере, брошенном, видимо, очень спешно, потому что, кроме оружия, там оказались оставленными и другие вещи: плащи, шкуры, рога и проч. Среди валявшихся костей много было человеческих, показывавших, что это было становище людоедов.

Орлиный Клов решил, что отец и сестра его погибли страшной смертью, и жажда мести не давала ему покоя; наконец он не выдержал, взял с собой отряд воинов, а проводником того, который нашел нож, и двинулся в путь. По дороге он уничтожил несколько шаек дикарей, но были ли эта те, которые убили его отца, он не мог узнать, так как не понимал их языка, а они не понимали его.

Добравшись до покинутого лагеря и не найдя там никакого указания, он решил обшарить все окрестности и около месяца бродил со своим отрядом, пока не наткнулся случайно на большое племя, жившее в пещере. Велика была его радость, когда он однажды увидел своего отца бодрым и здоровым, но он не решился подойти к нему, потому что старик шел с другими воинами и нес на плечах убитую козу. Был ли отец свободен или в рабстве, Орлиный Клов определить не мог и решил хорошенько все выследить, а так как прятаться большому отряду около такого населенного места было трудно, то Орлиный Клов отвел своих воинов в узкий овраг, в двух днях пути от пещеры, а сам стал выслеживать и караулить, чтобы дать знать отцу о своей близости.

Несколько дней он бесплодно бродил по окрестностям, ежеминутно рискуя быть открытым, но старика больше не видал и решил пробраться ночью поближе к пещере. На его несчастье, запоздавшая партия охотников с Филином во

главе открыла его; дальнейшее уже было известно.

— Теперь, — сказал Кремень, выслушав рассказ, который он, при содействии Зари, хорошо понял, — надо нам остановиться где-нибудь и дать знать воинам Орлиного Клюва, что вождь спасен. Остановимся в брошенном лагере: там есть пещера, где мы были в плену, и густые камыши, где мы можем спрятать наш плот.

— Да будет так, — сказал старый вождь, — а оттуда я пойду к воинам и приведу их.

— Лучше я пойду, — сказал Кремень, — я здесь знаю хорошо все места и хожу скоро; ты, вождь, стар и скоро ходить не можешь, Орлиному Клову надо отдохнуть. Пусть он скажет, где оставил своих воинов, и я приведу их.

Все согласились с этим, и Орлиный Клов подробно рассказал, где находился его отряд. Место это оказалось знакомым Кремню и от брошенного лагеря не дальше одного дня ходьбы.

— Но как я узнаю, что это те воины, которые нужны? Может быть, вместо них я наткнусь на чужих.

— Все наши воины, — сказал старик, — носят плащи из шкур, от которых не отрезана голова, и эту голову мы надеваем, чтобы закрыться от солнца и дождя.

— Ты узнаешь наших воинов, — прибавил Орлиный Клов, — еще по тому, что у них у всех есть луки, а у предводителя, которым я оставил своего товарища Оленя, длинное копье, к которому привязан бычачий хвост.

— Этого довольно, — сказал Кремень. — Теперь я пойду и возьму с собой Ужа; он мне поможет.

Уж, услышав это, в восторге так подскочил, что свалился с плота в воду, но сейчас же взобрался снова и стал помогать Кремню укладывать дорожную провизию.

Между тем, плот быстро подвигался вперед, уносимый сильным течением, и далеко до захода солнца беглецы достигли покинутого лагеря, где Кремень и Олений Рог когда-то испытали смертельную опасность и где освободили из плена старого вождя и Зарю. Все здесь осталось в таком же виде, в каком было брошено пораженными ужасом дикарями: оружие, утварь, шкуры, все валялось, брошенное в ми-

нута панического страха; только груды костей животных и съеденных пленников были сильно изгрызены волками, шакалами и другими хищниками. Пещера стояла открытая, и недалеко от ее отверстия валялась глыба, закрывавшая прежде вход.

Кремень с любопытством осматривался кругом и вновь переживал минувшие ужасы, от которых избавился и избавил товарищей по несчастью только благодаря своей находчивости и умению изображать разные предметы.

Скоро плот был загнан в камыши и скрыт у самого берега под нависшими кустами и деревьями; все перебрались в пещеру, где немедленно развели огонь, а Кремень стал готовиться в путь, чтобы сделать большую часть дороги ночью и к полудню добраться до стоянки воинов Орлиного Клюва.

Кремень и Уж взяли только самое необходимое оружие и небольшое количество провизии и, простившись со всеми, быстрыми шагами направились в глубь страны.

Как опытные ходоки, они не разговаривали, чтобы неправильным дыханием не задерживать быстрого хода; они внимательно вглядывались вперед и по сторонам, чтобы не попасть нечаянно на врагов или на опасного зверя. Оба гонца прошли большое расстояние от лагеря, и ночь застала их в глухом лесу. Когда окончательно стемнело, и даже Кремень не в состоянии был ничего видеть, они решили остановиться. Закусив припасенной провизией, Кремень и Уж выбрали большое дерево, влезли на его толстые ветви, крепко привязали себя ремнями и тотчас погрузились в глубокий и мирный сон, который не был ничем нарушен.

Рано утром, задолго до восхода солнца, Кремень разбудил своего молодого спутника, и они двинулись дальше.

Солнце поднялось высоко, когда они стали приближаться к своей цели. Недалеко от оврага, к которому они направлялись, Уж увидел какого-то человека и остановил Кременя.

Вглядевшись, Кремень увидел у незнакомца плащ из волчьей шкуры, причем голова зверя с оскаленными зубами была надета на голову воина.

— Это один из тех, кого мы ищем! — сказал Кремень. — Пойдем прямо к нему.

— Он нас, кажется, заметил! — воскликнул Уж. — И хочет скрыться.

— Бежим, Уж!

— Догоним, Кремень!

— Го-о! — крикнул Кремень убегавшему воину, бросаясь за ним, но тот уже скрылся в лесной чаще.

— Нам надо обойти кругом лес, — сказал Кремень, — и подойти к их стоянке с другой стороны, где нет деревьев, а то этот воин подумает, что мы хотели напасть на него, скажет это отряду, и нас в лесу убьют раньше, чем узнают, кто мы такие.

Не теряя времени, наши гонцы свернули в сторону и стали осторожно приближаться через густую чащу, прячась за деревьями и кустами при малейшем подозрительном шуме. Скоро между деревьями замелькали просветы, а через несколько мгновений Кремень уже стоял перед открытым пространством, где не было ни одного дерева.

Кремень нырнул в высокую траву, то же сделал и Уж, и они поползли к оврагу; добравшись до откоса, они слегка приподнялись, и перед их глазами в глубине оврага открылся лагерь.

Там была тревога: очевидно, прибежавший воин рассказал о своей встрече, и его товарищи поспешно вооружались, пытливо осматривая лес, окаймлявший овраг с другой стороны.

Кремень нашел, что настало время показаться отряду без риска быть неожиданно убитым: он стоял вне выстрелов, и воины, увидев только двух человек, успокоятся и не станут нападать.

Еще раз посмотрев внимательно и увидев, что на всех воинах были именно такие плащи, какие описывал Орлиный Клюв, а у предводителя копьё с привязанным бычьим хвостом, Кремень отбросил все сомнения и, вытянувшись во весь рост, крикнул во всю силу своей широкой груди.

Воины быстро обернулись в сторону раздавшегося крика и наложили стрелы на луки, готовясь дать отпор.

— Не стреляйте! Мы друзья! — крикнул Кремень и смело стал спускаться на дно оврага.

Вдруг навстречу ему из травы выскочили два, как ему показалось, волка и со свирепым рычанием оскалили зубы. Кремень бросился на них с топором, но животные быстро отскочили и стали отступать к лагерю, точно не видя его, а потом, услышав крик одного из воинов, побежали прямо к предводителю отряда, около которого и остановились. Кремень был совершенно поражен этой сценой и невольно остановился.

— Ты видел? — спросил он Ужа.

Но Уж только хлопал глазами от изумления и не мог выговорить ни слова.

Олень, предводительствовавший небольшим отрядом, увидев только двух человек, из которых вдобавок один был еще подросток, совершенно успокоился и сделал своим воинам знак опустить оружие.

Кремень и Уж, подойдя совсем близко, сняли и положили все свое оружие, чтобы совершенно рассеять недоверчивость Оленя, который ждал их, опершись на свое длинное копьё.

— Привет храброму Оленю! — сказал Кремень, с трудом подыскивая слова малознакомого языка.

— Ты знаешь, как зовут меня? — с удивлением спросил Олень. — Кто ты? Откуда пришел?

— Меня послали Орлиный Клюв и его отец...

— Отец Орлиного Клюва? Он не раб?

— Нет, не раб. Орлиный Клюв попал в плен моему племени; он ранил одного воина, его хотели убить, я спас его, и все бежали.

Радостный крик раздался среди воинов, и они стали расспрашивать Кременя о подробностях. Кремень рассказывал все насколько мог подробнее, дополняя жестами недостававшие слова и, если не все, то слушатели главное поняли и немедленно решили идти за Кременем.

Расспросив Оленя о странных животных, так поразивших его, Кремень узнал, что это не волки, а собаки, которые очень послушны и полезны, так как чувствуют врагов издали и предупреждают своих хозяев.

— У нас в селении очень много собак, и ты, Кремень, скоро увидишь, как они бывают полезны, — и Олень погладил одного из своих псов, который ответил веселым лаем на ласку хозяина.

Кремень тоже хотел погладить его, но в ответ получил такое свирепое рычание, что решил отложить знакомство с интересными животными до более благоприятного времени.

Сборы воинов были недолгие; наскоро поев сушеного мяса, отряд покинул свою стоянку и, выбравшись из оврага, предшествуемый собаками, направился вслед за Кремнем, показывавшим дорогу. Переночевав в лесу, на следующий день к вечеру отряд достиг лагеря и был встречен радостными кликами ожидавших. Радость пришедших воинов, нашедших своего старого вождя, была неописуема, и сам вождь при виде соплеменников совершенно переменился: из молчаливого, угрюмого старика, удрученного тоской, он обратился в энергичного, живого вождя, каким был раньше и каким его описывала Заря.

Так как дальше река никому не была известна, то вождь порешил не плыть ночью, а подождать утра. Утром все сели на плот, который едва выдерживал тяжесть стольких людей, и поплыли дальше.

Через несколько дней берега реки изменились: скалы становились все ниже и ниже, чаще встречались холмы, покрытые травой и лесом, а кое-где берега были совсем плоские, и река в этих местах разливалась очень широко и образовывала много больших и маленьких островов. Кремню, по-прежнему управлявшему движениями плота, приходилось зорко всматриваться вперед и, следя за струями течения, направлять плот по главному руслу, которое часто было очень узко и терялось среди островов.

К счастью пловцов, Кремень редко ошибался, и плот садился на мель только раза три, да и то в таких местах, где

было сильное течение, помогавшее быстро снимать его.

Изредка по берегам встречались какие-то дикари, быстро скрывавшиеся при виде плота с большой толпой хорошо вооруженных воинов. Вообще плавание шло без приключений, а дожди, бывавшие иногда, конечно, не смущали воинов, привыкших ко всяким непогодам. Для Зари же Кремень устроил на плоту небольшую палатку из шкур, и она чувствовала себя в ней превосходно.

Кремень понемногу знакомился с новыми спутниками, с которыми, быть может, ему придется прожить всю жизнь, и первое впечатление было благоприятно. Все это были молодые, сильные воины, большею частью русые, с голубыми глазами, смотревшими ласково, добродушно и весело. Они большею частью весело пели и хохотали от всего, что им казалось немного смешным. Они с интересом смотрели на Кременя и восторженно осматривали его оружие и другие вещи, украшенные узорами; узнав же подробно, как он спас их вождя, Зарю, а затем Орлиного Клюва, они прониклись глубоким уважением к его уму и способностям и радовались, что такой человек будет жить с ними. Остальные соплеменники Кременя тоже сошлись с новыми товарищами и остались ими очень довольны. Вообще у Кременя понемногу отлегло от сердца. Тоска по родине потеряла свою остроту, а врожденная ему любознательность заставляла его смелее смотреть вперед и мечтать о хороших сторонах будущей жизни.

Дней десять продолжалось плавание на плоту и, наконец, старый вождь велел остановиться у плоского берега, откуда к озеру надо было идти уже пешком. Так как воины были налегке, то старик распорядился распределить поклажу Кременя и его товарищей поровну между всеми, освободив от этого только пять человек, которые обязаны были идти впереди, чтобы осматривать дорогу, охотиться и снабжать караван дичью.

Бросив плот на произвол судьбы, отряд углубился в лес. Кремень и его товарищи с любопытством смотрели на эти незнакомые леса, темные и почти непроходимые. Деревья были знакомые им, но росли так тесно, что им не было ме-

ста распускать ветви по сторонам, и они тянулись вверх, где сливались в сплошную массу зелени, не пропускавшей солнечных лучей. Пространство между близко стоявшими стволами было завалено сухими ветвями и поваленными деревьями, обросшими мхом и ползучими растениями, и вообще весь лес производил дикое и мрачное впечатление; здесь не было ни полян, покрытых цветами и травой, ни густых кустов, в которых весело щебечут птицы, ни веселых и звонких ручьев, весело бегущих среди камней и корней. Плоская, ровная земля держала и не выпускала влагу, и кое-где в небольших углублениях сверкали пятна болот, поросших по берегам жесткой травой. Глухой и непрерывный гул вершин и редкое карканье воронов делали картину еще более мрачной.

Кремень удивлялся, как старый вождь решительно шел через эти дебри, только изредка поглядывая наверх, в редкие просветы между вершинами.

— Вождь, — не выдержал, наконец, Кремень, — ты здесь был прежде?

— Нет, Кремень, не был.

— Как же ты находишь дорогу?

— Солнце показывает.

Но Кремень не мог понять, как это солнце может показывать дорогу, и его лицо выразило изумление.

— Нам надо идти вон туда, — пояснил старик, махнув рукой вперед. — Когда так идешь, то солнце направо. Надо идти все время так, чтобы солнце было направо. Понял?

— Понял, понял, вождь! — радостно сказал Кремень, сообразив, в чем дело, и удивляясь, как это раньше ему не приходила в голову такая простая вещь. Он и его племя всегда руководились только известными приметами: течением рек и ручьев, высокими горами, рощами, оврагами, большими деревьями и, уходя далеко от дома, принуждены были постоянно делать отметки то на коре деревьев, то на скалах, а это было невыгодно, потому что бродячие шайки врагов по таким отметкам легко могли найти место, где живет племя.

Несколько дней пришлось отряду пробираться сквозь чащу, и все так сильно устали, что старый вождь нашел нужным сделать большую остановку и дать всем хорошенько отдохнуть. Только Орлиный Клюв и Олень решили не останавливаться, а идти вперед и сообщить племени о радостной вести, чтобы воины, оставшиеся дома, могли устроить подобающую встречу своему вождю. Неугомонный Уж горел нетерпением видеть поскорее озеро и приставал к Кремню до тех пор, пока тот не разрешил ему идти с Орлиным Клювом, который добродушно согласился взять с собой веселого и юркого мальчишку.

Уж завизжал от восторга, повис на ближайшей ветке, перевернулся, перескочил, как белка, на другой сук и, наконец, кубарем скатился к ногам Кремня, от которого и получил подзатыльник с внушением не отходить от Орлиного Клюва и Оленя. Уж обещал, и вскоре трое путников исчезли в чаще, а остальные расположились под деревьями на продолжительный отдых.

Отдохнув в течение одного дня и двух ночей, отряд с новыми силами двинулся вперед. Старик вел теперь по знакомой ему местности, а потому выбирал места, где дорога была лучше, и дня через два под вечер путешественники увидели в просветы между стволами покойную гладь большого озера и огоньки, горевшие в хижинах. Все вздохнули свободно, предвкушая скорый и основательный отдых.

В селении уже узнали о приближении старого вождя, и все население с горящими головнями в руках и с криками радости встретило прибывших. Больше всех суетился и кричал, конечно, Уж, вертевшийся около Кремня и Зари.

— Привет тебе, наш великий вождь! — кричали восторженно воины.

Старый вождь, положив одну руку на плечо подошедшего сына, а другую на плечо Кремня, сказал последнему:

— Отныне ты мне сын! Войди же в жилище твоего отца!

И он вступил в селение. На его гордом и величавом лице отражалось глубокое волнение.

ГЛАВА XII

Новое племя. — Постройка хижины. — Старые мечты и неудача.
— Ураган. — Видение Кремня. — Новая мысль. — Пропавшее стадо. — Горе Кремня. — Тревога. — Чудо.

Кремень с удивлением осматривался кругом. Все для него было так ново и необыкновенно; ему еще никогда не приходилось видеть таких селений; он даже и не предполагал, что можно жить в иных жилищах, кроме пещер. Заря ему много раз рассказывала об устройстве их жилищ, но Кремень все-таки не мог их себе ясно представить и теперь все рассматривал с особенным интересом.

Селение было расположено на пологом холме, спускавшемся к озеру, и окружено высокой оградой из толстых бревен, стоявших вплотную друг около друга и глубоко вкопанных в землю; верхушки бревен были обуглены и заострены и представляли из себя прочную ограду не только против зверей, которых было не мало в окрестных лесах, но и против людей. Сидя за таким забором, двадцать человек, вооруженных луками и стрелами, могли отразить нападение более сотни врагов.

В этой ограде с одной стороны был сделан узкий вход, запиравшийся поперечными брусьями, и когда последние были положены, то вход внутрь делался совершенно недоступным. Кремень тотчас оценил все преимущества такого устройства. Да и действительно, как иначе избавиться

от нападений? В пещере, где раньше жил Кремень, была естественная защита, в виде обрыва и узкого, легко охраняемого входа; здесь же, на ровном почти месте, необходимо было что-нибудь придумать для защиты, и то, что было придумано, очень понравилось Кремню как простотой устройства, так и прочностью.

Внутренность поселения отвечала наружному виду. Хижины, разбросанные по холму, то по несколько вместе, то отдельно, были сложены большею частью из очень толстых бревен и смотрели очень прочно. Многие из хижин,

впрочем, были выстроены не из бревен, а из плетня и обмазаны снаружи глиной, смешанной с сухой травой. Подробности эти Кремень рассмотрел только на следующий день, потому что вечером в день прибытия было слишком темно, да и Кремню, вследствие усталости, было не до наблюдений, и он с удовольствием повалился на груды шкур в хижине вождя и заснул мертвым сном без сновидений. Заря же, несмотря на усталость, была возбуждена и не могла спать; она перебегала от хижины к хижине, радуясь, как ребенок, и болтая со своими соседями и соседками, с которыми она так недавно еще и не надеялась увидеться.

Только поздно вечером, почти ночью, селение окончательно затихло, и все крепко заснуло после пережитых волнений.

В следующие дни Кремень стал знакомиться с новыми товарищами и пришел к утешительным выводам, которые дали ему надежду, что он хорошо сживется с новым племенем. Племя приняло его радушно, как храброго воина, и затем прониклось уважением и удивлением, когда увидело его украшенное оружие и одежду и когда Кремень обещал

научить их своему искусству.

Первое, о чем он позаботился, — это постройка хижины. Несколько разукрашенных рисунками плащей и кое-каких других вещей и обещание сделать красивые рукоятки для топоров доставили Кремню много сильных помощников, и работа закипела.

Одни тащили из леса бревна, другие обжигали их, чтобы они были бы одной длины, третьи обчищали насколько возможно сучья; последнего, впрочем, почти не приходилось делать, так как большинство деревьев, взятых из глубины леса, разветвлялись только на вершине.

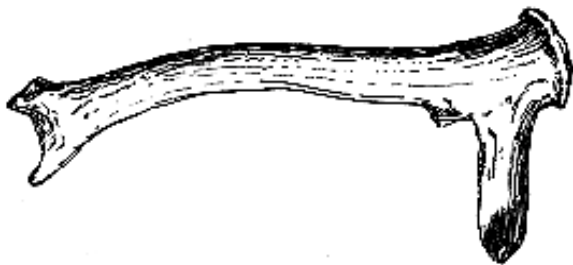

Когда бревен было заготовлено достаточно, то деятельные работники стали рыть кирками из оленьего рога глубокую канаву, в которую одно за другим вставлялись бревна, пригнанные друг к другу насколько возможно плотнее; все щели были заполняемы мелкими ветвями и впоследствии были обмазаны глиной. Не прошло и нескольких дней, как строители принялись уже за крышу, которая была искусно сложена из толстого слоя камыша, в изобилии росшего по берегам озера.

Хижина так понравилась Кремню, что он решил ее украсить и вырезать на бревнах около входа разные узоры, но отложил это до зимнего времени, так как оставшееся до холодов время надо было посвящать приготовлению запасов. В то время, когда Кремень уходил на охоту, иногда на несколько дней, Заря оканчивала устройство хижины. Она крепко убила глиняный пол, посыпала его песком, посредине устроила из камней очаг, обила стены шкурами, натаскала травы для постелей и вообще привела хижину в уютный и домовитый вид, радовавший сердце Кремня, понемногу забывавшего родину и

свою маленькую, так внезапно покинутую пещеру.

Так как дичи в окружающих лесах было много, то Кременю не составило большого труда сделать хороший запас на зиму. Во время охот он не упускал случая собирать те или другие травы, с целебными свойствами которых познакомил его еще дед при своей жизни. Кремень искусно лечил раны, вывихи и ушибы, и вскоре многие стали прибегать к его помощи, и он, конечно, никому не отказывал и охотно делал, что мог, за что снискал себе еще более глубокое уважение.

Наконец, наступила зима. Снег покрыл землю и сковал озеро льдом, и в хижинах загорелись неугасаемые огни костров. Жизнь потекла мирно и монотонно. Кремень усердно работал над украшением всевозможных вещей, которые ему натаскали новые соплеменники, и делал указания тем, которые хотели научиться у него, для чего и собирались каждый день у его костра. Так как в окрестностях озера не было кремней, то приходилось довольствоваться другими камнями, из которых некоторые годились для обработки, чем Кремень и воспользовался, но все-таки большую частью приходилось делать оружие из костей и оленьих рогов, отличавшихся большой крепостью.

По-прежнему на Кремня находили иногда минуты восторженности, когда ему хотелось сделать что-то большое, новое и необыкновенное; он по-прежнему постоянно делал попытки изобразить сложные сцены из окружающей жизни, но эти попытки хоть и были лучше первых, все-таки не удовлетворяли его, так как получалось все не то, что

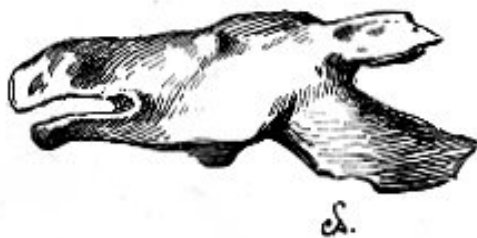

Кремень видел своим воображением, и он с досадой уничтожал свою работу и на несколько дней впадал в тоску. Заря утешала его, говоря, что и так во всем племени нет человека искуснее его.

— Я не спорю, — отвечал на это Кремень, — никто не может лучше меня сделать узоры, но мне этого мало, я хочу сделать что-нибудь еще лучшее; я хочу на кости или на дереве выцарапать охоту или бой с врагами так, чтобы всякий понял, что я изобразил.

— Но ведь это невозможно.

— Нет, возможно. Помнишь, как я вырезал на коре мамонта, — ведь он был похож. Так же я хочу изобразить и других животных и людей... И я добьюсь своего! Великий Дух мне поможет, если я буду просить его! — энергично закончил Кремень.

Не довольствуясь попытками изобразить ту или другую сцену, Кремень пробовал еще лепить из глины фигуры людей и животных и, к его удивлению, эти попытки оказались до-

вольно удачными, но этого он никому не показывал и скрыл даже от Зари. Ему хотелось сразу сделать что-нибудь большое, такое, чтобы все племя было поражено.

В различных работах и мечтах прошла зима, и снова весна вступила в свои права: зазеленели холмы и лес, снова засверкала блестящая гладь озера, и тысячи водяных птиц, прилетевших из дальних стран, начали вить гнезда в густых камышах. Часто шли проливные дожди, а однажды ночью разразился страшный ураган. Гром гремел, не переставая ни на минуту, темные тучи, как чудовища, ползли над озером, и молнии сверкали ослепительным блеском. Жители селения в ужасе попрятались в свои хижины, за-

бились под шкуры и дрожали, ожидая каждую минуту, что разгневанное божество поразит их смертью.

Кремень еще с утра чувствовал себя как-то странно. Он не мог работать; он чувствовал какую-то внутреннюю дрожь, и какое-то странное ощущение разливалось по всем его членам. Голова казалась ему страшно тяжелой, и в ушах раздавались глухие звуки, точно отдаленные удары громадной палицы по сухому дереву. Целый день он просидел почти неподвижно, вяло отвечая на вопросы Зари и не обращая внимания на окружающее.

К вечеру это состояние еще больше усилилось, а при первом громе начинавшегося урагана Кремень вздрогнул и неподвижно замер около костра, уставившись не моргая в пылавшие уголья.

— Кремень, Кремень! — кричала испуганная Заря, хватая его за плечо, но он точно ничего не слышал и не видел; он тяжело дышал, и бессвязные звуки вырывались из его засохших губ.

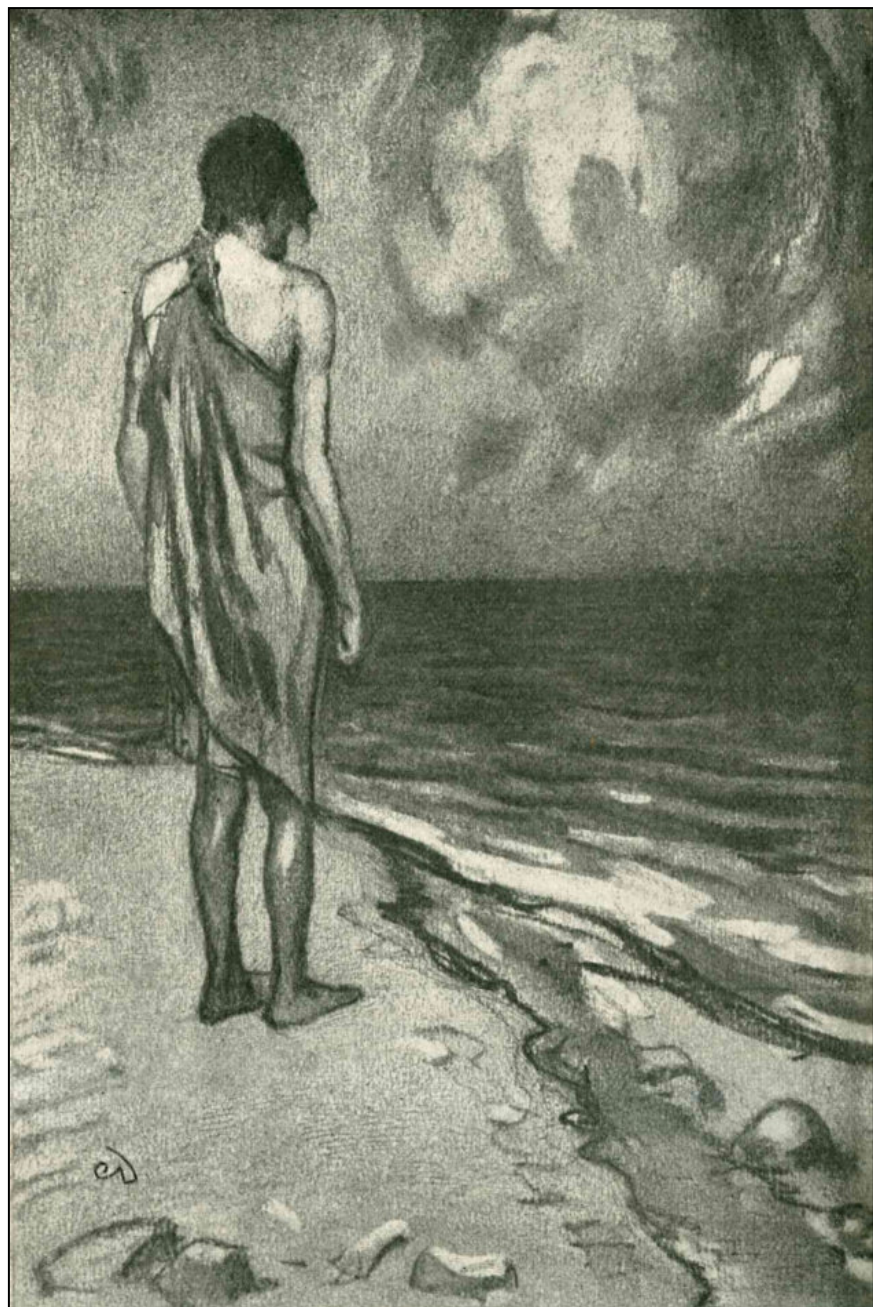
Испуганная Заря забилась под шкуры в дальнем углу хижины, вздрагивая при каждом ударе грома и вспышке молнии; ее ужас увеличивался от того, что она не могла понять, что такое делалось с мужем.

А Кремень по-прежнему все сидел неподвижно. Удары, которые звучали весь день в его ушах, слились с дикими звуками урагана; ему чудилось, что над ним раздается мощный голос самого Великого Духа, и ему вдруг показалось, что из общего шума и рева раздался властный призыв:

— Кремень, иди!..

Как обезумевший, вскочил Кремень со своего места, откинул шкуру, закрывавшую вход, и в два прыжка очутился на вершине холма. Перед ним развернулся ураган во всем своем величии. Волны озера, покрытые гребнями, сверкавшими при вспышках молний, как чешуя громадной рыбы,

набегали друг на друга и всей массой налетали на берег. Ветер вывертывал деревья, сносил крыши хижин и гнул камыши так, что они ложились на воду. Плащ с Кремня был сорван в одно мгновение, и черные пряди волос висели вокруг его головы, как черные змеи.

Подставив широкую грудь под ветер и дождь и воздев руки к несшимся над головой тучам, Кремень пел песнь мольбы и восторга. Перед ним в урагане выросла громадная темная фигура с распростертыми по всему небу руками и с блистающими огненными глазами.

— К тебе, к тебе, Великий Дух! — неся вопль из груди Кремня, и могучий неземной голос звучал ему с неба.

А ураган все бушевал; рев и свист не прекращались, и казалось даже, что иногда усиливались. Но, наконец, далеко за озером немного посветлело, и ураган стал затихать. Испуганные жители понемногу выползли из своих полуразрушенных хижин. Заря тоже вышла, отыскивая мужа, и скоро увидела его: он стоял на вершине холма с поднятыми руками и все еще пел хриплым голосом свою песнь с призывами к Великому Духу.

Толпа с суеверным ужасом прислушивалась к этой странной песне, и робкие голоса шептали:

— Кремень говорит с Великим Духом!

Но вот обессиленный и измученный

Кремень, наконец, замолчал, потом провел по лицу руками и оглянулся вокруг себя.

Он смутно сознавал, что с ним случилось, и точно сквозь сон вспоминал об урагане и о том голосе, который ему слышался в реве бури. Он послушно позволил Заре отвести себя в хижину и уложить на мягкие шкуры. Скоро сон охватил его, и тихое, покойное дыхание показало Заре, что тревожения этого дня и ночи совершенно кончились.

К утру Кремень оправился и встал бодрый и веселый, но с этого времени он стал задумываться еще чаще, а окру-

жающие, хорошо помнившие сцену во время урагана, смотрели на него со страхом и уважением, уверенные, что в такие минуты он беседует с Великим Духом.

Больные стали обращаться к Кремню еще чаще, а он, давая выпить больному настой из каких-нибудь трав, шептал над ним призыв к Великому Духу, прося исцелить этого больного. Больные, слушая эти слова, не понимали их, но верили, что без этих слов не может быть выздоровления.

Кремень старался внушить окружающим мысль о том, что все, что находится вокруг них, создано и управляется Великим Духом, но слушатели мало понимали его и только смутно чувствовали, что есть какой-то Великий Дух, который может убить их или послать удачу на охоте, но они никогда не видели его и не могли себе ясно представить, несмотря на все описания Кремня, в голове которого уже давно сложился образ Божества.

Все чаще и чаще в голову Кремня приходила мысль о том, что надо сделать на чем-нибудь изображение Великого Духа, но сколько он ни старался, у него ничего не выходило: выцарапывал он на коре, — выходило непохоже; лепил из глины, — получалась маленькая фигурка, не имевшая ничего общего с тем величественным образом, который сложился в его воображении. Однако, несмотря на неудачу, он не терял надежды когда-нибудь достигнуть желаемого.

Кремень ни с кем не делился своими мыслями и мечтами; он знал, что его никто не поймет и никто ему не поможет. Заре он тоже не открывал своих мыслей, да она и не добивалась: Заря привыкла к его задумчивости и не обращала на нее никакого внимания, зная, что в остальное время Кремень был таким же ласковым и трудолюбивым, каким был и прежде. Кроме того, у Зари прибавилась новая обязанность: у нее родился сын, и она по целым дням хлопотала то по хозяйству, то с ребенком. Хозяйство шло хорошо, а через несколько времени должно было пойти еще лучше: Кремень, наблюдая ручных собак, задумал большое дело.

— Ты знаешь, Заря, — сказал он однажды, — если б можно было приручить, кроме собак, еще и других животных: оленей, баранов, зубров, быков и других, — то мы никогда не нуждались бы в пище.

— Как же ты их приручишь? — засмеялась Заря.

— А как приручили собак?

— Собак не приручали, они всегда жили с нашим племенем.

— Как всегда? Было же время, когда не было собак в вашем племени; вероятно, кто-нибудь поймал молодых собак, и они привыкли к людям.

— Не помню, я не знаю.

— Я попробую! — сказал Кремень, заинтересовавшись этой мыслью, — может быть, мне удастся.

— О! Кремень, — сказала восторженно Заря, — ты можешь сделать все, все, что захочешь, ты умнее всех, ты знаешь все, и тебе все удастся.

— Нет, Заря, — грустно сказал Кремень, — есть вещи, которые я хотел бы сделать, но не могу... Нет, нет, придет время, — я и этого достигну! — воскликнул Кремень в ответ на возникшие в его душе сомнения. — Пойду, узнаю у вождя, когда будет большая охота.

Большая охота должна была состояться в недалеком будущем, и Кремень решил воспользоваться ею, чтобы захватить несколько молодых животных и попробовать их приручить.

— Как ты их приручишь? — спросил недоверчиво вождь. — Они у тебя подохнут от голода, а если ты их выпустишь поесть травы, они сейчас же убегут от тебя.

— Я буду сам приносить им траву в загородку, которую выстрою.

— Ну, так подохнут зимой от мороза! — заметил не желавший сдаваться вождь.

— На зиму я им выстрою хижину.

— Хижину!.. — И старый вождь от души расхохотался. — Для животных хижину?

Старику эта мысль показалась такой смешной, что он долго не мог успокоиться. Впрочем, он предоставил Крем-

ню поступать, как тот хочет. Выйдя от вождя, Кремень поделился своей мыслью с товарищами, и те приняли в ней горячее участие. Во-первых, самая мысль им показалась вполне возможной, во-вторых, это выдумал Кремень, а они знали, что задуманное им всегда имеет успех, а в-третьих, Орлиный Клов склонил сомневающихся сделать опыт простыми словами:

— Если животные не захотят приручаться, то ведь мы их можем убить и съесть.

Эта простая мысль решила дело, и многие взялись помогать Кременю.

Первое, чем занялись они, это устройством изгороди около хижины Кременя. Изгородь была сделана из жердей и довольна высокая, чтобы даже олени не могли перескочить через нее. Затем Кремень с товарищами натаскали целую гору травы и стали готовиться к охоте.

Охота, или, вернее, облава, увенчалась большим успехом, и в громадные ямы, выкопанные заранее, попало много животных. Все раненые были убиты и заготовлены на зиму впрок, а на долю Кременя досталось несколько здоровых молодых оленей, баранов и даже один молодой зубр.

Много пришлось приложить труда, чтобы связать ремнями обезумевших от ужаса животных, но, наконец, это удалось, и Кремень с товарищами перенесли и перевели добычу целой и невредимой в загородку, где и развязали животных. Некоторое время они метались по загородке, но, встречая повсюду крепкий забор, понемногу утомились,, а некоторые даже начали есть приготовленную для них траву. Кремень был в полном восторге и по целым дням наблюдал свое стадо, причем с грустью должен был убедиться, что некоторые животные погибнут. Так, два маленьких барашка были еще слишком малы, чтобы есть траву, и жалобно кричали. Как ни жалко было Кременю, но он должен был убить их и избавить таким образом от долгой голодной смерти. Так же пришлось поступить и с одним довольно большим оленем и с зубром, которые, очевидно, тоскуя по воле, не хотели ничего есть.

Зато остальные скоро привыкли к неволе и перестали пугаться людей. Когда настали холода, Кремень выстроил своему стаду небольшую низкую хижину, в которую животные забивались во время морозов.

По прошествии зимы, к весне стадо увеличилось, так как родилось несколько телят и баранов. Кремень радовался своим успехам и не раз посмеивался над вождем, который раньше не хотел верить в возможность приручить животных.

Но однажды Кремню пришлось пережить большое горе. В его отсутствие часть забора обвалилась, и так как ворота в ограде, окружавшей селение, были открыты, то все животные до последнего ягненка вырвались из неволи и исчезли.

Трудно описать горе Кремня; он чуть не лишился рассудка, когда увидел, что его упорные труды погибли в одно мгновение; с отчаянием он осматривал свалившуюся загородку, стараясь объяснить себе, как животные могли вырваться на волю. Но осмотр, конечно, не поправил дела — стадо, за которым он так ухаживал, исчезло бесследно. Многие посмеивались над неудачным опытом, но большинство сочувствовало Кремню от всей души.

Кончался уже этот печальный день; солнце спустилось очень низко, а Кремень все сидел еще в разоренной загородке и все еще не мог примириться с потерей. Вдруг громкий тревожный клик раздался по селению. Отовсюду стали выскакивать воины с оружием в руках.

— Что случилось? — кричали все, не зная, по какому поводу поднята тревога.

— Враги идут! — кричали те, которые успели добежать до вершины холма, откуда была видна вся окрестность.

Кремень очнулся и стряхнул с себя огорчение: теперь не до стада, надо было становиться в ряды защитников, уже толпившихся на холме вокруг вождя. В одно мгновение Кремень, бросившись в хижину, вооружился и взбежал на холм.

Вдали прямо против заходящего солнца клубилась пыль, поднятая большим отрядом. Странно было, что враги на-

чали нападение, не дождавшись ночи. Неужели они так сильны, что не боятся нападать при солнечном свете? Все с тревожным чувством вглядывались в столб пыли, и вождь уже отдавал приказания отдельным отрядам защищать ту или другую часть ограды.

Кремень также вглядывался своими острыми глазами в приближающихся врагов и вдруг испустил громкий крик.

— Благодарю, благодарю, Великий Дух! — воскликнул он, бросая на землю оружие и протягивая руки к солнцу, и затем запел одну из своих восторженных песен, в которых изливал волновавшие его чувства.

— Что с тобой, Кремень? — с удивлением спросил вождь, глядя на него.

— Вождь, — торжественно ответил Кремень, — опусти оружие ипусти воинов по домам, — там не враги! Это Великий Дух посылает мне обратно .моих животных!

И действительно, в эту минуту ветер отнес в сторону клубы пыли, и все увидели животных Кремня, не спеша возвращавшихся обратно в неволю, из которой утром они убежали.

Все были страшно поражены, и вера в могущество Кремня достигла в эту минуту высшей точки. Сам же Кремень, охваченный радостью, бросился к воротам, раскидал бревна, загораживавшие вход, и чуть не со слезами встретил беглецов, которые прямо направились к своей загородке.

Стадо, впрочем, сильно уменьшилось: вернулись только несколько быков и коров с телятами и с десятков овец; остальные — не вернулись, и Кремень решил, что они пропали навсегда. Он и раньше, впрочем, замечал, что пропавшие теперь олени и козы не могли привыкнуть к неволе и все время были очень дики и пугливы.

Во всяком случае, вернувшиеся животные доставили Кремню такую радость, что он уж и не горевал о пропаже.

Заря, разделявшая со всеми мысль о безграничном могуществе Кремня, радовалась его успеху, и долго в этот вечер продолжались веселые и оживленные разговоры в уютной хижине.

Кремень чувствовал, что ему удалось осуществить одно из очень больших и важных по своим последствиям дел.

ГЛАВА XIII

Успехи. — Дубовая роща. — Великий Дух. — Радость. — Начало работы. — Кремень делает изображение Великого Духа.
— Жертвоприношение. — Заключение.

На следующий день Кремень сам выпустил на волю стадо, но целый день сторожил его при помощи Ужа и двух собак, которые быстро сообразили, что от них требуется, и охраняли стадо так, как будто всю жизнь только этим и занимались. В этот же день Кремню удалось найти двух телят и нескольких ягнят, отбившихся накануне от стада и тоскливо бродивших в ближайшем лесу.

Итак, дело пошло на лад, и через несколько дней Кремень мог оставить совершенно свободно свое стадо на воле под надзором Ужа и собак. Каждый вечер животные приходили обратно в селение, все еще удивляя жителей, уверенных, что только заклинания Кремня заставляют их проделявать это.

Кремень же принялся за свои обычные работы, и уже многие из племени щеголяли с украшенным оружием и пестрыми плащами, сделанными Кремнем. Работы было так много, что, несмотря на нескольких помощников, Кремень едва успевал выполнять заказы воинов, желавших как можно скорее получить красивый топор, палицу или копье, и не жалевших дичи, шкур, рогов, которые они приносили в обмен на работы Кремня. Иногда он сам ходил на

охоту, не по необходимости, а ради развлечения от однообразной домашней работы; кроме того, он иногда искал уединения, чтобы отдаваться своим мечтам, и зачастую возвращался без добычи, потому что, вместо охоты, все время просиживал погруженный в мысли где-нибудь под деревом.

Однажды ему пришлось возвращаться домой, когда уже наступили сумерки. В сопровождении одной из своих собак он быстрыми шагами направлялся к селению и для сокращения пути пошел прямо через дубовую рощу, покрывавшую небольшой холм.

На этом холме росло не больше тридцати дубов, но, так как место было открытое, то дубы сильно разрослись и раскинули во все стороны корявые ветви.

Кремень был в этой роще только один раз, вскоре после прибытия к озеру, и с тех пор не заглядывал туда, потому что трудно было рассчитывать на какую-нибудь дичь на таком небольшом клочке, когда кругом в густых лесах была масса хорошей и крупной дичи. Войдя в рощу с одной стороны, Кремень стал напрямик пробираться сквозь густую мелкую заросль к большому дубу, который, как он знал, рос на вершине холма и разросся так, что под ним было темно даже днем. Но вдруг вместо особенной темноты Кремень, наоборот, увидел просветы между стволами; он был сильно удивлен.

«Неужели я прошел уже всю рощу?» — думалось ему.

Еще несколько шагов, и, вместо конца рощи, он вышел на какую-то незнакомую поляну, окруженную темной стеной развесистых дубов. Кремень осмотрелся, не узнавая места, и вдруг в ужасе упал ниц, закрыв лицо руками.

Посреди поляны перед ним вдруг выросла таинственная, страшная фигура. Перед ним стояло какое-то существо, в три или в четыре раза превышавшее самого высокого человека. Это страшное видение стояло, наклонившись к Кремню, склонив голову, окруженную прядями волос, и расставив врозь две могучие руки, готовые, казалось, схватить обезумевшего охотника.

Кремень лежал неподвижно и глухо, сдавленным голосом шептал свои молитвы и заклинания. Сердце его билось

и, казалось, сейчас выскочит из груди; весь он дрожал и замирал, едва смея дышать...

Он сразу узнал эту фигуру: она являлась перед ним, то сверкая ослепительным светом, то темной и мрачной, как ночь, то туманной и бледной, как утренний туман над озером; она являлась ему во всем своем грозном величии во время урагана, когда ее голос звучал, покрывая шум бури, а глаза сверкали огненными змеями. И вот опять перед ним явилось это видение так ясно, как никогда раньше, и еще более мрачное и страшное в своем таинственном молчании.

Кремень ждал слов, но видение молчало; только гул окружающих дубов нарушал торжественную тишину. Прошло много времени, пока Кремень пришел немного в себя и приподнял голову, но тотчас снова ее опустил: видение не пропадало и стояло так же неподвижно, наклонившись вперед и простирая страшные руки.

Но вот Кремень услышал знакомые звуки: кто-то зевнул и стал чесаться, — это была собака Кремня; ей надоело сидеть около неподвижного хозяина, и она не прочь была бы хорошенько вздремнуть после длинной прогулки. Она ткнулась носом в щеку Кремня и лизнула его в ухо. Это привело его окончательно в чувство, а сознание подсказывало, что, если видение не убило его сразу, то опасаться нечего. Кремень робко приподнялся на колени и умоляюще простер руки к фигуре.

В это время луна, выглянув из облаков, ярко осветила поляну, и Кремень увидел, что лежал в ужасе перед полусгоревшим стволом дуба, принявшим вид человеческой фигуры. Небесный огонь сжег дерево, а ураган сломал его старый ствол; кругом вся земля была засыпана ветвями, а окружавшие дубы стояли с полуобгоревшими концами ветвей.

Оправившийся Кремень понял все, но вера в бывшее видение у него не пропала: ему думалось, что Великий Дух нарочно принял форму ствола и явился ему, чтобы напомнить о себе. Чем больше вглядывался Кремень в остатки дуба, тем яснее он представлял себе фигуру и вид Великого

Духа. Он упал на колени, на этот раз с благодарственной молитвой.

— Благодарю тебя, Великий Дух! — шептал он. — Ты дал мне свой образ, и теперь я сделаю твое изображение, и все племя преклонится пред тобой и принесет тебе жертвы, а я буду твоим рабом, пока ты не призовешь меня к себе!..

Поздно ночью Кремень покинул, наконец, священные для него с этого времени поляну и рощу и быстрыми шагами направился к селению, где Заря давно уже нетерпеливо его поджидала.

— Что с тобою, Кремень? — встретила она его. — Чем ты так доволен? Была удачная охота?

— Нет, Заря, я не охотился, но я видел опять Великого Духа и скоро сделаю его изображение. Он научил меня, он показал, как это сделать! Когда я это сделаю, то он сам войдет в свое изображение, и каждый, кто захочет, сможет с ним говорить...

— О, Кремень! — восторженно произнесла Заря, с благоговением смотря на своего мужа.

Наутро Кремень снова отправился в рощу и, осмотрев обгорелый ствол, решил, что надежда не обманула его и что, потрудившись над ним, он достигнет всего, чего ему уже давно хотелось. Горя желанием скорее начать работу и решив скрыть от всех свой план, он направился к вождю, чтобы просить его наложить запрещение на рощу.

Старый вождь иногда накладывал запрещения на те или другие вещи или действия, и племя безусловно слушалось его, зная, что нарушителей ждет смерть. Так, запрещалось, например, пользоваться медом пчел, потому что он считался общественным достоянием; запрещалось охотиться на мамонта, если охотников мало, — они обязаны были давать знать вождю, который и устраивал облаву всем племенем; запрещалось многое и другое, если вождь находил это полезным для всего племени.

— Вождь, — сказал Кремень, придя к старику, — вчера вечером в дубовой роще я видел опять Великого Духа! Я буду часто ходить туда и узнавать его волю, но Великий Дух не будет являться при всех, а потому прошу тебя, наложи за-

прещение на рощу, чтобы никто, ни взрослый, ни подросток, ни мужчина, ни женщина, ни ребенок не ходили туда!

Вождь, слушавший Кремня с благоговением и веря, что он говорит по повелению Великого Духа, наклонил голову в знак согласия.

— Хорошо, — сказал он, — я наложу запрещение! Поди созови племя.

Через несколько минут глухие удары палки по сухому бревну, висевшему на ремнях, вызвали всех жителей к хижине вождя, который вышел к ним в широком плаще, опираясь на длинное копьё, прихотливо украшенное Кремнем разными узорами.

— Воины, а также и женщины! — торжественно обратился вождь к народу. — Вчера Великий Дух явился Кремню в дубовой роще и будет там являться ему постоянно, а потому никто, кроме Кремня, не смеет ходить туда! На рощу я накладываю запрещение, а кто ослушается, того постигнет смерть!

Слушатели покорно склонили головы и без возражений разошлись по своим хижинам. Это запрещение никого не интересовало: роща никому не была нужна, и там из всего племени бывало, может быть, только несколько человек, — но интерес к Кремню и уважение к нему еще более увеличились от слов старого вождя.

Не теряя времени, Кремень принялся за работу. Желая оградить себя совершенно от всякого, даже случайного посещения, он устроил в роще вокруг поляны высокий забор из шестов и заплел их ветвями, затем очистил поляну от ветвей, кустов и мелкой поросли и, наконец, принялся за главную работу.

Вооруженный топором, костяными долотами, кремневыми ножами с зубчатыми лезвиями, он начал долбить, рубить и пилить крепкое, как олений рог, дерево, терпеливо отламывая щепку за щепкой и подбадряя себя мыслью, что Великий Дух будет помогать ему.

Как ни привык Кремень к упорной и медленной работе, однако, он сразу увидел, что ему придется работать, может быть, несколько лет, пока он достигнет желаемого. Это,

впрочем, его не пугало, и было обидно лишь то, что зимой во время морозов придется совершенно прекратить работу. Ему приходила в голову мысль выстроить такую высокую хижину, чтобы фигура идола поместилась внутри, но эту мысль он вскоре отбросил, потому что выстроить хижину ему одному было не под силу, а просить помощи и посвящать в свою тайну других — он не хотел.

Когда наступили, наконец, холода и работу волей-неволей пришлось прекратить, Кремень, в последний раз осмотрев сделанное, pokrыл фигуру шкурами и завалил ветвями и травой.

Он был доволен тем, что успел сделать: толстый ствол и ветви были очищены от коры; там, где начинались эти ветви, теперь уже появились широкие плечи; на них, на короткой шее, помещалась большая голова, которой Кремень придавал почти круглую форму; уже были намечены глаза, нос и рот, но на этом и пришлось покончить до весны.

Заря была очень довольна, что Кремень опять вернулся в хижину и стал домоседом, но особенно довольна она была тем, что Кремень перестал задумываться, как прежде, и весело исполнял мелкие работы, не говоря больше о чем-нибудь большом и необыкновенном.

Заря была этим очень довольна и решила, что Кремень отказался от своих старых надежд. Она не знала его тайны, а он не разубеждал ее.

Изо дня в день жизнь Кремня и всего племени шла обычным порядком. Стадо процветало, и многие решили, по примеру Кремня, завести и себе животных. Серьезных нападений со стороны кочующих шаек племя не испытывало, а маленькие стычки небольших отрядов с врагами кончались в пользу хорошо вооруженных воинов старого вождя и Орлиного Клюва, предводительствовавшего, вместе отца, отрядами воинов.

Так прошла зима и наступила весна, которую ждал с таким нетерпением Кремень. Он снова усердно принялся

за работу, а затем опять прекратил ее с наступлением холодов. За два года было сделано так много, что следующей весной Кремень рассчитывал кончить фигуру. Особенно ему трудно досталась голова; он вылепил из глины несколько голов, и это помогло ему справиться с задачей. Ему хотелось придать лицу идола грозное выражение и, мало-помалу, осторожно сскабливая кусок за куском, он достигал того, чего ему хотелось. Чем ближе к концу, тем нетерпеливее работал Кремень, иногда даже ночуя

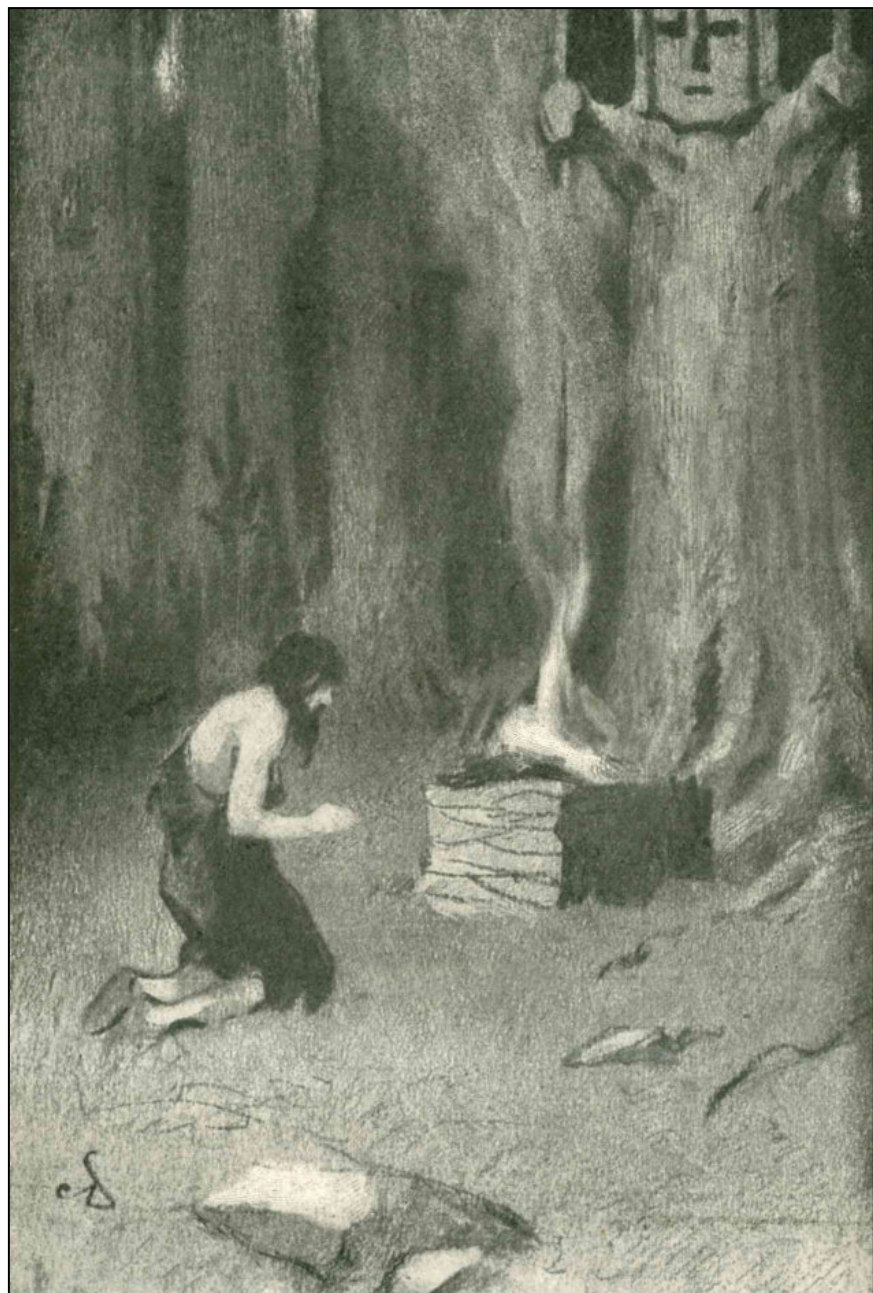
в роще.

Последняя зима была особенно для него томительна и тосклива. Он не мог дожидаться теплых дней, чтобы снова приняться за страстно увлекавшую его работу; он заранее предвкушал тот восторг и удивление, которые охватят всех жителей селения, когда они увидят изображение Великого Духа.

Нетерпение Кремня смягчалось только радостью, что его семейная жизнь шла хорошо и без всяких тревог. Его красивое лицо освещалось улыбкой счастья, когда он возился с двумя своими сынишками на разостланных шкурах, причем они, хватая отца за волосы и бороду, визжали, как медвежата. Заря с маленькой дочкой на руках смеялась, видя, как ее серьезный и сильный Кремень возился с неутомимыми мальчишками.

Наконец, кончилась и эта долгая зима. С первыми лучами весеннего солнца Кремень стал исчезать в свою рощу по целым дням.

Работа приходила к концу. Ствол, изображавший туловище, был опоясан узором, точно поясом, руки кончались сжатыми кулаками, в один из которых был вставлен громадный топор, а другой сжимал копьё, упиравшееся в землю и поднимавшееся высоко над головой идола; голова, вместо волос, была густо покрыта оленьими рогами, а гла-

за смотрели грозно и сурово из глубоких впадин под бровями; широкий нос и сжатые губы довершали впечатление. Идол был страшен, суров и поражал необыкновенной мощью.

В середине лета Кремень решил, что все сделано. Очистив поляну от сора, он уничтожил и забор, окружавший ее, и затем сложил перед идиолом жертвенник из камней.

Однажды утром он взял из своего стада маленького барашка и при первых лучах восходящего солнца принес Великому Духу первую жертву, которую потом и сжег на жертвеннике.

Пав ниц, он принес горячую благодарственную молитву и долго стоял, полный торжественного глубокого чувства, охватившего его душу.

Вечером этого дня он пришел к вождю и сказал ему:

— Вождь, прошло три лета и три зимы с тех пор, как ты наложил запрещение на дубовую рощу. Все это время со мной был Великий Дух, который останется в роще навсегда и будет покровителем племени. Великий Дух стоит на поляне среди рощи, и всякий может видеть его.

— Как — спросил изумленный старик, — видеть Великого Духа? Разве он показывается людям?

— Он вошел в то изображение, которое я сделал, и всякий может видеть его.

Вождь не понял, про какое изображение говорил Кремень, но тотчас собрал всех жителей и объявил им волю Кремня.

Задолго до восхода солнца Кремень сделал последние распоряжения, выбрал из стада совершенно белого молодого бычка и повел его к роще. Через несколько времени все жители селения с вождем во главе направились туда же, но остановились на опушке, ожидая сигнала, который должен был подать Кремень.

Между тем, Кремень все приготовил для торжественного жертвоприношения; зажег костер, приготовил большой кремневый нож, украсил рога жертвенного быка цветами и ветвями, затем оделся в свой лучший плащ из тонких шкур сурков, украшенный бесчисленными рисунка-

ми, выкрасил руки, ноги и лицо красной глиной, прикрепил на тонком ремне на грудь небольшую костяную пластинку с изображением мамонта, — одним словом, нарядился для предстоящего торжества и, когда все было готово, крикнул на всю рощу:

— Вождь и народ! Великий Дух призывает вас! Войдите в рощу и поклонитесь Великому Духу!

Толпа вступила на поляну, но тотчас отшатнулась в ужасе. Многие попадали на землю и завывали дикими, испуганными голосами, многие дрожали, смотря на невиданное зрелище и на страшную темную фигуру идола, наклонившегося вперед и точно упорно рассматривавшего толпу через клубы густого дыма, поднимавшегося с жертвенника и расплывавшегося в тихом утреннем воздухе. Кремень в своем плаще, с поднятыми руками, был величествен, и глубокое волнение видно было на его лице. Он видел пораженную толпу, и сознание, что он вызвал в толпе такое удивление, подняло его волнение на крайнюю высоту; он чувствовал, что сделанное им недостижимо для других, что с этих пор воля, желания, души и сердца народа находятся в его руках. Он видел, как на многих лицах впервые явилось ясное представление о Великом Духе, и видел, что многие, боясь его, будут поступать согласно приказам Божества, которые будет излагать и толковать Кремень. Смутная вера в какую-то силу, царившую над всей жизнью, над всей землей, перешли в ясную веру в идола, страшного, мощного, который не простит ослушников его воли.

Когда миновало первое волнение, Кремень ободрил толпу несколькими словами и затем, подкидывая в костер пахучие травы, запел хвалебную песнь и начал быструю пляску вокруг идола. Толпа, возбужденная этим зрелищем и пением, подражая Кременю, понеслась в бешеной пляске вокруг поляны, простирая руки, вскрикивая, потрясая оружием, забывая весь мир.

Лишь только первые лучи солнца проникли сквозь густую завесу дубов и позолотили голову идола, Кремень подавал знак остановиться и подвести к нему жертвенного быка.

Вождь и Орлиный Клюв торжественно подвели животное к Кремню, который взмахнул ножом, и кровь брызнула на пылавший жертвенник.

Толпа, тяжело дыша, смотрела на эту непонятную ей жертву и с трепетом внимала каким-то словам, произносимым вполголоса Кремнем.

Прошло много, много лет. Племя сильно приумножилось, и по берегам озера выросло несколько селений. В окружающих лесах дичь почти вся перевелась, но жители не боялись голода: большие стада быков и овец, пасшиеся на лугах и лесных полянах и охраняемые пастухами и собаками, обеспечивали жителям сытую жизнь. Охота перестала быть необходимостью и являлась больше развлечением, и народ, освободившийся от мысли о завтрашнем дне, отдавал свои досуги пению, пляскам и работам по украшению хижин, одежды, оружия и домашней утвари.

Начало, положенное Кремнем, дало хорошие плоды, и племя насчитывало немало искусных мастеров, которые делали украшения не хуже Кремня. Почти в каждой хижине было теперь небольшое изображение Великого Духа, сделанное из дерева, кости или глины, и жители не забывали приносить им небольшие жертвы в виде кусков пищи или сжигания пахучих трав, а несколько раз в году все племя ходило в священную рощу, где Кремень приносил всенародную жертву.

Идол, сделанный Кремнем, явился ядром, вокруг которого развивалась жизнь племени. Когда какой-нибудь семье и роду становилось тесно в родном селении, оно выселялось, но не уходило далеко от священной рощи, не решаясь покинуть идола, в которого они верили, и который, по их мнению, им покровительствовал, и селились поблизости. Связанные общей верой и в одно и то же божество, такие отдельные поселки не теряли связи с главным селением и жили в большой дружбе, постоянно прибегая к по-

мощи Кремня то в болезнях, то при начале какого-нибудь предприятия, то желая через его посредство обратиться к милости и защите Великого Духа.

И Кремень никому не отказывал. Удрученный годами, с поседевшими, как снег, длинными волосами и бородой до пояса, он серьезно и внимательно выслушивал каждую просьбу и всегда находил в своей памяти то или другое средство и оказывал помощь.

Много лет он был жрецом племени и научил своего старшего сына всему, что знал сам, и за последние годы почти не принимал участия в жертвоприношениях, кроме особенно торжественных случаев. Его старший сын сделался жрецом, а младший наследовал способности Кремня изображать разные узоры и предметы.

Покойно и серьезно, с сознанием выполненного долга, Кремень готовился перейти в долгую жизнь; он ждал минуты, когда Великий Дух призовет его к себе и когда его душа с дымом костра вознесется в голубую высь и сольется с белыми клубами небесного огня, пылающего перед Божеством.

— Когда я умру, то вы сожгите меня на жертвеннике в роще, — говорил Кремень сыну и окружающим.

В длинные ночи, когда сон бежал от старческих глаз Кремня, он вспоминал всю жизнь с раннего детства, и удивлительный вздох вылетал из его груди.

Он видел, что его детские забавы и игры пестрыми камнями и щепками принесли плоды, о которых он и думать не мог. Ему не приходило в голову, что такая простая вещь, как украшение узорами оружия, разовьет у многих любовь ко всему красивому, хорошему и удобному; то, что раньше казалось забавой, оборотилось в важную вещь и не только

связало людей новыми отношениями, но привязало их к родине, к земле, к родному гнезду и племени.

Семья, которая прежде, не задумываясь, бросала грубое жилище и лишние вещи и уходила искать новых мест для житья, теперь не трогалась с места. Да и как же бросить хижину, вход которой украшен резьбой, потребовавшей, может быть, года усердной работы, как выбрать из вещей лишние, когда над каждой вещью потрачено столько трудов или когда она выменяна на другие, тоже ценные вещи, как оставить стадо, как лишиться покровительства Великого Духа, находившегося в священной роще?

Перед воображением Кремня все это вставало так ясно, так сильно, и глаза его вспыхивали юношеским огнем. Он понял, что он не только научил всех понимать красоту, но дал людям родину и религию...

Однажды ранним утром раздирающий вопль, раздавшийся из хижины Кремня, дал всем знать, что старый жрец умер. Заря рыдала над телом мужа, вырывая волосы и царапая грудь и лицо. Тот, которому она отдала всю свою жизнь, который для нее был чуть ли не выше Великого Духа, покинул верную жену и ушел один. Как обезумевшая, металась Заря по хижине, не видя и не слыша ничего.

Сыновья положили тело отца на лучшие шкуры, и целый день толпы жителей приходили поклониться праху уважаемого жреца.

На следующее утро печальная процессия двинулась к священной роще, и вскоре тело Кремня в сидячем положении было помещено на жертвенник и обложено дровами. Величавое лицо усопшего было безмятежно и серьезно. Громадная толпа, молча и простирая к идолу руки, стояла, прощаясь со своим духовным вождем.

Вдруг отчаянный вопль, последний крик разбивающегося сердца пронесся над толпой, и Заря, ринувшись к жертвеннику, упала к его подножию мертвой.

Верная спутница была положена в ноги своего властелина, и костер запылал. Идол, наклонившийся над костром, простирали могучие руки, как бы призывая к себе вер-

ных рабов, исполнивших на земле все, что от них требовалось.

При лучах восходившего солнца, золотившего клубы дыма, две души вознеслись к небу, к легким, воздушным, белым облакам, проносившимся в недостижимой для смертных высоте.

Список рисунков, исполненных по коллекциям Музее Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого и по другим источникам

Стр.

12. Рукоятка кинжала из оленьего рога, изображающая оленя. Франция (по слепку в Музее Антр. и Этногр.).
13. Боевые топоры из кремня. Нижний представляет грубо оббитый кусок кремня, так называемое «острие», всажненное в деревянную рукоятку. Верхний — тщательно оббитый топор, вставленный в раскол деревянной рукоятки и укрепленный ремнями.
26. Отшлифованные боевые топоры из сланца. Привязки к деревянным рукояткам ремнями восстановлены по подобным же топорам чукчей (Музей Антр. и Этногр.).
27. Так называемое «острие» из кремня, грубо оббитое после откалывания от куска кремня, употреблявшееся, как скребок при выделке шкур, как нож и т. д. Воронежская губерния (Музей Антр. и Этногр.).
28. Орнамент на глиняном горшке. Нижегородская губерния. (Музей Антр. и Этногр.).
30. Мотыги из сланца. Финляндия (по слепкам Музея Антр. и Этногр.).
32. Ножи из кремня, полученные откалыванием. Воронежская губерния (Музей Антр. и Этногр.).
33. «Острие», тщательно оббитое после откалывания от куска кремня. Франция (по слепку в Музее Антр. и Этногр.).
34. «Острие» из кремня несколько более удлиненной формы. Франция (по слепку в Музее Антр. и Этногр.).
39. Кусок бивня с процарапанным рисунком, изображающим мамонта. Франция (по слепку в Музее Антр. и Этногр.).
41. Рукоятка кинжала из оленьего рога, изображающая мамонта. Франция. (по слепку там же).
49. Вверху налево: топор кремневый, оббитый; вверху направо: кружок из кремня продырявленный, оббитый. (Продырявливание производилось при помощи полой кости и песка, вращением кости); внизу — топор из кремня, отшлифованный. Финляндия (Музей Антр. и Этногр.).

52. Кувшин, горшки и чашечки, вылепленные из глины без гончарного круга. Киевская губерния. (Отчеты Император. Археологич. Комиссии).
53. Глиняная посуда с тисненым орнаментом. Германия (по слепкам Музея Антр. и Этногр.).
57. Горшок, глиняный, с тисненым орнаментом. Киевская губерния. (Отчеты Император. Археологич. Комиссии).
60. Иголки или шилья из кремня. Среднее слегка оббито после откола от куска, крайние — после откола не обработаны. Воронежская губерния. (Музей Антр. и Этногр.).
61. Скребок из кремня для выделывания шкур, вправленный в деревяшку. Укрепление в дереве восстановлено по подобным же скребкам у чукчей, якутов и т. п. (Музей Антр. и Этногр.).
63. Скребок из кремня, оббитый, назначавшийся специально для обработки шкур. Воронежская губерния (Музей Антр. и Этногр.).
63. Костяные шилья и игла. Киевская губерния (Отчеты Император. Археологич. Комиссии).
64. Амулеты из зубов различных животных и из камешков, выточенных в виде пластинок и фигурок, напоминающих рыб, тюленей. Бусы из мелких галек. Ладожское озеро; Киевская губерния. (Иностранцев, «Человек каменн. периода на берегах Ладожского озера»; Отчеты Императ. Археологич. Комиссии).
65. Топоры из сланца, отшлифованные. 1-й — Кавказ. 2-й — Гродненская губ. (Музей Антр. и Этногр. Рукоятки восстановлены автором рисунков).
66. Шлифовальный камень и топор из сланца. Финляндия (Аспелин, «Каменный век»).
67. Боевой молот, отшлифованный. Олонецкая губерния (Музей Антр. и Этногр.).
70. Топор из кремня, грубо оббитый. Египет (Музей Антр. и Этногр.).
76. Костяные пластинки с процарапанными рисунками, изображающими быка и оленей. Франция (по слепкам Музея Антр. и Этногр.).
80. Кинжал из кремня, великолепно обработанный, оббивной. Скандинавия (Музей Антр. и Этногр.).
86. Лук и стрелы. Восстановлены по эскимосским образцам. Ниже — наконечники стрел из кремня. Скандинавия, Воронежская и Енисейская губ. (Музей Антр. и Этногр.).
88. Рукоятка кинжала из оленьего рога. Франция (по слепку в музее Антр. и Этногр.).

89. Кусок так назыв. «начальнического жезла» из оленьего рога с выцарапанным рисунком быка. Франция (по слепку в музее Антр. и Этногр.).
94. Рисунки оленей на стене пещеры. Франция.
98. Фигурка лося из кости. Енисейская губ. (Музей Антр. и Этногр.).
99. Фигурка человека из кости. Енисейская губ. (Музей Антр. и Этногр.).
100. Фигурка женщины из обожженной глины. Закаспийская область. (Музей Антр. и Этногр.).
106. Фигурка волка из кости. Енисейская губ. Костяной нож с изображением рыбы. Франция (Музей Антр. и Этногр.).
118. Фигурка лежащей лошади. Франция (по слепку в Музее Антр. и Этногр.).
124. Кирка из сланца. Олонецкая губерния (Музей Антр. и Этногр.).
126. Каменный молоток. Восстановлен по подобным же молоткам чукчей (Музей Антр. и Этногр.).
127. Боевой топор из рога лося. Ладожское озеро (Иностранцев, «Доисторический человек на берегу Ладожского озера»).
137. Налево: наконечники стрел. Ладожское озеро. Направо — наконечник остроги из кости и рыболовный крючок. Франция. Посредине 2 костяных ножа и наконечник костяного гарпуна. Франция. (Иностранцев, «Доисторический человек и т. д.» и слепки в Музее Антр. и Этногр.).
138. Светец из камня. Франция (по слепку в музее Антр. и Этногр.).
139. Лопаты из лопаток оленя (изображены по предметам из чукотской коллекции в Музее Антр. и Этногр.).
140. Кирка или топор из оленьего рога. Олонецкая губ. (Музей Антр. и Этногр.).
142. Голова лося из кости. Енисейская губ. (Музей Антр. и Этногр.).
143. Фигурка женщины из обожженной глины. Закаспийская область (Музей Антр. и Этногр.).
145. Головка женская из кости. Франция (по слепку в музее Антр. и Этногр.).
151. Нож из кремня. Скандинавия (Музей Антр. и Этногр.).
152. Долота из сланца, полированные. Олонецкая губ. (Музей Антр. и Этногр.).
157. Долото из кремня, полированное. Олонецкая губ. (Музей Антр. и Этногр.).

158. Долото из сланца, полированное, вставленное в костяную рукоятку. Изображено по такому же долоту чукчей (Музей Антр. и Этногр.).

163. Острога, копьё и рогатина с наконечниками из кости. Лук и стрела с такими же наконечниками (изображены по подобным же предметам чукотской коллекции музея Антр. и Этногр.).

165. Горшки глиняные, орнаментированные. Германия.

169. Нож из кремня, полученный откалыванием. Воронежская губерния (Музей Антр. и Этногр.).

С. Дудин

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Пахомов (1872-1924) — художник-иллюстратор, писатель, искусствовед. Из дворян. Учился в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, затем в Академии художеств. Жил в Санкт-Петербурге. Сотрудничал в журналах *Нива*, *Исторический вестник*, *Искусство и художественная промышленность*, *Родник*, *Всходы*, *Север*, *Природа и люди*, *Живописное обозрение*, *Сын Отечества* и др.

Автор очерков о художниках, событиях культурно-художественной жизни, своих путешествиях по Северу, Бессарабии и Кавказу (последние объединены в кн. *На развалинах старого царства: Путевые очерки Кавказа*, 1901). В 1904 г. опубликовал повесть для юношества «из кавказской жизни» *Два старика*. Повесть *Первый художник* была впервые издана в 1907 г., а в 1913 г. вышла в петербургском издательстве А. Ф. Девриена с многочисленными иллюстрациями С. М. Дудина.

Повесть публикуется по изданию 1913 г. В тексте исправлены наиболее очевидные опечатки, орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.